

БЮЛЛЕТЕНЬ

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1

январь

2026 г.

*Выходит
ежемесячно*

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 27 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 18 ноября 2025 г.

Об изменении состава Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

В соответствии со статьей 19 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”, пунктом 3.1 Регламента Верховного Суда Российской Федерации, пунктами 5 и 6 Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации Пленум Верховного Суда Российской Федерации п о с т а н о в л я е т внести в состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации следующие изменения:

из состава гражданско-правовой секции исключить Архипову Анну Григорьевну, Михееву Лидию Юрьевну;

из состава экономико-правовой секции исключить Валеева Дамира Хамитовича, Варварина Александра Викторовича, Винницкого Андрея Владимировича, Волкова Геннадия Александровича, Габова Андрея Владимировича, Гонгало Бронислава Мичиславовича, Громова Андрея Андреевича, Губина Евгения Порфирьевича, Гутникова Олега Валентиновича, Ершову Инну Владимировну, Илюшину Марину Николаевну, Козлову Наталию Владимировну, Комарова Александра Сергеевича, Кустову Маргариту Валерьевну, Ломакина Дмитрия Владимировича, Михееву Лидию Юрьевну, Носыреву Елену Ивановну, Павлову Елену Александровну, Подейко Вадима Андреевича, Попондопуло Владимира Федоровича, Ряховского Дмитрия Ивановича, Ягельницкого Александра Александровича, Яркова Владимира Владимировича;

из состава международно-правовой секции исключить Архипову Анну Григорьевну, Зыкина Ивана Семеновича, Костина Алексея Александровича, Крупко Светлану Игоревну, Лисицына-Светланова Андрея Геннадьевича, Хлестову Ирину Олеговну, Шебанову Надежду Александровну.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации

И.В. КРАСНОВ

Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации

О.К. ЗАТЕЛЕПИН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 31 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 25 ноября 2025 г.

О внесении изменения в Регламент Верховного Суда Российской Федерации

Руководствуясь пунктом 13 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзацем шестым пункта 7 Регламента Верховного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2 (с учетом изменений, внесенных постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 года № 31), Пленум Верховного Суда Российской Федерации п о с т а н о в л я е т:

внести в Регламент Верховного Суда Российской Федерации, утвержденный постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2 (с учетом изменений, внесенных постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 года № 31), следующее изменение:

в абзаце первом пункта 3.2 цифры “13” заменить цифрами “11”.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.В. КРАСНОВ*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
О.К. ЗАТЕЛЕПИН*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 33 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 9 декабря 2025 г.

О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней”

В связи с прекращением действия ряда международных договоров Российской Федерации Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет:

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 1999 года № 79 “О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 “О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации”:

1) абзац третий преамбулы изложить в следующей редакции:

“В частности, согласно статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. При этом судопроизводство по уголовным и гражданским делам должно осуществляться без неоправданной задержки, в сроки, позволяющие оптимально обеспечить право граждан на судебную защиту.”;

2) пункт 1 изложить в следующей редакции:

“1. Судам при осуществлении правосудия необходимо исходить из того, что несоблюдение установленных законом сроков производства по уголовным и гражданским делам существенно нарушает конституционные права граждан на судебную защиту, а также противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, которые закреплены, в частности, в статье 10 Всеобщей декларации прав человека от

10 декабря 1948 года, в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В связи с этим обратить внимание судей судов общей юрисдикции на необходимость строгого соблюдения процессуальных сроков разрешения дел, а также на недопустимость волокиты при производстве по судебным делам.”.

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 года № 35 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” пункт 20 изложить в следующей редакции:

“20. Рассматривая дела данной категории, судам надлежит учитывать положения статьи 6¹ ГПК РФ о необходимости обеспечения при осуществлении правосудия права каждого на судебное разбирательство в разумный срок, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу.”.

3. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”:

1) наименование изложить в следующей редакции:

“О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”;

2) в абзаце втором пункта 4 слова “(например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, а вступила в силу для Российской Фе-

дерации 5 мая 1998 года — в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно статье 59 этой Конвенции)” исключить;

3) абзац третий пункта 10 исключить;

4) пункт 11 изложить в следующей редакции:

“11. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер.”;

5) пункт 12 изложить в следующей редакции:

“12. При осуществлении судопроизводства суды должны принимать во внимание, что согласно статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее также — Пакт) каждый имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки. При исчислении указанных сроков по уголовным делам судебное разбирательство охватывает как процедуру предварительного следствия, так и непосредственно процедуру судебного разбирательства.

Сроки начинают исчисляться со времени, когда лицу предъявлено обвинение или это лицо задержано, заключено под стражу, применены иные меры процессуального принуждения, а заканчиваются в момент, когда приговор вступил в законную силу или уголовное дело либо уголовное преследование прекращено.

При рассмотрении вопросов об отсрочке, расстрочке, изменении способа и порядка исполнения судебных решений, а также при рассмотрении жалоб на действия судебных приставов-исполнителей суды должны принимать во внимание необходимость соблюдения требований Пакта об исполнении судебных решений в разумные сроки.

При определении того, насколько срок судебного разбирательства являлся разумным, во внимание принимается сложность дела, поведение заявителя (истца, ответчика, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поведение государства в лице соответствующих органов.”;

6) в пункте 13:

а) во втором предложении абзаца первого слова “статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” заменить словами “статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах”;

б) в абзаце втором слова “Исходя из постановлений Европейского Суда по правам человека применительно” заменить словом “Применительно”;

7) в пункте 14:

а) в абзаце первом слова “статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” заме-

нить словами “статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах”;

б) в абзаце втором слова “В соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека при установлении” заменить словами “При установлении”;

8) пункт 15 изложить в следующей редакции:

“15. Принимая решение о заключении обвиняемых под стражу в качестве меры пресечения, о продлении сроков содержания их под стражей, разрешая жалобы обвиняемых на незаконные действия должностных лиц органов предварительного расследования, суды должны учитывать необходимость соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, предусмотренных статьями 2, 7, 9, 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

При разрешении ходатайства об освобождении из-под стражи или жалобы на продление срока содержания под стражей суду необходимо принимать во внимание положение статьи 7 Пакта, согласно которому никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

К бесчеловечному обращению относятся случаи, когда такое обращение, как правило, носит преднамеренный характер, имеет место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания.

Следует учитывать, что в соответствии со статьей 10 Пакта условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству.

Унижающим достоинство обращением признается, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности.

При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания.

Оценка указанного уровня осуществляется в зависимости от конкретных обстоятельств, в частности от продолжительности неправомерного обращения с человеком, характера физических и психических последствий такого обращения. В некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья лица.”;

9) пункт 17 изложить в следующей редакции:

“17. Рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации регулярно и своевременно обеспечивать судей аутентичными текстами и официальными переводами международных договоров Российской Федерации и иных актов международного права.”;

10) в пункте 18 слова “и европейского” исключить;

11) пункт 19 исключить.

4. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 года № 23 “О судебном решении”:

1) во втором предложении абзаца второго пункта 2 слова “судами общей юрисдикции” заменить словом “судами”;

2) подпункт “в” пункта 4 исключить.

5. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации”:

1) в абзаце третьем пункта 9 слова “судами общей юрисдикции” заменить словом “судами”;

2) в абзаце первом пункта 53 слова “статьи 6 (пункт 1) Конвенции о защите прав человека и основных свобод,” исключить.

6. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”:

1) в преамбуле:

а) абзацы второй и третий изложить в следующей редакции:

“Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Применительно к свободе массовой информации в Российской Федерации действует статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, в соответствии с пунктом 2 которой каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору.

Вместе с тем в пункте 3 статьи 19 названного Пакта указано, что пользование этими правами налагает особые обязанности и особую ответственность и может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.”;

б) второе предложение абзаца пятого исключить;

2) в пункте 1:

а) в абзаце четвертом слова “судами общей юрисдикции” заменить словом “судами”;

б) абзац пятый изложить в следующей редакции:

“При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Рос-

сийской Федерации, в частности статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года.”;

3) третье предложение абзаца второго пункта 8 исключить;

4) абзацы третий и четвертый пункта 9 изложить в следующей редакции:

“По смыслу статьи 29 Конституции Российской Федерации, статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, гарантирующих каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.”.

7. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”:

1) в абзаце четвертом пункта 1 слова “судами общей юрисдикции” заменить словом “судами”;

2) в абзаце третьем пункта 23¹ слова “, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить.

8. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 52 “О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях”:

1) абзацы второй и третий преамбулы изложить в следующей редакции:

“В соответствии с пунктом 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

С учетом положений подпункта “с” пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах уголовные, гражданские дела и дела об административных правонарушениях должны рассматриваться без неоправданной задержки, в строгом соответствии с правилами судопроизводства, важной составляющей которых являются сроки рассмотрения дел.”;

2) пункт 4 изложить в следующей редакции:

“4. С учетом того, что в силу положений пункта 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года каждый арестованный или задержанный имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение, а содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, председателям судов следует уделять особое внимание вопросу усиления контроля за движением уголовных дел в отношении лиц, содержащихся под стражей, принимать организационные и другие меры по устранению причин, препятствующих своевременному рассмотрению таких дел, не допускать случаев незаконного содержания лиц под стражей.”.

9. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 “О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” в пункте 22 слова “и пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозгласивших” заменить словом “, провозгласившего”.

10. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 года № 14 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации” из абзаца первого преамбулы четвертое предложение исключить.

11. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 “О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”:

1) абзац второй преамбулы изложить в следующей редакции:

“В соответствии с пунктом 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору.”;

2) пункт 2 изложить в следующей редакции:

“2. К международным актам, которые регулируют вопросы свободы слова и массовой информации и являются обязательными для Российской Федерации в силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, относятся, в частности, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция Содружества Не-

зависимых Государств о правах и основных свободах человека.”;

3) в абзаце первом пункта 3 слова “, пункт 2 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить;

4) абзац третий пункта 16 изложить в следующей редакции:

“Под информацией, в предоставлении которой может быть отказано на основании пункта 5 части 1 статьи 20 названного Федерального закона (запрашиваемая информация является вмешательством в осуществление правосудия), следует понимать такую информацию, распространение которой может создать препятствия для осуществления справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (например, может повлечь нарушение принципов равенства сторон, состязательности сторон, презумпции невиновности, разумных сроков рассмотрения дела).”;

5) в абзаце четвертом пункта 17 слова “пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод,” исключить;

6) абзац четвертый пункта 28 исключить;

7) в абзаце втором пункта 38 слова “, статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить.

12. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 года № 27 “О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство”:

1) в пункте 2:

а) в абзаце втором слова “судами общей юрисдикции” заменить словом “судами”;

б) в абзаце третьем слова “Временная конвенция о сохранении китиков северной части Тихого океана от 9 февраля 1957 г.,” исключить;

2) абзац четвертый пункта 3 исключить.

13. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних”:

в абзаце первом пункта 2:

а) слова “Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.),” исключить;

б) первое предложение дополнить словами “и других официальных документов”;

в) второе предложение исключить.

14. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 года № 6 “О практике применения судами принудительных мер медицинского характера” из абзаца второго пункта 1 слова “, практику Европейского Суда по правам человека” исключить.

15. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 “О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве” из абза-

ца второго преамбулы слова “Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (пункт 5 статьи 5) и Протокола № 7 к данной Конвенции (статья 3),” исключить.

16. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 года № 11 “О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания” в абзаце втором пункта 2 слова “судами общей юрисдикции” заменить словом “судами”.

17. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”:

в преамбуле:

а) абзац пятый исключить;

б) в абзаце шестом после слов “С учетом значимости” дополнить словом “указанных”, слова “статей 37 и 38 УК РФ” исключить.

18. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31 “О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений”:

1) в абзаце третьем пункта 4 слова “, гарантированного статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года,” исключить;

2) подпункт “е” пункта 5 исключить;

3) в пункте 7 слова “пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод,” исключить;

4) подпункт “г” пункта 11 исключить.

19. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 года № 35 “Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов”:

1) в абзаце первом пункта 1 слова “Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года” заменить словами “Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее — Пакт)”;

2) в абзаце первом пункта 4 слова “статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” заменить словами “статья 14 Пакта”;

3) в пункте 21 слова “статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” заменить словами “статья 14 Пакта”.

20. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 года № 11 “Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом” из абзаца пятого пункта 1 слова “(постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 03.04.2012 по делу “Котов (Kotov) против

Российской Федерации” (жалоба № 54522/00))” исключить.

21. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” из абзаца первого преамбулы слова “Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию,” исключить.

22. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве” из абзаца второго преамбулы слова “и практика Европейского Суда по правам человека” исключить.

23. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 “О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем” из первого предложения абзаца второго преамбулы слова “, об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года” исключить.

24. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”:

1) в абзаце первом пункта 1 слова “, пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года” исключить;

2) абзац пятый пункта 26 исключить;

3) абзац третий пункта 60 исключить.

25. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 “О судебном приговоре”:

1) в абзаце первом пункта 1 слова “и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее — Конвенция о защите прав человека и основных свобод)” исключить;

2) в абзаце втором пункта 4 слова “и подпунктом “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить.

26. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 64 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами”:

в пункте 1:

а) в абзаце первом слова “, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года” исключить;

б) в абзаце пятом слова “, пункта 2 статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод” исключить.

27. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 “О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)”:

1) в абзаце первом преамбулы слова “, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года” исключить;

2) в абзаце втором пункта 11 слова “подпункта “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года” заменить словами “подпункта “e” пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах”.

28. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 47 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания”:

в пункте 1:

а) в абзаце пятом слова “Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, ратифицированной Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ,” исключить;

б) в абзаце шестом слова “и Совета Европы” и “, Рекомендация Rec(2006)2 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о правилах содержания заключенных в Европе от 11 января 2006 года, Рекомендация Rec(2006)13 Комитета министров Совета Европы государствам-членам об использовании оставления под стражей, об условиях, в которых оно имеет место,

и о предоставлении гарантий защиты от жестокого обращения от 27 сентября 2006 года, Общие доклады Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания” исключить.

29. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 “О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми” из абзаца второго преамбулы слова “Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (статья 5),” исключить.

30. Признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней”.

31. Признать не подлежащим применению пункт 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 52 “О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
И.В. КРАСНОВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
О.К. ЗАТЕЛЕПИН*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Обязанность владельца автомобиля,
не заключившего договор обязательного
страхования гражданской ответственности,
возместить в порядке регресса компенсационную
выплату, произведенную Российским Союзом
Автостраховщиков в связи с гибелью пассажира,
наступает вне зависимости от наличия
или отсутствия его вины в этом
дорожно-транспортном происшествии**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 16 июля 2024 г. № 127-КГ24-6-К4*

(Извлечение)

Российский Союз Автостраховщиков (далее — РСА) обратился в суд с иском к В. о возмещении компенсационной выплаты в порядке регресса.

Судом установлено, что 6 июня 2018 г. в результате взаимодействия автомобиля под управлением Г., признанного виновным в ДТП, с автомобилем под управлением В. погибла находившаяся в этом автомобиле Т.

Гражданская ответственность Г. застрахована в страховой компании, гражданская ответственность В. на момент ДТП застрахована не была, в связи с чем И. (сын Т.) обратился в РСА с заявлением о компенсационной выплате.

РСА произвел компенсационную выплату И. в размере 475 000 руб.

Поскольку претензия РСА о возмещении компенсационной выплаты в порядке регресса в добровольном порядке В. не удовлетворена, истец обратился в суд.

Решением суда первой инстанции иск РСА к В. о возмещении компенсационной выплаты в порядке регресса в размере 475 000 руб. удовлетворен, в удовлетворении иска к Г. отказано.

Изменяя решение суда первой инстанции и снижая размер возмещения до 100 000 руб., суд апелляционной инстанции указал, что отсутствие у В. полиса ОСАГО само по себе не является бесспорным основанием для удовлетворения требований истца о возмещении компенсационной выплаты в порядке регресса, так как вина В. в совершении ДТП и в причинении смерти Т. отсутствует.

Поскольку В. признал иск, но просил снизить сумму взыскания, суд апелляционной инстанции изменил решение, снизив размер возмещения до 100 000 руб.

С такими выводами согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 16 июля 2024 г. пришла к выводу о том, что судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего (п. 1).

При этом владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т.п.) третьим лицам (п. 3).

Таким образом, в последнем случае ответственность наступает для каждого из владельцев источников повышенной опасности вне зависимости от их вины.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО) одним из принципов обязательного страхования является всеобщность и обязательность страхования гражданской ответственности владельцами транспортных средств.

В силу п. 1 ст. 4 Закона об ОСАГО владельцы транспортных средств обязаны на условиях и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств.

В соответствии с п. 6 ст. 12 Закона об ОСАГО в случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда имеют лица, имеющие право в соответствии с гражданским законодательством на возмещение вреда в случае смерти кормильца, при отсутствии таких лиц — супруг, родители, дети потерпевшего, граждане, у которых потерпевший

находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода (выгодоприобретатели).

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2012 года, утвержденном 10 октября 2012 г. Президиумом Верховного Суда РФ, разъяснено, что при причинении вреда третьему лицу взаимодействием источников повышенной опасности взыскание страховых выплат в максимальном размере, установленном Законом об ОСАГО, производится одновременно с двух страховщиков, у которых застрахована гражданская ответственность владельцев транспортных средств, в том числе и в случае, если вина одного из владельцев в причинении вреда отсутствует (вопрос 1).

Согласно п. 9¹ ст. 12 Закона об ОСАГО в случае, если ответственными за вред, причиненный жизни или здоровью потерпевшего при наступлении одного и того же страхового случая, признаны несколько участников ДТП, страховщики солидарно осуществляют страховую выплату потерпевшему в части возмещения указанного вреда в порядке, предусмотренном п. 22 данной статьи. В этом случае общий размер страховой выплаты, осуществленной страховщиками, не может превышать размер страховой суммы, предусмотренной подп. “а” ст. 7 Закона об ОСАГО.

Однако названный выше пункт введен Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 88-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, вступившим в силу в этой части согласно п. 2 ст. 7 этого Федерального закона с момента опубликования.

В абз. 4 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” разъяснено, что положения п. 9¹ ст. 12 Закона об ОСАГО в редакции Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 88-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” подлежат применению к договорам страхования, заключенным с 1 мая 2019 г. Положения ст.ст. 18 и 19 Закона об ОСАГО в названной редакции применяются к отношениям, которые возникнут из требований о компенсационных выплатах, поданных после 1 июня 2019 г.

В соответствии с подп. “г” п. 1 ст. 18 Закона об ОСАГО компенсационная выплата в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, осуществляется в случаях, если страховое возмещение по обязательному страхованию не может быть осуществлено вследствие отсутствия договора обязательного страхования, по которому застрахована гражданская ответственность причинившего вред лица, из-за неисполнения им установленной названным Законом обязанности по страхованию.

В силу п. 1 ст. 19 Закона об ОСАГО компенсационные выплаты осуществляются профессиональным объединением страховщиков, дейст-

вующим на основании устава и в соответствии с данным Федеральным законом, по требованиям лиц, имеющих право на их получение.

Согласно п. 1 ст. 20 Закона об ОСАГО сумма компенсационной выплаты, произведенной потерпевшему в соответствии с подп. “в” и “г” п. 1 ст. 18 Закона об ОСАГО, взыскивается в порядке регресса по иску профессионального объединения страховщиков с лица, ответственного за причиненный потерпевшему вред.

Компенсационная выплата в счет возмещения вреда произведена РСА за ответчика В. ввиду отсутствия у одного из ответственных за причинение вреда владельцев источника повышенной опасности обязательного договора страхования гражданской ответственности.

Поскольку договор страхования Г. был заключен до 1 мая 2019 г., гражданская ответственность второго водителя не была застрахована, страховая компания, застраховавшая гражданскую ответственность Г, приобрела обязанность по выплате страхового возмещения в пределах заключенного договора, а также РСА приобрел обязанность по выплате компенсационной выплаты при обращении потерпевших.

В данном случае спор возник относительно требований РСА о взыскании выплаченной суммы компенсационной выплаты, произведенной потерпевшему, в порядке регресса с лица, виновность которого в наступлении ДТП не установлена.

Соответственно юридически значимым при рассмотрении данного спора являлся вопрос о праве РСА на предъявление требований в порядке регресса к ответчику В. независимо от его вины в совершении ДТП.

При этом возможность возмещения по одному событию двух страховых выплат применяется к договорам страхования, заключенным до 1 мая 2019 г., как в рассматриваемом случае с учетом даты ДТП — 6 июня 2018 г.

Поскольку обязанность РСА по возмещению потерпевшему вреда, причиненного источником повышенной опасности, возникает в связи с отсутствием полиса ОСАГО, при этом обязанность по возмещению должна быть исполнена владельцами обоих транспортных средств, которые являются лицами, ответственными за причиненный вред, а компенсационная выплата осуществлена в связи с неисполнением обязанности по страхованию гражданской ответственности ответчиком В., не могут быть признаны обоснованными выводы суда апелляционной инстанции о том, что регрессное обязательство В. не возникает в связи с отсутствием с его стороны нарушений ПДД.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судом апелляционной инстанции нарушения закона не исправил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Лицо, исполнявшее в течение длительного времени дополнительное соглашение к лицензионному договору, не вправе в последующем ссылаться на его незаключенность

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 6 февраля 2025 г. № 310-ЭС24-20342*

(Извлечение)

Общество (лицензиар) обратилось в арбитражный суд с иском к предпринимателю (лицензиату) о взыскании задолженности по уплате роялти по лицензионному договору.

Предприниматель против удовлетворения иска возражал, ссылаясь на исполнение обязательства в размере, согласованном в дополнительном соглашении.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен. Суды, установив, что представленное дополнительное соглашение не подписано обществом, пришли к выводу о ненадлежащем исполнении ответчиком обязательства по уплате роялти и взыскали сумму задолженности в предъявленном размере.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 6 февраля 2025 г. отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

К существенным условиям лицензионного договора относится, в частности, условие о размере вознаграждения, уплачиваемого лицензиатом лицензиару, либо о безвозмездном характере договора. Выплата вознаграждения по возмездному лицензионному договору может быть предусмотрена в форме фиксированных разовых или периодических платежей, процентных отчислений от дохода (выручки) либо в иной форме. Кроме того, может быть предусмотрен не размер вознаграждения, а порядок его определения (п. 5 ст. 1235 ГК РФ).

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”, если лицензионным договором прямо не предусмотрена его безвозмездность, но при этом в нем не согласовано условие о размере вознаграждения или о порядке его определения, такой договор в силу абз. 2 п. 5 ст. 1235 ГК РФ считается незаключенным. При этом сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по такому лицензионному договору либо иным образом подтвердившая его действие, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 1, п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Следовательно, стороны в договоре решают сами, каким образом будет осуществляться выплата вознаграждения по возмездному лицензионному договору. При этом, оценивая обстоятельства, связанные с изменением условий договора, касающихся размера вознаграждения (лицензионных платежей), суды должны принимать во внимание не только надлежащий характер оформления изменений условий договора, но и поведение сторон сделки, направленное на подтверждение согласованных условий.

Как указывал предприниматель в отзывах, оплата происходила согласно выставленным ранее счетам на протяжении 2 лет и у истца не возникало претензий по уплате роялти, следовательно, исполнение обязательств происходило согласно условиям договора в редакции дополнительного соглашения; расчет подлежащего уплате роялти осуществлял сам лицензиар; новые счета были выставлены после направления предпринимателем уведомления о расторжении договора.

Однако суды, ограничившись указанием на невозможность установления воли общества на подписание договора в новой редакции и дополнительного соглашения ввиду отсутствия в них подписи, не дали как содержательной оценки поведению лицензиара, который своими действиями подтверждал внесение изменений в договор и фактически исполнял его с учетом таких изменений, так и надлежащей оценки доводам предпринимателя о полной оплате выставленных счетов.

Между тем указанные выше доводы ответчика имели значение для правильного рассмотрения дела, поскольку согласно п. 3 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, в том числе при исполнении обязательства, стороны должны действовать добросовестно.

Частным проявлением принципа добросовестности является эстоппель, представляющий собой правовой механизм, направленный на обеспечение последовательного поведения участников правоотношений.

Поведение одной из сторон, противоречащее ее предшествующим действиям и заявлениям, на которые разумно полагалась другая сторона и вследствие противоречивого поведения понесла ущерб, является недобросовестным и в силу п. 3 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ признается недопустимым.

Эстоппель защищает добросовестную сторону, поэтому он находит применение тогда, когда доверие лица, вызванное поведением другой стороны, хотя и противоречит формальной правовой или фактической действительности, но может быть признано разумным, оправданным.

В данном случае общество, выставя в течение длительного времени предпринимателю счета на уплату роялти в соответствии с условиями договора в новой редакции, создало для него обоснованные ожидания, что общество воспринимает договор и дополнительное соглашение

как заключенные и согласно с их условиями, в том числе с условием о размере роялти.

Учитывая повышенный стандарт осмотрительности поведения предпринимателей в гражданских правоотношениях, стандарт ожидаемого добросовестного поведения при ведении деятельности предпринимателями, поведение общества, которое, с одной стороны, в заявленный в иске период выставяло счета с учетом роялти в размере, согласованном в дополнительном соглашении, а с другой стороны, оспаривало его заключенность, не может быть признано добросовестным (ст.ст. 10, 401 ГК РФ).

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 1104 Перечня охраняемых объектов подразделениями федерального государственного унитарного предприятия “Управление ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации”, утвержденного приказом Минтранса России от 3 августа 2016 г. № 222, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 апреля 2025 г. № АКПИ25-115,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 15 июля 2025 г. № АПЛ25-140*

2. Абзац 5 п. 1 постановления Правительства РФ от 18 марта 2024 г. № 326 “Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве” (в ред. постановления Правительства РФ от 26 декабря 2024 г. № 1916), признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 19 марта 2025 г. № АКПИ25-36,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 10 июля 2025 г. № АПЛ25-138*

3. Абзац 2 подп. “а” п. 5, подп. “б” п. 8, абз. 1 п. 31, п. 32 Правил определения нормативов накопления твердых коммунальных отходов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 августа 2023 г. № 1390, п. 40 приложения № 7 и приложение № 8 к данным Правилам признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 апреля 2025 г. № АКПИ25-28,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 1 июля 2025 г. № АПЛ25-128*

4. Пункты 6.11, 6.11.1 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 апреля 2025 г. № АКПИ25-33,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 26 июня 2025 г. № АПЛ25-127*

5. Сноска 6 перечня видов и категорий колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор, а также размеров утилизационного сбора, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1291, признана не противоречащей федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 апреля 2025 г. № АКПИ25-31,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 26 июня 2025 г. № АПЛ25-119*

6. Подпункт “а” п. 3, подп. “а” п. 13 приложения № 3 к Положению о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257, постановление Правительства РФ от 22 мая 2024 г. № 634 “О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 26 марта 2025 г. № АКПИ24-1111,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 10 июля 2025 г. № АПЛ25-133*

7. Пункт 26 Правил, обязательных при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2012 г. № 124, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 14 мая 2025 г. № АКПИ25-120,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 26 августа 2025 г. № АПЛ25-194*

8. Оспариваемый частично п. 5 перечня некапитальных строений, сооружений, не связанных с созданием лесной инфраструктуры, для защитных лесов, эксплуатационных лесов, резервных лесов, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 23 апреля 2022 г. № 999-р, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 июня 2025 г. № АКПИ25-209,
вступившее в законную силу*

9. Оспариваемые частично раздел 3.3 формы заявки на получение комплексного экологического разрешения, раздел IV формы комплексного экологического разрешения, утвержденных приказом Минприроды России от 22 октября 2021 г. № 780, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 мая 2025 г. № АКПИ25-111,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 21 августа 2025 г. № АПЛ25-192*

10. Пункты 1.2 и 2.1 Лесохозяйственного регламента лесничества национальный парк “Марий Чодра”, утвержденного 31 мая 2021 г. заместителем директора Департамента государственной политики и регулирования в сфере развития ООПТ и Байкальской природной территории Минприроды России, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 апреля 2025 г. № АКПИ25-110,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 24 июля 2025 г. № АПЛ25-151*

11. Пункт 3 приложения № 4 к особенностям возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, утвержденным постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2025 г. № АКПИ25-116,
вступившее в законную силу*

12. Приказ заместителя Министра обороны РФ от 16 ноября 2018 г. № 886 “Об установлении зон с особыми условиями использования территорий в отношении военных объектов Черноморского флота” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 апреля 2025 г. № АКПИ25-121,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 7 августа 2025 г. № АПЛ25-178*

1. В тех случаях, когда, например, по делу о преступлении, предусмотренном ст. 264¹ УК РФ, представленные подсудимым сведения об отчуждении транспортного средства, использованного при совершении такого преступления, опровергаются исследованными материалами дела (протоколом осмотра транспортного средства по месту его хранения подсудимым, показаниями свидетелей или документами, указывающими на отсутствие факта передачи самого транспортного средства другому участнику договора, и т.п.) и судом будет установлено, что транспортное средство продолжает принадлежать подсудимому, оно также подлежит конфискации

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 10 августа 2023 г. № 12-УДП23-5-К6*

(Извлечение)

По приговору Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 18 октября 2022 г., оставленному 7 декабря 2022 г. судом апелляционной инстанции без изменения, И. осужден по ч. 1 ст. 264¹ УК РФ.

В соответствии с п. “д” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ постановлено конфисковать в доход государства принадлежащий И. автомобиль Hyundai Creta, использованный при совершении преступления.

Постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 марта 2023 г. приговор и апелляционное постановление в отношении И. отменены в части решения о конфискации и об обращении в собственность государства принадлежащего осужденному автомобилю, разрешение вопроса о судьбе указанного автомобиля передано на новое судебное разбирательство.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил отменить постановление суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение, поскольку транспортное средство принадлежало И. и сделка по его отчуждению является ничтожной.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 10 августа 2023 г. отменила кассационное постановление в отношении И., приговор и апелляционное постановление оставила без изменения, мотивировав свое решение следующим.

В соответствии с п. “д” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ конфискации подлежат транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного, в частности, ст. 264¹ УК РФ.

Согласно положениям п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются.

Приведенные требования закона не были учтены судом кассационной инстанции в полной мере.

В своем постановлении суд кассационной инстанции отметил, что суд первой инстанции не мотивировал решение о необходимости изъятия транспортного средства из владения И., а суд апелляционной инстанции несмотря на то, что был представлен договор от 20 августа 2022 г. о продаже И. автомобиля своей дочери — О., свидетельствующий о переходе права собственности к последней, не рассмотрел возможность применения положений ч. 1 ст. 104² УК РФ о конфискации у виновного денежной суммы, соответствующей стоимости данного имущества.

Между тем приведенный вывод суда кассационной инстанции не основан на материалах дела.

Как установлено судом, И. при совершении преступления использовал принадлежащий ему автомобиль, находившийся в его собственности как на момент совершения преступления, так и на момент принятия судом первой инстанции решения о конфискации автомобиля.

Право собственности И. на данный автомобиль подтверждается регистрационными документами на транспортное средство, карточкой учета транспортного средства, представленной органом ГИБДД.

Согласно карточке учета транспортного средства от 25 декабря 2018 г., свидетельству о регистрации транспортного средства от 25 декабря 2018 г. собственником автомобиля Hyundai Creta является И., в ходе производства дознания право собственности на автомобиль И. не оспаривалось.

В соответствии с протоколом от 1 сентября 2022 г. при наложении ареста автомобиль находился в собственности и владении И. Заявлений со стороны защиты по вопросу ареста и принадлежности автомобиля не поступало.

При рассмотрении уголовного дела И. судом разъяснялась возможность конфискации транспортного средства, принадлежность ему автомобиля подсудимый не отрицал. В ходе судебных прений сторона защиты просила не применять конфискацию транспортного средства, ссылаясь на то, что “автомобилем пользовались все члены семьи”.

Установив факт принадлежности транспортного средства на праве собственности И., а также то, что оно использовалось им при совершении преступления, суд в соответствии с требованиями п. “д” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ пришел к выводу о наличии оснований для конфискации указанного автомобиля и обращении его в собственность государства.

Этот вывод суда мотивирован в описательно-мотивировочной части приговора со ссылкой на конкретные обстоятельства дела и исследованные доказательства.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции относительно конфискации автомобиля и указал, что договор

купли-продажи от 20 августа 2022 г., которым предусмотрено, что автомобиль Hyundai Creta осужденный продал О., является недействительным: с целью регистрации транспортного средства О. в регистрационные подразделения ГИБДД не обращалась. Арест на автомобиль был наложен 1 сентября 2022 г., на момент рассмотрения дела в апелляционном порядке автомобиль оставался во владении и пользовании И.

В судебном заседании суда апелляционной инстанции осужденный И. заявил, что после 20 августа 2022 г. автомобиль был передан О., он им не пользовался. Однако согласно копии протокола об административном правонарушении, представленной в судебном заседании государственным обвинителем, И. на автомобиле Hyundai Creta 1 октября 2022 г. было совершено административное правонарушение.

На основании информации органа ГИБДД по состоянию на 7 июня 2023 г. собственником автомобиля Hyundai Creta являлся И.

В связи с изложенным вывод суда кассационной инстанции о незаконности приговора в части конфискации имущества и о том, что суду апелляционной инстанции надлежало разрешить вопрос о наличии или отсутствии оснований для применения положений ч. 1 ст. 104² УК РФ, нельзя признать обоснованным.

2. Наличие у осужденной, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, других родственников, которые могут в ее отсутствие осуществлять уход за ребенком, не может являться основанием для отказа в применении отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст. 82 УК РФ

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 7 июня 2023 г. № 45-УД23-17-К7*

(Извлечение)

По приговору Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 8 февраля 2022 г. З., не судимая, осуждена по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к шести годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

В апелляционном порядке дело в отношении З. не рассматривалось.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденная З. оспаривала законность и обоснованность состоявшихся в отношении ее судебных решений и просила с учетом данных о ее личности, смягчающих наказание обстоятельств, а также ее поведения до и после совершения преступления применить к ней положения ст. 82 УК РФ и отсрочить отбывание наказания до достижения ее дочерью, 2018 года рождения, четырнадцатилетнего возраста. Кроме того, она полагала, что с учетом смягчающих наказание обстоятельств, установленных судом, имелись основания для

применения в отношении ее положений ст.ст. 64, 73 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 7 июня 2023 г. удовлетворила кассационную жалобу осужденной З., указав, в частности, следующее.

Как усматривается из материалов дела, З. имеет на иждивении малолетнюю дочь, родившуюся 24 января 2018 г.

На основании ч. 1 ст. 82 УК РФ суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста, в том числе женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, за исключением осужденных за преступления определенной категории, указанной в данной статье.

Предусмотренных ст. 82 УК РФ ограничений для применения к З. положений данной статьи в материалах дела не содержится.

Суд, принимая решение об отсутствии оснований для предоставления З. в соответствии со ст. 82 УК РФ отсрочки отбывания наказания до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста, сослался на установленные обстоятельства дела, а также на тот факт, что ребенком осужденной З. будет заниматься ее мать — Б.

Иных обстоятельств, препятствующих применению в отношении З. положений ст. 82 УК РФ, судом в приговоре не приведено.

Вместе с тем по смыслу закона критериями применения ч. 1 ст. 82 УК РФ являются наличие у осужденного ребенка в возрасте до 14 лет и его обязанность, как родителя, заниматься воспитанием своего ребенка. При этом надлежит учитывать условия жизни осужденного на свободе, совокупность данных, характеризующих его до и после совершения преступления.

Решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным, содержать подробное обоснование выводов, к которым суд пришел в результате рассмотрения вопроса об отсрочке отбывания наказания.

Из имеющегося в деле педагогического представления заместителя заведующего детским садом, который посещает дочь осужденной, следует, что З. приводила и забирала из детского сада ребенка, который был ухожен, одет соответствующим образом и по сезону, у девочки с матерью взаимоотношения теплые и доброжелательные. З. поддерживала тесный контакт с педагогами группы, следила за здоровьем дочери и всегда своевременно производила оплату за посещение ребенком дошкольного учреждения.

Согласно выводам заключения по результатам психологического обследования актуального состояния дочери осужденной З. девочка находится в тесном эмоциональном контакте с матерью, нарушение которого крайне негативно отразится на эмоционально-психическом состоянии ребенка.

Между тем обстоятельства, касающиеся судьбы малолетней дочери З., судом оставлены без внимания, каких-либо суждений об этом в приговоре не имеется.

Более того, не были проанализированы и оценены судом данные, характеризующие осужденную З., которая имеет профессиональное образование, была трудоустроена, одна обеспечивала и воспитывала малолетнего ребенка, общественный порядок не нарушала, по месту жительства и участковым характеризуется положительно, вежлива, без вредных привычек, к административной ответственности не привлекалась.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для применения в отношении З. ст. 82 УК РФ, суд кассационной инстанции лишь указал, что данный вопрос судом обсужден. Вместе с тем о применении ст. 82

УК РФ осужденная просила в кассационной жалобе, при этом в подтверждение возможности применения данной нормы привела указанные выше сведения. Однако кассационный суд общей юрисдикции вопреки требованиям ст. 401¹⁴ УПК РФ названные выше обстоятельства не принял во внимание и не оценил, свой вывод об отсутствии оснований для применения ст. 82 УК РФ не мотивировал.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение в отношении З., уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда¹.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Судебное разбирательство проводится только по предъявленному обвинению.

Изменение обвинения допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 4 апреля 2025 г. № 77-152/2023*

(Извлечение)

По приговору Крымского гарнизонного военного суда от 7 июня 2024 г., с учетом изменений, внесенных апелляционным определением Южного окружного военного суда от 6 сентября 2024 г., З. осужден к лишению свободы по ч. 2 ст. 159 УК РФ на срок два года и по ч. 2 ст. 290 УК РФ на срок два года шесть месяцев с лишением на основании ст. 48 УК РФ воинского звания “капитан медицинской службы”, а по совокупности совершенных преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ — к лишению свободы на срок три года с лишением воинского звания “капитан медицинской службы”.

З. наряду с получением взятки признан виновным в том, что путем обмана завладел принадлежавшими Т. денежными средствами в сумме 140 000 руб., причинив последнему значительный ущерб.

Кассационный военный суд, рассмотрев 4 апреля 2025 г. дело по кассационной жалобе защитника осужденного, приговор и апелляционное определение изменил, исключив из обвинения по ч. 2 ст. 159 УК РФ квалифицирующий признак “с причинением значительного ущерба гражданину”. Действия З. переквалифицированы с ч. 2 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159 УК РФ, по которой назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 руб. По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ и ч. 2 ст. 290 УК РФ, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено

окончательное наказание в виде лишения свободы на срок два года шесть месяцев и штрафа в размере 50 000 руб. с лишением воинского звания “капитан медицинской службы”.

В силу ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению; изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Из содержания обвинительного заключения по делу следует, что З. по эпизоду обвинения в завладении деньгами Т. не вменялось совершение мошенничества с причинением значительного ущерба гражданину. По данному эпизоду З. обвинялся в мошенничестве, совершенном только с использованием своего служебного положения, за которое уголовная ответственность предусмотрена ч. 3 ст. 159 УК РФ.

По результатам судебного разбирательства государственный обвинитель посчитал недоказанным наличие в действиях З. данного квалифицирующего признака, предложив суду переквалифицировать действия З. с ч. 3 на ч. 2 ст. 159 УК РФ по признаку причинения потерпевшему значительного ущерба.

Суд первой инстанции согласился с предложением государственного обвинителя.

Таким образом, изменение судом предъявленного по данному эпизоду обвинения на ч. 2 ст. 159 УК РФ, предусматривающую наличие квалифицирующего признака, который З. не вменялся, при отсутствии в материалах уголовного дела доказательств, подтверждающих значительность ущерба для потерпевшего, явилось выходом суда за пределы предъявленного З. обвинения и нарушило право подсудимого на защиту.

¹Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2023 г. приговор изменен, в том числе З. отсрочено реальное отбывание наказания в виде лишения свободы сроком на пять лет десять месяцев до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста.

2. В случае невозможности конфискации вследствие продажи или по иной причине транспортного средства, принадлежавшего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует его стоимости

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 15 мая 2025 г. № 77-175/2024*

(Извлечение)

По приговору Краснореченского гарнизонного военного суда от 24 июля 2024 г., оставленному без изменения апелляционным постановлением 1-го Восточного окружного военного суда от 31 октября 2024 г., П. помимо прочего осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 264¹ УК РФ, на основании чч. 2, 4 ст. 69, ст. 70 УК РФ к окончательному наказанию в виде лишения свободы на срок три года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок четыре года восемь месяцев двадцать два дня.

Рассмотрев 15 мая 2025 г. дело по кассационной жалобе осужденного и кассационному представлению прокурора, кассационный военный суд пришел к выводу, что приговор и апелляционное определение в отношении П. подлежат отмене в части разрешения вопроса о конфискации денежной суммы, соответствующей стоимости автомобиля, использованного П. при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264¹ УК РФ.

Уголовное дело в указанной части передано в гарнизонный военный суд на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст.ст. 397 и 399 УПК РФ.

Деля вывод о невозможности конфискации у осужденного денежных средств за это транспортное средство, суд первой инстанции сослался на отсутствие документов, подтверждающих факт приобретения и передачи П. данного транспортного средства продавцом.

В соответствии с п. “д” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ конфискации имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительно-го приговора транспортного средства, принадлежавшего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 104² УК РФ, если конфискации определенного предмета, входящего в имущество, указанного в ст. 104¹ УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

То есть конфискации денежной суммы взамен имущества, обращение которого в собственность государства невозможно вследствие его использования или продажи, является обязательной.

Факт принадлежности обвиняемому транспортного средства, использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ, относится к предмету доказывания по уголовному делу и должен быть установлен судом на основе исследований в судебном заседании доказательств (показаний свидетелей, документов, подтверждающих приобретение имущества, и др.). При этом следует учитывать, что исходя из положений п. 1 ст. 223 ГК РФ право собственности на транспортное средство возникает у лица, являющегося приобретателем, с момента передачи ему такого средства, а не с момента государственной регистрации уполномоченным органом, если иное не предусмотрено законом или договором.

Гарнизонный военный суд не дал надлежащей оценки всем установленным обстоятельствам дела, касающимся покупки П. автомобиля, что повлекло принятие необоснованного решения по вопросу его конфискации.

3. Отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения указания на отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное ч. 1 ст. 63 УК РФ, не ограничивает суд самостоятельно признать его таковым при установлении этого в ходе судебного разбирательства

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 10 апреля 2025 г. № 55-249/2024*

(Извлечение)

По приговору 2-го Восточного окружного военного суда от 15 ноября 2024 г. А. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² УК РФ (публичное оправдание и пропаганда терроризма с использованием сети “Интернет”), к лишению свободы на срок три года с лишением права заниматься соответствующей деятельностью, на срок два года за каждое, а в соответствии с чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний — на срок четыре года в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься указанной в приговоре деятельностью на срок четыре года.

Преступления осужденным совершены 26 мая и 20 октября 2022 г.

Рассмотрев 10 апреля 2025 г. дело по апелляционному представлению прокурора, апелляционный военный суд приговор изменил, указав следующее.

Не соглашаясь с позицией государственного обвинителя относительно необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. “л” ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в период мобилизации), суд со-

слался на то, что данное обстоятельство в обвинительном заключении не указано.

Согласно приговору А., негативно относясь к проведению специальной военной операции и мобилизации, разместил 26 мая и 20 октября 2022 г. в мессенджере “Телеграм” текстовые сообщения, оправдывающие и пропагандирующие терроризм.

Однако судом не учтено, что одно из преступлений (от 20 октября 2022 г.) неразрывно связано и было совершено А. в период частичной мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 “Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации”, которая распространяет свое действие на всю территорию Российской Федерации.

Данное обстоятельство нашло отражение в постановлении о привлечении А. в качестве об-

виняемого и в обвинительном заключении при описании преступления.

При таких данных отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения ссылки на то обстоятельство, что указанное преступление совершено А. в период мобилизации, как на отягчающее наказание, не препятствовало суду самостоятельно признать его таковым при постановлении приговора.

С учетом этого апелляционный военный суд по указанным действиям, связанным с пропагандой терроризма, признал совершение А. преступления в период мобилизации отягчающим его наказание обстоятельством, предусмотренным п. “л” ч. 1 ст. 63 УК РФ, исключил из приговора указание на применение ч. 1 ст. 62 УК РФ, усилил наказание за это преступление до пяти лет лишения свободы, а по совокупности — до шести лет лишения свободы.

О ПРИМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 2¹ СТАТЬИ 73 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ТРЕБОВАНИЙ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В РЕЕСТРЕ КРЕДИТОРОВ КАК ОБЕСПЕЧЕННЫХ ЗАЛОГОМ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА

Вопрос. Каким объемом прав обладает кредитор в деле о банкротстве, если исполнение его требования ранее было обеспечено посредством наложения ареста на имущество должника?

Ответ. Согласно п. 1 ст. 334¹ ГК РФ залог между залогодателем и залогодержателем возникает на основании договора. В случаях, установленных законом, залог возникает при наступлении указанных в законе обстоятельств (залог на основании закона).

По смыслу указанной нормы, а также ст.ст. 2, 18¹ и 138 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) требования кредитора могут быть установленными в деле о банкротстве как обеспеченные залогом только при залоге на основании договора либо закона.

В силу п. 5 ст. 334 ГК РФ, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (ст. 174¹ ГК РФ), обладают правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены.

Из положений ст. 174¹ и п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что наделение кредитора, в интересах которого были приняты обеспечительные меры в виде ареста, правами залогодержателя обусловлено необходимостью предоставления ему возможности обратиться с взысканием на арестованную вещь. Соответствующие права возникают у залогодержателя из процессуальных правоотношений по принятию обеспечительных мер, при этом названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения обязательства как тако-

вого, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию судебного решения о взыскании задолженности.

С учетом этого права залогодержателя, упомянутые в п. 5 ст. 334 ГК РФ, не свидетельствуют о возникновении у кредитора залога в силу закона, а потому не предоставляют такому кредитору прав залогодержателя в деле о банкротстве.

В то же время в силу п. 2¹ ст. 73 НК РФ в случае неуплаты в течение одного месяца задолженности, указанной в решении о взыскании, исполнение которого обеспечено наложением ареста на имущество в соответствии с данным Кодексом, либо вступления в силу решения, предусмотренного п. 7 ст. 101 данного Кодекса, исполнение которого обеспечено запретом на отчуждение (передачу в залог) имущества налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) без согласия налогового органа, имущество, в отношении которого применен указанный способ обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов (сборов, страховых взносов) или принята обеспечительная мера, признается находящимся в залоге у налогового органа на основании закона.

Положения указанной нормы прямо указывают на возникновение залога в силу закона, что соотносится с содержанием п. 1 ст. 334¹ ГК РФ, ст.ст. 18¹ и 138 Закона о банкротстве.

Кроме того, в рамках налоговых правоотношений при наложении ареста в порядке ст. 77 НК РФ и применении обеспечительных мер в соответствии со ст. 101 НК РФ происходит идентификация и отделение имущества, что подтверждает особый характер возникающих залоговых прав государства в силу закона. Результаты идентификации и отделения имущества должника подлежат обязательному публичному раскрытию на

официальном сайте федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, с указанием имущества, в отношении которого вынесено соответствующее решение (п. 4 ст. 72 НК РФ).

По этой причине арест, наложенный налоговым органом, порождает на основании п. 2¹ ст. 73 НК РФ залог в силу закона, поэтому требования налогового органа в деле о банкротстве устанавливаются как обеспеченные залогом и налоговый орган как кредитор имеет права залогодержателя

в отношении имущества, на которое ранее был наложен арест.

Также необходимо учитывать, что применение налоговым органом обеспечительных мер и последующее возникновение залоговых прав обусловлены публичными обязательствами и по смыслу п. 4 ст. 61⁴ Закона о банкротстве сами по себе не являются оспоримыми сделками.

*(разъяснение по вопросу утверждено Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
19 ноября 2025 г.)*

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 31 ИЮЛЯ 2025 Г. № 287-ФЗ “О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ЧАСТЬ ПЕРВУЮ НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН “ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ”

Вопрос 1. Является ли основанием для оставления без движения или возвращения, а также оставления без рассмотрения административного искового заявления о взыскании обязательных платежей и санкций отсутствие информационного сообщения, предусмотренного ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 287-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”, в ситуации, когда мировой судья до 1 ноября 2025 г. отменил судебный приказ в отношении такой задолженности?

Ответ. Часть 2 ст. 3 Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 287-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Об исполнительном производстве” (далее — Закон № 287-ФЗ) предусматривает формирование информационного сообщения о задолженности в размере сумм, не учитываемых в совокупной обязанности (далее — информационное сообщение), если налоговым органом до 1 ноября 2025 г. (включительно) не было направлено в суд заявление о взыскании такой задолженности.

В приведенной ситуации налоговый орган до 1 ноября 2025 г. обратился в суд с заявлением о взыскании задолженности в порядке приказного производства, т.е. начал процедуру судебного взыскания.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона № 287-ФЗ с 1 ноября 2025 г. при определении размера совокупной обязанности не учитываются суммы задолженности, в отношении которых налоговый орган обратился до 1 ноября 2025 г. (включительно) в суд общей юрисдикции с заявлением о взыскании задолженности с физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, если при этом по состоянию на 1 ноября 2025 г. по такому заявлению отсутствует вступивший в законную силу судебный акт, до даты вступления в законную силу судебного акта о взыскании указанных сумм.

В отношении данных сумм задолженности приведенная норма не обязывает налоговый ор-

ган направлять соответствующее информационное сообщение.

Кроме того, подача налогоплательщиком возражений относительно исполнения судебного приказа свидетельствует о его несогласии с исчисленной к взысканию суммой задолженности, а также об информированности этого лица об имеющейся задолженности.

В связи с изложенным направление налогоплательщику информационного сообщения о задолженности, в отношении которой судебный приказ до 1 ноября 2025 г. отменен мировым судьей, не требуется.

Соответственно, при обращении в суд с административным иском о взыскании обязательных платежей и санкций в ситуации, когда судебный приказ отменен до 1 ноября 2025 г., отсутствие информационного сообщения, предусмотренного ч. 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ, не может являться основанием для оставления такого заявления без движения, его возвращения налоговому органу, а также для оставления без рассмотрения.

Вопрос 2. Сколько раз и в какие сроки налоговый орган направляет налогоплательщику информационное сообщение о задолженности в размере сумм, не учитываемых в совокупной обязанности в соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ?

Ответ. Частью 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ предусмотрено формирование налоговым органом в переходный период информационного сообщения о задолженности, в отношении которой налоговый орган до 1 ноября 2025 г. (включительно) не направил в суд заявление о взыскании.

По смыслу названной нормы такое сообщение создается в отношении задолженностей, не учтенных налоговым органом при определении размера совокупной обязанности на 1 ноября 2025 г., в связи с которыми налогоплательщик — физическое лицо до истечения тридцати дней со дня формирования информационного сообщения вправе оспорить соответствующие решения, действия (бездействие) налогового органа, что является гарантией взыскания с налогоплатель-

щиков во внесудебном порядке бесспорных задолженностей, а также способом досудебного урегулирования спора в переходный период.

Таким образом, судам при разрешении вопроса о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора следует учитывать, что налоговый орган при переходе на внесудебный порядок взыскания обязательных платежей и санкций информационным сообщением однократно извещает налогоплательщика — физическое лицо об имеющихся у него задолженностях, не включенных в совокупную обязанность единого налогового счета (далее — ЕНС) на 1 ноября 2025 г. в соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ.

При этом исходя из ч. 3 ст. 3 Закона № 287-ФЗ информационное сообщение направляется налогоплательщику в течение шести месяцев со дня вступления в силу названного Закона (т.е. до 1 мая 2026 г.) вне зависимости от способа его направления (через личный кабинет налогоплательщика, личный кабинет в федеральной государственной информационной системе “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)”, по почте заказным письмом).

Вопрос 3. Подлежит ли направлению информационное сообщение в случае, если требование об уплате задолженности, в отношении которого не принято решение о взыскании, не исполнено по состоянию на 1 ноября 2025 г.?

Ответ. Согласно ч. 6 ст. 3 Закона № 287-ФЗ, если по состоянию на 1 ноября 2025 г. имеется неисполненное требование об уплате задолженности, в отношении которого не принято решение о взыскании, то принятие решения о взыскании задолженности по такому требованию и его размещение в реестре решений о взыскании задолженности осуществляются не позднее 1 июля 2026 г.

Приведенную норму следует рассматривать во взаимосвязи с ч. 2 поименованной статьи, предусматривающей формирование информационного сообщения о задолженности, в отношении которой налоговый орган до 1 ноября 2025 г. (включительно) не направил в суд заявление о взыскании.

Таким образом, если у налогоплательщика имеется задолженность, по которой требование об уплате не исполнено по состоянию на 1 ноября 2025 г., и налоговый орган в суд с заявлением о ее взыскании не обратился, этому лицу направляется информационное сообщение.

Вопрос 4. Какие документы прилагаются к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций при обращении налогового органа в суд?

Ответ. Согласно ч. 2 ст. 287 КАС РФ в редакции Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 288-ФЗ “О внесении изменений в статьи 123¹ и 287 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации” (далее — Закон № 288-ФЗ) к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и

санкций прилагаются документы, подтверждающие указанные в административном исковом заявлении обстоятельства, включая копию направленного административным истцом требования об уплате взыскиваемого платежа в добровольном порядке; копию определения судьи об отмене судебного приказа по требованию о взыскании обязательных платежей и санкций, если судебный приказ выносился; доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание административного искового заявления; документы, указанные в п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ, в частности, уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие вручение другим лицам, участвующим в деле, копий административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют.

С учетом этого к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций прилагается следующее.

1. Копия направленного налоговым органом требования об уплате взыскиваемого платежа в добровольном порядке с подтверждением его направления налогоплательщику.

2. Иные документы, подтверждающие обстоятельства, на которых налоговый орган основывает свои требования, в частности налоговое уведомление, решение о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности, решение об отмене решения о предоставлении налогового вычета, с подтверждением направления их налогоплательщику, учетные данные физического лица (в отношении несовершеннолетних лиц — также сведения о законных представителях) и документы, с которыми законодатель связывает возможность обращения налогового органа в суд на основании пп. 2, 8 ст. 48 НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ.

В случае заявления требований о взыскании земельного налога, налога на имущество физических лиц, в отдельных случаях — налога на доходы физических лиц в административном исковом заявлении либо в приложенных к нему документах обязательно указываются сведения о кадастровой стоимости соответствующего объекта недвижимости.

3. Доверенность или иные документы, удостоверяющие полномочия представителя налогового органа на подписание и подачу административного искового заявления в соответствии со ст.ст. 55—57 КАС РФ.

4. Копия определения судьи об отмене судебного приказа по требованию о взыскании обязательных платежей и санкций, если судебный приказ выносился.

5. Уведомление о вручении либо реестр почтовых отправлений заказной корреспонденции и отчет об отслеживании отправления с почтовым идентификатором с сайта Почты России, подтверждающие вручение налогоплательщику направленных в соответствии с ч. 7 ст. 125 КАС РФ копий административного искового заявления и приложенных к нему документов.

Вопрос 5. Является ли основанием для оставления без движения или возвращения, а также для оставления без рассмотрения административного искового заявления о взыскании обязательных платежей и санкций непредставление налоговым органом копии направленного налоговым органом требования об уплате взыскиваемого платежа с учетом изменений, внесенных Законом № 287-ФЗ?

Ответ. К административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций прилагается в том числе копия направленного налоговым органом требования об уплате взыскиваемого платежа в добровольном порядке (ч. 2 ст. 287 КАС РФ в редакции Закона № 288-ФЗ).

Между тем при применении данной нормы судам следует учитывать следующее.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации” (далее — Закон № 263-ФЗ) введен институт ЕНС, в связи с чем скорректирован порядок направления налогоплательщику требования об уплате задолженности.

Статья 71 НК РФ, действовавшая до принятия Закона № 263-ФЗ и предусматривавшая направление налоговым органом налогоплательщику или плательщику сборов уточненного требования об уплате налогов и сборов в случае, если обязанность налогоплательщика или плательщика сборов изменилась после первоначального направления требования, утратила силу.

По смыслу положений ст.ст. 45, 48, 69 и 70 НК РФ в редакции Закона № 263-ФЗ при наличии отрицательного сальдо ЕНС законодатель предусмотрел однократное выставление требования.

При этом изменение отрицательного сальдо ЕНС в сторону как его увеличения, так и уменьшения не влечет впоследствии выставление нового требования до формирования положительного или нулевого сальдо ЕНС.

Одновременно налогоплательщику предоставлено право по его запросу получать информацию о размере сальдо ЕНС (подп. 5² п. 1 ст. 21, подп. 10 п. 1 ст. 32 НК РФ в редакции Закона № 263-ФЗ).

С учетом изложенного копия требования об уплате задолженности, представляемая в суд, может не отражать указанную в административном искомом заявлении сумму задолженности. В связи с этим налоговому органу следует в том числе приложить документы и (или) иную информацию, подтверждающие сведения о наличии задолженности в размере взыскиваемых сумм.

Кроме того, Закон № 287-ФЗ, изменяя порядок взыскания задолженности, предусматривает случаи обращения налогового органа с административным иском о взыскании обязательных платежей и санкций до направления требования об уплате задолженности (например, п. 8 ст. 48 НК РФ в редакции Закона

№ 287-ФЗ), что, по сути, исключает возможность и, соответственно, обязанность представления налоговым органом копии такого требования.

Таким образом, ввиду изменений, внесенных в Налоговый кодекс РФ Законом № 263-ФЗ, а также Законом № 287-ФЗ, непредставление копии направленного налоговым органом требования об уплате взыскиваемого платежа, если это невозможно ввиду установленных законом обстоятельств, не является основанием для оставления без движения или возвращения, а также для оставления без рассмотрения административного искового заявления о взыскании обязательных платежей и санкций.

Вопрос 6. Исключается ли из совокупной обязанности в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ, сумма пеней, которая соответствует размеру непогашенного остатка основного налогового обязательства, подлежащего исключению на 1 ноября 2025 г.?

Ответ. Судам при проверке расчета подлежащей взысканию суммы задолженности по обязательным платежам и санкциям следует учитывать, что обязанность по уплате пеней производна от основного налогового обязательства и является не самостоятельной, а обеспечивающей исполнение обязанности по уплате налога.

В силу положений ч. 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ при определении размера совокупной обязанности по состоянию на 1 ноября 2025 г. не учитывается сумма задолженности, в отношении которой налоговым органом не было направлено в суд заявление о взыскании.

Соответственно, пени на данную сумму задолженности также не подлежат учету при определении размера совокупной обязанности на 1 ноября 2025 г.

Таким образом, в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 3 Закона № 287-ФЗ, в совокупной обязанности не учитывается только та сумма пеней, которая соответствует размеру непогашенного остатка основного налогового обязательства, подлежащего исключению на 1 ноября 2025 г.

Такие суммы задолженности (основного обязательства и пеней) отражаются в информационном сообщении, направляемом налогоплательщику на основании названной правовой нормы.

При этом не исполненная на 1 ноября 2025 г. обязанность по уплате пеней, начисленных на погашенные до 1 ноября 2025 г. суммы основных налоговых обязательств, а также пеней, по которым есть вступивший в силу судебный акт, учитывается при определении размера совокупной обязанности на 1 ноября 2025 г.

Вопрос 7. Приостанавливается ли начисление пени в случае обжалования действий налоговых органов (например, по формированию информационного сообщения, размещению решения о задолженности в реестре решений)?

Ответ. Согласно п. 3 ст. 75 НК РФ пеня начисляется за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по уплате налогов начиная со дня возникновения недоимки по

день (включительно) исполнения совокупной обязанности по уплате налогов.

Судам следует обратить внимание на то, что в случае обжалования действий налогового органа, в частности по формированию информационного сообщения, размещению решения о задолженности в реестре решений, приостанавливается действие решений налогового органа, что исключает возможность совершения последним любых действий, направленных на взыскание налогов, пеней, штрафов, и является юридическим запретом на совершение любых иных действий, основанных на оспариваемом решении, при этом налоговый орган вправе производить начисление пеней, но не имеет права на применение мер принудительного взыскания, первой из которых является направление налогоплательщику требования об уплате недоимки.

Таким образом, в случае обжалования действий налоговых органов, в том числе по формированию информационного сообщения, размещению решения о задолженности в реестре решений, начисление пеней не приостанавливается.

Вопрос 8. Подлежат ли учету в совокупной обязанности оспариваемые суммы налогов, указанные в налоговом уведомлении, в случаях повторного направления заявления о перерасчете или жалобы?

Ответ. Суду при проверке расчета подлежащей взысканию суммы задолженности по обязательным платежам и санкциям следует учитывать, что положения подп. 3² и 3³ п. 7 ст. 11³ НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ относительно исключения из совокупной обязанности спорных начислений не применяются, если в отношении соответствующих сумм налогов, указанных в налоговом уведомлении, налогоплательщиком — физическим лицом ранее было представлено заявление о перерасчете суммы ранее исчисленного налога и (или) была рассмотрена жалоба такого налогоплательщика — физического лица и по ней принято решение.

С учетом этого при повторном направлении налогоплательщиком заявления о перерасчете и (или) жалобы оспариваемые суммы налогов, указанные в налоговом уведомлении, учитываются в совокупной обязанности.

Вопрос 9. Подлежат ли учету в совокупной обязанности суммы задолженности, указанные в подп. 3⁴ п. 7 ст. 11³ НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ, при поступлении жалобы на требование об уплате или на решение о взыскании задолженности в случае, если в отношении указанных сумм имеется вступивший в силу судебный акт об их взыскании?

Ответ. В соответствии с подп. 3⁴ п. 7 ст. 11³ НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ при определении размера совокупной обязанности не учитываются обжалуемые суммы налогов, сборов, страховых взносов, пеней, штрафов, процентов, указанные в решении о привлечении к ответственности за совершение налогового

правонарушения (решении об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения), вынесенном налоговым органом в отношении физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, в решении об отмене (полностью или частично) решения о предоставлении налогового вычета полностью или частично, и (или) суммы налогов, указанные в налоговом уведомлении, в отношении которых отсутствует судебный акт о взыскании, если налогоплательщиком — физическим лицом была подана жалоба на требование об уплате задолженности или на решение о взыскании задолженности, в размере не более суммы отрицательного сальдо ЕНС такого физического лица на дату получения налоговым органом данной жалобы — с даты получения налоговым органом данной жалобы до истечения пятнадцати дней со дня принятия налоговым органом решения по соответствующей жалобе.

Следовательно, если при поступлении жалобы на требование об уплате или на решение о взыскании задолженности будет установлено, что в отношении указанных в них сумм имеется вступивший в силу судебный акт о взыскании, то такие суммы подлежат учету в совокупной обязанности.

Вопрос 10. Каков порядок исполнения решения налогового органа о взыскании задолженности по обязательным платежам и санкциям?

Ответ. В силу п. 4 ст. 48 НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ исполнение решения налогового органа о взыскании задолженности осуществляется налоговым органом за счет денежных средств на счетах налогоплательщика в банках, а также за счет его электронных денежных средств и цифровых рублей на счетах цифрового рубля (далее — денежные средства на счетах налогоплательщика) посредством размещения в реестре решений о взыскании задолженности соответствующего поручения на перечисление суммы задолженности и информации о счетах, по которым подлежат приостановлению операции в соответствии с п. 2 ст. 76 НК РФ.

Поручение налогового органа на перечисление суммы задолженности и приостановление операций по счетам исполняется банком (в отношении цифровых рублей — оператором платформы цифрового рубля).

В случае неисполнения (частичного неисполнения) указанного поручения налогового органа ввиду отсутствия денежных средств на счетах налогоплательщика и при наличии отрицательного сальдо ЕНС налоговый орган в целях взыскания задолженности за счет иного имущества физического лица направляет судебному приставу-исполнителю и одновременно размещает в реестре решений о взыскании задолженности постановление о взыскании задолженности в порядке и сроки, установленные ст. 47 НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ, на основании которого возбуждается исполнительное производство (п. 5 ст. 48 НК РФ в редакции Закона

№ 287-ФЗ, ч. 2 ст. 72³ Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” (далее — Закон № 229-ФЗ) в редакции Закона № 287-ФЗ).

Принудительное исполнение постановления налогового органа о взыскании задолженности налогоплательщика в бюджетную систему Российской Федерации за счет имущества осуществляется в размере отрицательного сальдо ЕНС такого налогоплательщика путем обращения взыскания на его имущество, за исключением денежных средств на счетах налогоплательщика (ч. 1 ст. 72³ Закона № 229-ФЗ в редакции Закона № 287-ФЗ).

Таким образом, Закон № 287-ФЗ предусматривает разграничение процедуры взыскания задолженности за счет денежных средств на счетах налогоплательщика (осуществляется банком либо оператором платформы цифрового рубля) и процедуры взыскания за счет иного имущества должника (осуществляется судебным приставом-исполнителем).

Вопрос 11. Каков порядок реализации гарантии защиты от взыскания денежных средств, выплачиваемых должнику-гражданину в связи с участием в специальной военной операции (далее — СВО)?

Ответ. Гарантии физических лиц при взыскании задолженности за счет денежных средств перечислены в п. 4 ст. 48 НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ и включают в том числе гарантии, предусмотренные ст.ст. 99 и 101 Закона № 229-ФЗ.

Согласно п. 21 ч. 1 ст. 101 Закона № 229-ФЗ денежные средства, выплачиваемые должнику-гражданину, в том числе индивидуальному предпринимателю, в связи с наличием оснований (обстоятельств), предусмотренных подп. “а” — “д” п. 3 ч. 1 ст. 40 Закона № 229-ФЗ, относятся к видам доходов, на которые не может быть обращено взыскание. К данным основаниям относится участие гражданина в СВО (подп. “а” — “д” п. 3 ч. 1 ст. 40 Закона № 229-ФЗ).

Часть 2 ст. 101 Закона № 229-ФЗ, устанавливающая случаи, когда допускается обращение взыскания на доходы, полученные в связи с участием гражданина в СВО, взыскание задолженности по обязательным платежам и санкциям не предусматривает.

Таким образом, денежные средства, выплачиваемые должнику-гражданину в связи с участием в СВО, отнесены законодателем к видам доходов, на которые не может быть обращено взыскание по обязательным платежам и санкциям.

Реализация таких гарантий в силу положений п. 4 ст. 48 НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ, ч. 4¹ ст. 70 Закона № 229-ФЗ осуществляется непосредственно банками.

Вопрос 12. В какой срок налоговый орган в переходный период должен принять решение о взыскании задолженности по не исполненному на 1 ноября 2025 г. требованию и разместить его в реестре решений?

Ответ. По общему правилу принятие решения о взыскании задолженности и его направление физическому лицу осуществляются в течение шести месяцев с даты истечения срока исполнения требования об уплате задолженности; решение о взыскании задолженности, принятое после истечения указанного срока, считается недействительным и исполнению не подлежит (п. 2 ст. 48 НК РФ в редакции Закона № 287-ФЗ).

Между тем согласно ч. 6 ст. 3 Закона № 287-ФЗ, если по состоянию на 1 ноября 2025 г. имеется неисполненное требование об уплате задолженности, в отношении которого не принято решение о взыскании задолженности, то принятие решения о взыскании задолженности по такому требованию и его размещение в реестре решений о взыскании задолженности осуществляются не позднее 1 июля 2026 г.

Таким образом, законодатель предоставил налоговому органу в переходный период более длительный срок для принятия решения о взыскании задолженности по не исполненному на 1 ноября 2025 г. требованию.

С учетом этого в переходный период принятие решения о взыскании задолженности по неисполненному требованию и его размещение в реестре решений могут быть осуществлены по истечении шестимесячного срока, установленного п. 2 ст. 48 НК РФ для принятия такого решения, но не позднее 1 июля 2026 г.

(разъяснения по вопросам утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 ноября 2025 г.)

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 19 ноября 2025 г. из судебной практики исключены:

пример № 55 — из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г. (*опубликован в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации № 6 за 2025 год*);

пример № 46 — из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г. (*опубликован в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации № 10, 11 за 2025 год*);

примеры № 6, 9, 13, 31, 32, 34 — из Обзора судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г. (*опубликован в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации № 8 за 2025 год*).

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ДЕЛ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ НЕДЕЙСТВУЮЩЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В целях обеспечения единообразного подхода к рассмотрению арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2, 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности в случае исключения хозяйственного общества из Единого государственного реестра юридических лиц как недействующего юридического лица, если в результате их поведения осуществление расчетов с кредиторами указанного общества стало невозможным.

Государственное учреждение обратилось в арбитражный суд с иском о привлечении бывших участников и руководителей хозяйственного общества к субсидиарной ответственности по его обязательствам, ссылаясь на исключение должника из Единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ, реестр) как недействующего без осуществления расчетов с истцом.

Решением суда первой инстанции, выводы которого поддержаны судом апелляционной инстанции и судом округа, в удовлетворении иска отказано.

Ко дню исключения из реестра общество, являвшееся исполнителем по ряду государственных контрактов, не погасило имеющуюся задолженность, несмотря на вступившие в законную силу судебные акты, которыми с общества в пользу учреждения взысканы сумма основного долга и неустойка.

Однако, с точки зрения судов, данные обстоятельства не свидетельствовали о наличии оснований для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, которая выступает экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, т.е. исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения руководителя юридического лица.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты, обратив внимание на следующее.

В силу положений п. 1 ст. 48, пп. 1 и 2 ст. 56, п. 1 ст. 87 ГК РФ законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности участников и самостоятельной правосубъектности.

Упомянутые принципы установлены законодателем для того, чтобы исключить личную ответственность участников корпорации по обязательствам корпорации, возникшим перед третьими лицами в ее предпринимательской деятельности в связи с рискован характером указанной деятельности, но не в целях поощрения обмана кредиторов, намеренного уклонения от исполнения обязательств.

Правовая форма юридического лица (корпорации) не должна использоваться его участниками (учредителями) и иными контролирующими лицами для причинения вреда независимым участникам оборота (п. 1 ст. 10, ст. 1064 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 64² ГК РФ (введена Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не препятствует привлечению к ответственности лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени (п. 1 ст. 53¹ ГК РФ), а также лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (п. 3 ст. 53¹ ГК РФ).

Согласно п. 3¹ ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью) исключение общества из ЕГРЮЛ в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пп. 1—3 ст. 53¹ ГК РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам общества.

Исходя из этого контролирующие лица, перечисленные в пп. 1—3 ст. 53¹ ГК РФ, могут быть привлечены к ответственности перед кредиторами фактически недействующего юридического лица, если неспособность удовлетворить требования кредиторов обусловлена поведением контролирующих лиц, которое не отвечало критериям добросовестности и разумности, в том числе не связано с рыночными или иными объективными факторами, деловым риском, присущим ведению предпринимательской деятельности.

Основанием для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц является доведение должника по основному обязательству до такого имущественного положения, при котором осуществление расчетов с кредиторами в полном объеме стало невозможным, притом что

кредиторы оказались лишены возможности удовлетворения своих требований в рамках процедуры ликвидации юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ как недействующего, либо в процедуре банкротства.

В рассматриваемом деле учреждение подтвердило наличие задолженности на стороне общества, представив вступившие в законную силу судебные акты о ее взыскании. Учреждение сослалось также на прочие обстоятельства, совокупность которых, по его мнению, в обычных условиях указывает на намерение контролирующих хозяйственное общество лиц не платить по долгам и избежать субсидиарной ответственности.

В частности, истец указывал на отсутствие со стороны общества объяснений о причинах неисполнения обязательств по контракту, притом что по данным из банковских выписок должника с его расчетных счетов после вступления в законную силу судебных актов о взыскании задолженности были выведены денежные средства и с указанного момента должник был не в состоянии исполнять имеющиеся обязательства за счет находящихся в его распоряжении денежных средств, а значит, отвечал признакам неплатежеспособности.

При этом суды не учли, что при обращении с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве доказывание истцом (кредитором) неразумности и недобросовестности действий лиц, контролировавших исключенное из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо, объективно затруднено.

Выравнивание объективно предопределенного неравенства в возможностях доказывания осуществляется, в частности, посредством возложения в силу закона на участников соответствующих отношений дополнительных обязанностей, наделяния корреспондирующими правами, предоставления процессуальных преимуществ в виде презумпций и посредством процессуальной деятельности суда по распределению бремени доказывания с целью соблюдения принципа добросовестности в его взаимосвязи с принципом справедливости для недопущения извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, в том числе при злоупотреблении правом (п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П “По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61¹¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3¹ статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля”, далее — Постановление № 6-П).

В отсутствие у кредитора, действующего добросовестно, доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника и при отказе или уклонении контролирующего лица от дачи пояснений (отзыва) о своих действиях (бездействии) при управлении должником, о причинах неисполнения обязательств перед кредитором и прекращения обществом хозяйственной деятельности (в том числе при неявке в суд) или

при явной неполноте пояснений, при непредставлении доказательств правомерности своего поведения (т.е. при установлении судом недобросовестности поведения контролирующего должника лица в процессе) обязанность доказать отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возлагается судом на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности (п. 6 Постановления № 6-П).

Учитывая, что суды не применили указанные правовые позиции, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ направила дело на новое рассмотрение.

2. По спорам о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности кредитор доказывает наличие и размер задолженности, наличие у должника признаков недействующего юридического лица и то, что ответчики являлись контролирующими должника лицами.

Хозяйственное общество — кредитор обратилось в арбитражный суд с иском к контролирующим должника лицам о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам подконтрольного им юридического лица, ссылаясь на фактическое прекращение должником своей деятельности.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной инстанции и округа, отказал в удовлетворении иска, поскольку общество до настоящего времени не ликвидировано (не признано недействующим) и не исключено из реестра.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменяя принятые по делу судебные акты, обратила внимание на следующее.

Контролирующие лица не заинтересованы в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный оборот в подконтрольных обществах (предприятиях). В связи с этим законодательство прямо предписывает контролирующему должника лицу активное процессуальное поведение при доказывании возражений относительно предъявленных к нему требований под угрозой принятия решения не в его пользу (п. 2 ст. 61¹⁵, п. 4 ст. 61¹⁶, п. 2 ст. 61¹⁹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве), ч. 2 ст. 9, ч. 3¹ ст. 70 АПК РФ).

Эта правовая позиция применима и к случаю, когда юридическое лицо является недействующим, исходя из признаков, установленных п. 1 ст. 64² ГК РФ, п. 1 ст. 21¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” (далее — Закон № 129-ФЗ), так как по существу экономически оно ничем не отличается от ликвидированного юридического лица и не имеется правовых оснований уменьшать уровень защищенности кредиторов фактически недействующих юридических лиц.

Истцу по такой категории споров достаточно доказать совокупность следующих условий: наличие и размер задолженности; наличие у должника признаков недействующего юридического лица; контроль над этим должником со стороны физического и (или) иного юридического лица (лиц) — ответчика, после чего на последнего возлагается бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий.

Если будет доказано, что действия контролирующих должника лиц не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов кредиторов общества, то такие лица не могут быть привлечены к субсидиарной ответственности (п. 3 ст. 1 ГК РФ, абз. 2 п. 10 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве, п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве”).

В рассматриваемом деле кредитор подтвердил наличие задолженности на стороне должника, ее длительную неуплату и факт подконтрольности общества ответчиком.

Заявитель указывал на фактическое прекращение деятельности должника по основному обязательству после образования долга, смену участников общества и передачу управления номинальному руководителю после предъявления требований о взыскании долга, недостоверный адрес юридического лица и непредставление отчетности о его деятельности.

Совокупность указанных доводов и подтверждающих их доказательств была достаточной для возложения бремени доказывания на ответчиков.

При этом наличие статуса контролирующих должника лиц ответчики не оспорили и доводы истца по существу не опровергли, не объяснив причины неплатежа, и не раскрыли доказательства, отражающие реальное положение дел и действительный оборот в подконтрольном хозяйственном обществе.

При таком положении Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что неправильное распределение бремени доказывания обстоятельств дела повлияло на правильность его рассмотрения судами, в связи с чем дело направлено на новое рассмотрение.

3. В случае уклонения контролирующих должника лиц от представления информации и документов, необходимых для объяснения причин невозможности осуществления расчетов с кредитором, презюмируется, что полное погашение задолженности недействующего юридического лица стало невозможным вследствие действий таких лиц.

Кредитная организация (банк) в лице конкурсного управляющего — государственной корпорации “Агентство по страхованию вкладов” обратилась в арбитражный суд с иском, в котором просила привлечь к субсидиарной ответственности гражданина, являвшегося единственным участником и руководителем юридического

лица, не исполнившего свои обязательства перед банком и исключенного из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо без осуществления расчетов с истцом.

Суд первой инстанции, выводы которого были поддержаны судом апелляционной инстанции и судом округа, отказал в удовлетворении иска.

Как указали суды, истцом не представлены доказательства, подтверждающие совершение контролирующим должника лицом каких-либо действий (в том числе недобросовестных и неразумных), ставших причиной непогашения долга перед банком. При этом исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в результате действий (бездействия) контролирующего должника лица (отсутствие отчетности, расчетов в течение длительного времени) само по себе не влечет привлечение ответчика к субсидиарной ответственности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

При рассмотрении исков о привлечении к субсидиарной ответственности бремя доказывания должно распределяться судом (ч. 3 ст. 9, ч. 2 ст. 65 АПК РФ) с учетом необходимости выравнивания возможностей по доказыванию юридически значимых обстоятельств дела, имея в виду, что кредитор, как правило, не имеет доступа к информации о хозяйственной деятельности должника, а контролирующие должника лица, напротив, обладают таким доступом и фактически могут его ограничить по своему усмотрению.

Контролирующее должника лицо должно обосновать, почему доказательства кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, путем раскрытия документов и предоставления объяснений относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность должника.

Суд вправе исходить из предположения о том, что виновные действия (бездействие) контролирующих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, если установит недобросовестность поведения контролирующих лиц в процессе, например при отказе или уклонении контролирующих лиц от представления суду характеризующих хозяйственную деятельность должника доказательств, от дачи пояснений либо их явной неполноте, и если иное не будет следовать из обстоятельств дела (п. 6 Постановления № 6-П).

При рассмотрении дела конкурсный управляющий банка указывал, что общество, прекратившее свою деятельность и впоследствии исключенное регистрирующим органом из ЕГРЮЛ, имело непогашенную задолженность перед банком.

В период руководства обществом контролировавшее его лицо — ответчик не принимало никаких мер для погашения задолженности и не препятствовало исключению общества из ЕГРЮЛ как недействующего лица. Бухгалтерская и налоговая отчетность не сдавалась в нало-

говый орган, что послужило основанием для исключения общества с ограниченной ответственностью из реестра как недействующего. Эта документация не была представлена и при рассмотрении спора.

Поведение ответчика — контролирующего лица, обязанного действовать в интересах юридического лица и кредиторов, в том числе формировать и сохранять информацию о хозяйственной деятельности должника, привело к невозможности полноценной проверки доводов истца о причинах, по которым общество не произвело расчеты с истцом до исключения из ЕГРЮЛ.

Поскольку вывод судов об отсутствии оснований для удовлетворения иска сделан при неправильном распределении обязанности по доказыванию обстоятельств дела между сторонами, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ направила дело на новое рассмотрение.

4. Непредставление кредитором после опубликования решения о предстоящем исключении должника из ЕГРЮЛ возражений относительно такого исключения не препятствует впоследствии предъявлению им требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Хозяйственное общество — кредитор обратилось в арбитражный суд с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности гражданина по обязательствам юридического лица, в котором ответчик являлся единственным участником и руководителем.

В обоснование требования о привлечении гражданина к субсидиарной ответственности кредитором указано, что ответчик действовал недобросовестно, не принимал мер к погашению задолженности за поставленный товар, образовавшейся у контролируемого им юридического лица, и не препятствовал исключению организации из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица, что привело к образованию убытков у заявителя.

Суд первой инстанции, выводы которого были поддержаны судом апелляционной инстанции и судом округа, отказал в удовлетворении заявленного требования, полагая, что кредитор мог предотвратить исключение подконтрольного должнику общества из ЕГРЮЛ, заявив в регистрирующий орган возражение против предстоящего исключения юридического лица из реестра (абз. 2 и 3 п. 3 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные судебные акты, признав требование кредитора обоснованным по следующим основаниям.

Исходя из п. 1 ст. 10 и ст. 1064 ГК РФ правовая форма юридического лица (корпорации) не должна использоваться его участниками и иными контролирующими лицами для причинения вреда независимым участникам оборота.

Право каждого свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской деятельности, в том числе через объединение и участие в хозяйственных обществах, пред-

полагает также обязанность впоследствии ликвидировать созданное юридическое лицо в установленном порядке, гарантирующем, помимо прочего, соблюдение прав кредиторов этого юридического лица (ст.ст. 61—64¹ ГК РФ, ст. 57 Закона об обществах с ограниченной ответственностью).

Действующее законодательство не поощряет прекращение деятельности юридического лица без осуществления расчетов с кредиторами, а добросовестный участник хозяйственного общества, решивший прекратить осуществление предпринимательской деятельности, должен ликвидировать юридическое лицо или заявить о его банкротстве, тем самым не уклоняясь от осуществления расчетов с кредиторами.

Кредитор не должен претерпевать неблагоприятные имущественные последствия того, что он не смог помешать контролировавшим должника лицам прекратить осуществление предпринимательской деятельности без осуществления расчетов с ним. Непринятие кредитором мер против исключения юридического лица — должника из ЕГРЮЛ не образует оснований для освобождения контролирующего лица от ответственности или уменьшения ее размера (п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

В данном случае истец подтвердил наличие и размер непогашенных требований к должнику, статус контролирующего должника лица, его обязанность по хранению документов хозяйственного общества.

Привлекаемое к субсидиарной ответственности лицо не доказало иное, не представило суду документы и объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность и чем вызвана невозможность погашения задолженности перед кредитором, каковы причины непредставления документов, насколько они уважительны и т.п.

При таком положении вывод судов об отсутствии оснований для удовлетворения требования кредитора, предъявленного к должнику в порядке субсидиарной ответственности по обязательствам подконтрольного ему юридического лица, признан Судебной коллегией необоснованным.

5. Контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица, средства которого в нарушение принципа обособленности имущества использовались на личные нужды контролирующих лиц, если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным.

Кредитор обратился в арбитражный суд с иском о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по обязательствам хозяйственного общества, ссылаясь на неисполнение обществом обязанностей по заключенному с ним договору подряда и исключение общества из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица без погашения образовавшейся перед истцом задолженности.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции и суд

округа, удовлетворил иск в части, признав, что ответчик, являясь единственным участником и руководителем общества, несет ответственность за вред (убытки), причиненный истцу, в пределах той суммы денежных средств, которая находилась на счете юридического лица, но не была направлена на осуществление расчетов с истцом по договору.

Рассмотрев дело по жалобе истца, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила все состоявшиеся по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Исходя из п. 1 ст. 10, ст. 1064 ГК РФ к недобросовестному поведению контролирующего лица для целей рассмотрения вопроса о привлечении его к субсидиарной ответственности может быть отнесено избрание участником таких моделей ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц и (или) (таких) способов распоряжения имуществом юридического лица, которые приводят к уменьшению его активов и не учитывают собственные интересы юридического лица, связанные с сохранением способности исправно исполнять обязательства перед независимыми участниками оборота (например, перевод деятельности на вновь созданное юридическое лицо в целях исключения ответственности перед контрагентами и т.п.).

Участники корпорации могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, в частности, когда самими участниками допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором юридического лица стало невозможным.

В подобной ситуации принципы отделения активов хозяйственного общества от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности участников и самостоятельной правосубъектности юридического лица не могут выступать основанием возражений участников корпорации против иска (п. 1 ст. 48, пп. 1 и 2 ст. 56, п. 1 ст. 87 ГК РФ).

Согласно доводам истца деятельность общества была организована таким образом, что выручка от деятельности поступала на личный банковский счет контролирующего лица без надлежащего отражения в бухгалтерской отчетности общества и расходовалась контролирующим лицом по своему усмотрению.

В результате создания ответчиком и его родственниками юридических лиц, имеющих сходные наименования, упомянутые юридические лица стали выполнять функцию по извлечению прибыли, в то время как убыточная деятельность перекладывалась на общество. Все названные юридические лица осуществляли деятельность через один интернет-сайт, содержащий необходимую для привлечения клиентов информацию.

Контролирующее общество лицо, являющееся его единственным участником и руководителем, в ходе рассмотрения дела данные доводы истца не опровергло. При этом со стороны ответ-

чика в материалы дела не были представлены доказательства, которые бы позволили реконструировать действительное имущественное положение общества с учетом средств, которые были получены контролирующим лицом на его личные счета от контрагентов общества.

Таким образом, истцом представлена достаточная совокупность косвенных доказательств, порождающих сомнения в добросовестности поведения ответчика как контролирующего общества лица и позволяющих утверждать, что наиболее вероятной причиной невозможности погашения требований кредиторов являлось сочетание избранной ответчиком модели ведения деятельности через несколько юридических лиц, входящих в одну группу, с систематически допускаемым при ведении данной деятельности смешением имущества контролирующего лица и общества.

При изложенных обстоятельствах у судов не было оснований для ограничения размера ответственности контролирующего лица суммой денежных средств, которая была на законном основании проведена по счетам общества, но без учета средств, не отраженных в отчетности.

6. Выполнение единственным участником хозяйственного общества одновременно функций его руководителя не является достаточным условием для привлечения такого участника к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица.

Комитет по земельным ресурсам и землеустройству муниципального образования обратился в арбитражный суд с иском о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по обязательствам хозяйственного общества, исключенного из ЕГРЮЛ как лица, фактически прекратившего свою деятельность.

В обоснование иска комитетом указано, что общество до исключения из реестра не исполнило обязанность по внесению арендной платы за земельный участок, предоставленный муниципальным образованием.

Суды первой и апелляционной инстанций, выводы которых были поддержаны судом округа, удовлетворили иск, полагая, что ответчик, являвшийся единственным участником общества с ограниченной ответственностью и одновременно осуществлявший управление его текущей деятельностью в качестве руководителя, в полной мере определял хозяйственную деятельность юридического лица и, следовательно, должен быть привлечен к субсидиарной ответственности по неисполненным обществом обязательствам.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в результате поведения контролирующих лиц, которое привело к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени, недостоверность данных реестра и т.п.), не препятствует привлечению контролирующих лиц

к ответственности за вред, причиненный кредиторам (п. 3 ст. 64² ГК РФ, п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), но само по себе не является основанием наступления указанной ответственности.

В ситуации, когда единственный участник хозяйственного общества одновременно выполняет функции руководителя, действительно присутствует риск того, что такой участник, ведущий дела общества во всей полноте, включая руководство его текущей деятельностью (участвующий в переговорах с контрагентами, заключающий сделки от имени общества, свободно распоряжающийся имуществом общества и т.п.), будет использовать правовую форму юридического лица только в качестве средства защиты от имущественных притязаний кредиторов по отношению к себе лично.

Однако пока не доказано иное, предполагается, что даже при высокой степени контроля за деятельностью общества участник отделяет собственную личность (собственные интересы) от личности корпорации (интересы общества). В связи с этим вменение субсидиарной ответственности контролирующему (единственному) участнику хозяйственного общества за сам факт того, что при исполнении им полномочий руководителя юридического лица не были осуществлены расчеты с кредиторами до прекращения деятельности общества, не может быть признано допустимым. Иной подход фактически бы отменял действующие положения гражданского (корпоративного) законодательства об ограниченной ответственности участников и менеджмента общества по долгам юридического лица (ст. 56 ГК РФ, ст.ст. 2, 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью).

Из представленных ответчиком возражений не следует, что им было допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, приводящее к смешению имущества участника и общества. В частности, судами не установлены обстоятельства, которые свидетельствовали бы об использовании ответчиком банковских счетов общества для удовлетворения личных нужд контролирующего лица вместо осуществления расчетов с кредиторами.

Нельзя также сделать вывод о том, что ответчик уклонялся от представления суду доказательств, характеризующих хозяйственную деятельность должника, и от дачи пояснений по сути спора.

Напротив, объясняя причины, по которым обязательства перед комитетом не были исполнены обществом, его контролирующее лицо (ответчик) указывало, что фактически общество не имело в своем распоряжении денежных средств, им предпринимались попытки привлечения инвесторов и продажи объекта незавершенного строительства, расположенного на спорном земельном участке, которые не привели к положительному результату. В материалы дела представлены ответы от ряда контрагентов о нецелесообразности покупки указанного здания.

Поскольку судами не установлены обстоятельства, которые позволяли бы сделать вывод о

том, что истец утратил возможность получения денежных средств по обязательствам общества вследствие того, что контролирующее общество лицо (ответчик) действовало во вред кредитору, в том числе выполняя функции руководителя, решения судов об удовлетворении иска не могут быть признаны законными и обоснованными.

7. Кредитор вправе обратиться в суд с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности до исключения должника из ЕГРЮЛ, если юридическое лицо фактически прекратило свою деятельность.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к контролирующему лицу о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам хозяйственного общества, указывая на то, что должник отвечает признакам недействующего юридического лица согласно п. 1 ст. 64² ГК РФ, п. 1 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ и обращение в суд с заявлением о возбуждении дела о банкротстве отсутствующего должника невозможно ввиду отсутствия у должника имущества (абз. 8 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве), за счет которого может быть профинансирована процедура банкротства, погашены требования кредитора.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, отказал в удовлетворении иска по тому основанию, что на день обращения в суд с иском должник не был исключен из ЕГРЮЛ.

Как указано судами, обязательным условием привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности по правилам п. 3 ст. 64² ГК РФ, п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью является исключение общества из ЕГРЮЛ. В ином случае кредитор согласно подп. 1 п. 12 ст. 61¹ Закона о банкротстве вправе обратиться с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве должника либо после прекращения дела о банкротстве.

Суд округа отменил судебные акты нижестоящих судов, обратив внимание на следующее.

Согласно п. 1 ст. 64² ГК РФ, п. 1 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ юридическое лицо считается фактически прекратившим свою деятельность (недействующее юридическое лицо), если в течение двенадцати месяцев, предшествовавших принятию регистрирующим органом соответствующего решения, оно не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету. Такое юридическое лицо подлежит исключению из ЕГРЮЛ.

По смыслу закона юридическое лицо считается недействующим в силу объективного наличия признаков фактического прекращения его деятельности, предусмотренных законом. Факт причинения убытков кредитору юридического лица, обязательство перед которым осталось неисполненным, предполагается в силу самого прекращения деятельности юридического лица без осу-

шествования процедуры ликвидации или банкротства.

В названных случаях между причинителем вреда — контролирующим лицом, совершившим действия, в результате которых задолженность юридического лица остается непогашенной, и потерпевшим — кредитором возникают гражданские правоотношения, связанные с возмещением причиненного вреда. При этом возможность привлечения контролирующих лиц, не осуществивших надлежащего завершения деятельности юридического лица, не может быть поставлена в зависимость от действий (бездействия) регистрирующего органа (п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, ст.ст. 64², 1064 ГК РФ).

Таким образом, в случае представления кредитором доказательств, подтверждающих, что должник по основному обязательству фактически прекратил свою деятельность, суд с учетом обстоятельств дела и признаков, установленных в п. 1 ст. 64² ГК РФ и п. 1 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ, вправе привлечь контролирующее лицо к субсидиарной ответственности до исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, если установит, что невозможность удовлетворения требования кредитора обусловлена поведением контролирующего лица.

При рассмотрении дела истцом приводились доводы о фактическом прекращении должником — обществом с ограниченной ответственностью своей хозяйственной деятельности (отсутствие средств на счетах должника и операций по ним в течение более 1 года), и данные доводы не были опровергнуты ответчиком.

Указывая на обязанность предпринимателя обратиться в суд с заявлением о банкротстве общества до его исключения из ЕГРЮЛ (банкротство отсутствующего должника) в качестве условия привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, суды не учли, что исполнительные производства в отношении общества, возбужденные по заявлениям предпринимателя, были окончены на основании п. 4 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” (далее — Закон об исполнительном производстве) ввиду отсутствия у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Данных, позволяющих полагать, что у юридического лица (должника) имелось имущество, достаточное для финансирования банкротной процедуры и погашения имеющейся задолженности, материалы дела не содержат. Доказательства наличия иного имущества ответчиком не представлены. При этом кредитор вправе, но не обязан осуществлять финансирование процедуры банкротства за свой счет, тем самым увеличивая размер собственных убытков.

При таком положении, когда возможность принудительного взыскания задолженности в ординарном порядке исчерпана и отсутствует возможность реализации механизмов ее взыскания за счет активов недействующего юридического лица в рамках процедуры банкротства, кредитор

не может быть лишен права требовать возмещения причиненного ему вреда посредством привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

8. Иск о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности не подлежит удовлетворению, если у юридического лица обнаружено имущество, заведомо достаточное для удовлетворения требования кредитора и подлежащее распределению в рамках процедуры, предусмотренной п. 5² ст. 64 ГК РФ.

Конкурсный управляющий кредитора обратился в арбитражный суд с иском к хозяйственному обществу — единственному участнику должника о привлечении к субсидиарной ответственности, ссылаясь на исключение должника из ЕГРЮЛ в административном порядке как недействующего юридического лица.

Возражая против предъявленных требований, ответчик указал на то, что после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ им была инициирована процедура распределения обнаруженного имущества.

Суды первой и апелляционной инстанций, выводы которых были поддержаны судом округа, отказали в удовлетворении иска, указав следующее.

Исходя из системного толкования норм п. 3 ст. 64² ГК РФ и п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, законодатель ставит возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица в зависимость от наличия причинно-следственной связи между неисполнением обществом обязательств и недобросовестными или неразумными действиями данных лиц.

Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица осуществляется по правилам Гражданского кодекса РФ о ликвидации юридических лиц (абз. 3 п. 5² ст. 64 ГК РФ), т.е. по своей сути направлена на возобновление процесса ликвидации и на обеспечение надлежащего проведения ликвидации, как если бы статус юридического лица не был прекращен.

Ответчик после исключения подконтрольного ему юридического лица из ЕГРЮЛ обратился в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества юридического лица, предусмотренной п. 5² ст. 64 ГК РФ.

Утвержденный судом арбитражный управляющий в ходе процедуры распределения обнаруженного имущества должника выявил денежные средства, принадлежащие должнику, находящиеся в депозите нотариуса, размер которых являлся заведомо достаточным для удовлетворения требования истца. Обнаруженное управляющим имущество подлежит распределению в порядке очередности, установленной п. 1 ст. 64 ГК РФ.

При таком положении оснований для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности не имеется.

9. Контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица, в том числе если задолженность перед кредитором возникла до вступления в силу п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

Государственное учреждение обратилось в арбитражный суд с иском о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица общества с ограниченной ответственностью, не исполнившего обязательство по государственному контракту и фактически прекратившего свою деятельность.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции и суд округа, отказал в удовлетворении иска, сославшись на то, что п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, устанавливающий возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица, введен в действие п. 1 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 488-ФЗ) и вступил в силу с 30 июня 2017 г.

В Законе № 488-ФЗ отсутствует указание на то, что вносимые им изменения распространяются на ранее возникшие отношения. В силу п. 1 ст. 4 ГК РФ данные изменения не имеют обратной силы.

Нарушение обязательств общества по государственному контракту имело место до вступления в силу п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, в связи с чем, с точки зрения судов, основания для привлечения ответчиков к субсидиарной ответственности отсутствуют, несмотря на то, что общество фактически прекратило свою деятельность и исключено из ЕГРЮЛ в 2023 году.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты, указав следующее.

При привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота. При этом закон не ставит возможность удовлетворения иска к контролирующему лицу в зависимость от даты возникновения основного (неисполненного) обязательства.

До введения в действие п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью возможность применения к контролирующим лицам хозяйственных обществ положений гражданского законодательства о возмещении убытков (вреда) и привлечения данных лиц к имущественной ответственности перед кредиторами не исключалась (п. 3 ст. 64² ГК РФ).

Возникновение задолженности по основному обязательству до вступления в силу п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью не является препятствием для привлечения к субсидиарной ответственности лиц, указанных в пп. 1—3 ст. 53¹ ГК РФ.

Исковые требования учреждения мотивированы тем, что контролирующее общество лица своими действиями (бездействием) допустили доведение общества до состояния, отвечающего признакам недействующего юридического лица.

Исполнительное производство в отношении общества велось в период с 2018 по 2023 год и было прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве в связи с невозможностью установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях.

Ответчик не представил отзыв на иск, не направил представителей при рассмотрении дела в арбитражных судах трех инстанций, не представил доказательств, объясняющих, с чем связано прекращение деятельности юридического лица, и причины, по которым расчеты с учреждением не были проведены в ходе исполнительного производства в период осуществления обществом хозяйственной деятельности.

Поскольку вывод судов об отсутствии оснований для удовлетворения иска сделан с нарушением подлежащих применению норм права и доводы учреждения не получили надлежащей оценки со стороны судов, дело направлено на новое рассмотрение.

10. Срок исковой давности по требованию о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности исчисляется со дня, когда кредитор узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения контролирующих лиц к указанной ответственности.

Хозяйственное общество — кредитор обратилось в арбитражный суд с иском о привлечении акционера и руководителя акционерного общества — должника к субсидиарной ответственности по его обязательствам, указывая на то, что ответчики довели должника до состояния, когда он стал отвечать признакам недействующего юридического лица, вследствие чего был исключен из ЕГРЮЛ, действовали недобросовестно, не предпринимая мер по уплате долга, зная о его наличии (п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, п. 1 ст. 6, пп. 1—3 ст. 53¹, п. 3 ст. 64², п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

До исключения должника из ЕГРЮЛ в отношении его по заявлению кредитора было возбуждено исполнительное производство, впоследствии прекращенное в связи с исключением должника из реестра.

В возражениях относительно заявленных требований ответчики заявили о применении срока исковой давности, который, с их точки зрения, подлежит исчислению со дня, когда истцу долж-

но было стать известно о фактическом прекращении деятельности юридического лица до его исключения из ЕГРЮЛ.

Удовлетворяя заявленные требования, суды отклонили возражения ответчиков о пропуске срока исковой давности в силу следующего.

По общему правилу, предусмотренному в п. 1 ст. 200 ГК РФ, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

По требованию о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица срок исковой давности начинает течь со дня, когда кредитор, обладающий правом на подачу заявления, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к указанной ответственности, т.е. о фактическом прекращении своей деятельности должником по основному обязательству (п. 1 ст. 64² ГК РФ, п. 1 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ), а также об ответчиках — контролирующих должника лицах.

При этом необходимо иметь в виду, что исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ является вынужденной мерой, приводящей к утрате правоспособности юридическим лицом, минуя необходимые, в том числе предусмотренные для защиты законных интересов его кредиторов, ликвидационные процедуры. Такое исключение не может служить полноценной заменой исполнению участниками организации обязанностей по ее ликвидации (Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П).

После образования задолженности у юридического лица, не исключенного из ЕГРЮЛ, а, значит, презюмируемо действующего, кредитор имеет разумные ожидания удовлетворения своих притязаний за счет имущества юридического лица, а не имущества его участников или руководителей (ст. 56 ГК РФ). Кредитор не обязан ежедневно проверять сведения ЕГРЮЛ, так как подобное действие не входит в общий стандарт осмотрительного поведения, требуемого от участников гражданского оборота.

Таким образом, для начала течения срока исковой давности по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности кредитор должен быть осведомлен о том, что юридическое лицо фактически прекратило свою деятельность или исключено из реестра в силу поведения его контролирующих лиц, уклонившихся от проведения процедуры ликвидации должника или его банкротства.

Из материалов дела следовало, что впервые о прекращении деятельности юридического лица кредитору стало известно из постановления судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства в связи с исключением должника из ЕГРЮЛ. Оснований полагать, что кредитору должно было стать известно о фактическом прекращении деятельности юридического лица до окончания исполнительного про-

изводства из иных источников, в данном конкретном случае не имелось.

При таком положении срок исковой давности по требованию о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности должен исчисляться со дня окончания исполнительного производства и не был пропущен истцом.

11. Наличие судебного акта, подтверждающего задолженность исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица, не является обязательным условием для обращения кредитора с требованием о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Кредитор обратился в арбитражный суд с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ как недействующего, указывая на неисполнение юридическим лицом обязанности по возврату предоставленного ему займа и невыплату причитавшихся процентов.

Контролирующие лица представили возражения, сославшись на то, что задолженность истца не подтверждена вступившим в законную силу судебным актом. Поскольку в данном случае юридическое лицо было исключено из ЕГРЮЛ при отсутствии подтвержденной судебными актами задолженности, по мнению ответчиков, это указывает на отсутствие оснований для их привлечения к субсидиарной ответственности.

В обоснование своих возражений контролирующие лица со ссылкой на правовую позицию Конституционного Суда РФ, приведенную в абз. 5 п. 3.2 Постановления № 6-П, указали, что только при наличии подтвержденных судебными решениями долгов общества перед кредиторами можно сделать вывод о намеренном пренебрежении контролирующими лицами своих обязанностей по управлению юридическим лицом.

Принимая во внимание, что юридическое лицо исключено из ЕГРЮЛ при отсутствии подтвержденной судебными актами задолженности, по мнению ответчиков, это указывает на отсутствие оснований для привлечения их к субсидиарной ответственности.

Суды первой и апелляционной инстанций, выводы которых были поддержаны судом округа, удовлетворили иск, исходя из следующего.

Положения п. 3 ст. 64² ГК РФ и п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью не связывают возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности с бесспорным характером требований кредитора и не обуславливают возможность предъявления иска наличием у кредитора вступившего в законную силу судебного акта.

Исключение юридического лица — должника из ЕГРЮЛ для кредиторов является обстоятельством, находящимся вне сферы их контроля, в связи с чем кредитор, не обратившийся в суд за принудительным взысканием долга и не имеющий такой возможности ввиду административной ликвидации должника, не может быть по-

ставлен в положение худшее, чем кредитор, подтвердивший свой долг в суде.

Кредитор не должен претерпевать неблагоприятные имущественные последствия того, что он не смог помешать контролировавшим должника лицам прекратить деятельность, игнорируя обязанность произвести ликвидацию или инициировать процедуру банкротства, и уклониться тем самым от расчетов с ним. Непринятие кредитором мер против исключения юридического лица — должника из ЕГРЮЛ не образует оснований для освобождения лица от ответственности (п. 1 ст. 404 и п. 2 ст. 1083 ГК РФ, п. 11 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве).

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, приводимая ответчиком в качестве обоснования своей позиции, не может быть истолкована отдельно от иных выводов, содержащихся в упомянутом постановлении, в частности от указания, что функция субсидиарной ответственности контролирующих лиц при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ заключается в защите нарушенных прав кредиторов и восстановлении их имущественного положения (абз. 1 п. 3.1 Постановления № 6-П).

Кроме того, по смыслу ст.ст. 307, 309 ГК РФ обязательства должны исполняться добровольно, независимо от наличия судебного акта о принуждении к предоставлению задолженного. В свою очередь, создание контролирующим лицом условий, при которых у подконтрольного ему юридического лица отсутствует возможность исполнения обязательства, не может быть противопоставлено в качестве возражения по иску о привлечении к субсидиарной ответственности.

Следовательно, если кредитор не обращался с иском к юридическому лицу до его исключения из ЕГРЮЛ, либо производство по делу было прекращено в связи с исключением юридического лица из реестра, доказательства наличия и размера задолженности могут быть представлены кредитором в рамках рассмотрения дела о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Такие доказательства представлены истцом, которым к исковому заявлению был приложен договор займа, документы о перечислении денежных средств, а также акт сверки расчетов, подписанный обеими сторонами договора, в котором содержится информация о наличии задолженности.

Контролирующие лица представленные истцом доказательства не опровергли, доказательства погашения займа и выплаты процентов до исключения юридического лица — заемщика из ЕГРЮЛ не представили, в связи с чем требование истца к субсидиарным ответчикам (контролирующим лицам) признано обоснованным.

12. Контролирующие лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица, вправе выдвигать такие же возражения, которые могли быть заявлены основным должником, включая возражения об истечении срока исковой давности.

Между обществом с ограниченной ответственностью (должник) и другим юридическим ли-

цом (кредитор) в 2015 году заключен договор поставки, по условиям которого общество обязалось поставить товар в срок 90 дней. Общество, получив предоплату, в указанный в договоре срок не исполнило обязательство по поставке, а в 2020 году — было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо.

До исключения должника из ЕГРЮЛ кредитор не обращался в суд с иском о взыскании образовавшейся задолженности, но впоследствии обратился в арбитражный суд с иском о привлечении к субсидиарной ответственности единственного участника и руководителя юридического лица.

В возражениях на иск контролирующее лицо заявило о пропуске срока исковой давности по обязательству, возникшему из договора поставки ко дню исключения общества из реестра.

Суд первой инстанции удовлетворил иск, полагая, что право предъявить иск к контролирующему лицу возникло у кредитора не ранее признания общества фактически недействующим в 2020 году, в связи с чем срок исковой давности по данному иску, предъявленному в 2023 году, не пропущен. При этом судом указано, что возражение об истечении срока давности по обязательству из договора поставки могло быть заявлено обществом как должником по договорному обязательству, однако такое возражение недоступно контролирующему лицу, не являющемуся стороной договора поставки, заключенного между обществом и кредитором.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, решение суда первой инстанции отменил и отказал в иске, указав следующее.

Ответчик в деле о привлечении его к субсидиарной ответственности вправе выдвигать возражения, которые могли быть заявлены самим юридическим лицом в случае инициирования соответствующего спора до момента утраты им правоспособности (исключения из ЕГРЮЛ), в том числе о применении исковой давности (ст. 199 ГК РФ), несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства (ст. 333 ГК РФ), прекращении обязательства зачетом (ст. 410 ГК РФ) и иные возражения, вытекающие из содержания основного обязательства.

В данном случае срок исковой давности для обращения кредитора с иском о взыскании задолженности по договору поставки истек по прошествии 3 лет после нарушения срока передачи товара, т.е. в 2018 году, однако до истечения указанного срока кредитор с иском о взыскании задолженности не обратился.

Признание общества фактически недействующим в 2020 году и его последующее исключение из ЕГРЮЛ не изменило течения срока исковой давности по основному обязательству, в связи с чем возражение контролирующего лица о пропуске срока исковой давности является основанием для отказа в иске (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ).

13. На сумму долга, возникшего в результате привлечения к субсидиарной ответственности, начисляются проценты, рассчитываемые по правилам п. 1 ст. 395 ГК РФ, до даты погашения задолженности контролирующим лицом.

Кредитор обратился в арбитражный суд с требованием о привлечении солидарно к субсидиарной ответственности контролирующих лиц — руководителя и контролирующего участника — по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества с ограниченной ответственностью в размере задолженности и предусмотренной договором неустойки до даты погашения задолженности.

Установив наличие условий, необходимых для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по правилам п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, суд первой инстанции удовлетворил иск в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции, указав, что обязательство юридического лица — должника прекратилось с даты исключения из ЕГРЮЛ, в связи с чем неустойка и иные финансовые санкции не могут продолжать начисляться до даты исполнения контролирующим лицом другого обязательства — обязательства, возникшего из привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Вместе с тем основанием для привлечения к субсидиарной ответственности является причинение вреда интересам кредиторов недобросовестными или неразумными действиями (бездействием) контролирующих лиц, которые надлежащим образом не завершили деятельность юридического лица, инициировав процедуру ликвидации или банкротства, и не препятствовали его исключению из ЕГРЮЛ, сделав удовлетворение требований кредиторов за счет имущества юридического лица невозможным.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 3.1 Постановления № 6-П, долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (ст. 1064 ГК РФ).

На обязательство из причинения вреда могут быть начислены проценты по правилам ст. 395 ГК РФ. Поскольку размер задолженности по обязательству из привлечения к субсидиарной ответственности определен и равен задолженности, имеющейся у юридического лица до даты исключения из ЕГРЮЛ, такие проценты начисляются с даты возникновения соответствующего обязательства — даты исключения из ЕГРЮЛ.

Иное толкование, ограничивающее период применения мер гражданско-правовой ответственности датой исключения юридического лица из ЕГРЮЛ или исключающее начисление процентов по правилам ст. 395 ГК РФ с даты возникновения обязательства, противоречило бы принципу полного возмещения убытков, поскольку приводило бы к ситуации, при которой контролирующие лица могли извлекать преимущества

из своего недобросовестного и (или) неразумного поведения, а кредиторы несли дополнительные имущественные потери, находящиеся в причинной связи с таким поведением, лишаясь возможности требовать компенсации причиненного вреда в полном объеме (п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

14. Номинальное выполнение лицом функций руководителя хозяйственного общества не освобождает такое лицо от субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица.

Государственное казенное учреждение обратилось в арбитражный суд с иском о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам общества с ограниченной ответственностью, исключенного из ЕГРЮЛ, указав в качестве ответчиков бывшего единственного участника общества, при котором была сформирована задолженность, и единственного участника, который приобрел долю в период, когда общество не осуществляло хозяйственную деятельность, а в ЕГРЮЛ содержалась отметка о наличии недостоверных сведений о нем.

Решением суда первой инстанции, выводы которого поддержаны судом апелляционной инстанции и судом округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что истцом (кредитором) не представлено доказательств, подтверждающих, что именно действия ответчиков (контролирующих лиц) привели к исключению общества из ЕГРЮЛ и невозможности удовлетворения требования истца за счет средств юридического лица.

Находя ошибочными выводы судов, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и указала следующее.

Для целей применения субсидиарной ответственности контролирующего лица (пп. 1—3 ст. 53¹, п. 3 ст. 64² ГК РФ) недобросовестность его действий в период, предшествовавший исключению хозяйственного общества из ЕГРЮЛ, может выражаться в том числе в передаче управления обществом другому лицу, выполняющему функции руководителя лишь номинально.

При этом номинальный характер выполнения функций руководителя хозяйственного общества не освобождает такое лицо от субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица вследствие участия ответчика в сокрытии данных о лицах, в действительности имевших возможность определять деятельность юридического лица (п. 3 ст. 53¹ ГК РФ), в сокрытии документации общества или иных недобросовестных и (или) неразумных действиях, повлиявших на возможность исполнения обязательств за счет средств юридического лица (абз. 1 ст. 1080 ГК РФ).

Согласно п. 9 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно

при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо, в том числе отвечающее условиям, указанным в подп. 2 и 3 п. 4 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве, и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица.

Обосновывая предъявление иска к ответчикам как контролирующим должника лицам, истец указывал, что бывший участник общества, являясь также его руководителем, предпринял шаги, направленные на избежание субсидиарной ответственности по обязательствам общества, а именно: вышел из общества непосредственно перед его исключением из ЕГРЮЛ при наличии непогашенной задолженности, передав корпоративный контроль путем продажи доли номинальному лицу, которое впоследствии стало новым руководителем должника.

На момент продажи доли в ЕГРЮЛ имелась отметка о наличии в нем недостоверных сведений о юридическом лице. Последние финансовые операции общества совершены непосредственно перед сменой корпоративного контроля. После приобретения доли новым участником бухгалтерская отчетность обществом более не сдавалась, расчеты с контрагентами не производились, хозяйственная деятельность не велась.

В соответствии с ответами кредитных организаций, в которых у общества были открыты расчетные счета, сведения о новом руководителе должника в досье банков не вносились, банковские карточки на нового руководителя не оформлялись, в документах на пользование расчетными счетами на момент их закрытия продолжал быть указан бывший руководитель должника.

Совокупность вышеприведенных доводов учредения не может не создавать сомнений в добросовестности поведения обоих ответчиков, поскольку имеются очевидные признаки намеренного прекращения деятельности общества и уклонения от осуществления расчетов по обязательствам перед истцом, в которых они оба участвовали, однако данные доводы не были проверены судами.

15. Миноритарный участник хозяйственного общества не признается контролирующим лицом для целей привлечения к субсидиарной ответственности, пока не будет доказано, что он имел фактическую возможность определять действия юридического лица.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с требованием к руководителю и двум участникам общества с ограниченной ответственностью, доля одного из которых составляла 90%, а второго — 10%, о привлечении их к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, решение суда первой инстанции отменено в части привлечения к ответственности участника, владеющего долей в уставном капитале общества равной 10%, исходя из следующего.

По смыслу норм п. 3 ст. 64², ст. 1064 ГК РФ, п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью привлечение лица к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица возможно в том случае, когда принятие ключевых решений для деятельности общества или дача обязательных для исполнения указаний лицам, обладающим необходимыми полномочиями (например, единоличному исполнительному органу), было обусловлено поведением привлекаемого к ответственности лица.

Наличие таких полномочий должно предполагаться в отношении участника, обладающего преобладающей долей в уставном капитале общества (мажоритарного участника). Участник общества, которому не принадлежит преобладающая доля в уставном капитале общества (миноритарный участник), по общему правилу не может рассматриваться в качестве контролирующего лица, поскольку формально не обладает корпоративным контролем достаточным для того, чтобы определять деятельность юридического лица.

Таким образом, предполагается, что миноритарный участник не несет ответственность за невозможность удовлетворения требований кредиторов, пока данная презумпция не будет опровергнута истцом, который вправе доказывать, что участник общества имел фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе совершал сделки к собственной выгоде за счет имущества юридического лица (п. 3 ст. 53¹ ГК РФ).

В данном случае кредитором не приведено доказательств, подтверждающих, что участник с долей 10% в уставном капитале являлся контролирующим должника лицом. При этом наличие у должника, впоследствии исключенного регистрирующим органом из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо, непогашенной задолженности само по себе не может являться бесспорным доказательством вины миноритарного участника в отсутствии у общества имущества, необходимого для осуществления расчетов с кредитором.

16. Бывший участник хозяйственного общества, не получивший выплату действительной стоимости доли, вправе обратиться с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, если решение о выходе из общества принято им в период, когда юридическое лицо осуществляло хозяйственную деятельность.

Бывший участник общества с ограниченной ответственностью обратился в арбитражный суд с требованием к контролирующему должника лицу о привлечении к субсидиарной ответственности,

ссылаясь на исключение юридического лица из ЕГРЮЛ как недействующего и неисполнение им обязательства по выплате действительной стоимости доли.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Суды исходили из того, что положения п. 3 ст. 64² ГК РФ, п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью не применимы к корпоративным требованиям.

Как указали суды, бывший участник несет ответственность за деятельность общества и имел возможность воспользоваться корпоративными средствами защиты, а именно оспорить сделки, не отвечающие интересам общества (п. 2 ст. 174 ГК РФ), или возместить убытки, вызванные неразумными и (или) недобросовестными действиями руководителя юридического лица (абз. 2 п. 1 ст. 53¹ ГК РФ).

Кроме того, по мнению судов, бывший участник общества не может пользоваться правами, принадлежащими обыкновенным кредиторам, поскольку в силу избранной им модели участия в предпринимательской деятельности посредством внесения доли в уставный капитал общества он должен нести большие риски, связанные с прекращением деятельности юридического лица, чем иные кредиторы.

Суд округа отменил принятые по делу судебные акты и направил дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Судами установлено, что до 2017 года истец являлся участником общества с ограниченной ответственностью с долей в уставном капитале, равной 34%.

В 2017 году истец воспользовался предусмотренным уставом правом выхода из общества. На основании п. 6¹ ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в том же году доля участника перешла к обществу, однако общество добровольно не выплатило действительную стоимость доли, в связи с чем бывший участник обратился в арбитражный суд с соответствующим иском. Иск о взыскании действительной стоимости доли удовлетворен судом, бывшим участником получен исполнительный лист. В исполнительном производстве задолженность общества перед бывшим участником не погашена.

В 2023 году общество прекратило свою деятельность и тогда же было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо.

По общему правилу бывший участник, вышедший из общества и имеющий требование о выплате действительной стоимости доли, вправе предъявить иск о возмещении убытков непосредственно к оставшимся в обществе участникам и иным лицам, входящим в состав органов управления, если их действия (бездействие) направлены на то, чтобы воспрепятствовать расчетам общества по долгу перед вышедшим участником (посредством вывода активов, возложения на общество мнимых долговых обязательств, перевода деятельности на другое лицо и т.д.). Впоследствии

в случае исключения общества из ЕГРЮЛ вышедший участник вправе требовать защиты своих прав путем заявления иска о привлечении оставшихся в обществе контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

В то же время участник, заявивший о выходе из общества непосредственно перед возникновением признаков недействующего юридического лица или после их возникновения, может требовать погашения задолженности перед ним в одной очереди с другими участниками, претендующими на распределение ликвидационной квоты (п. 8 ст. 63 ГК РФ), поскольку презюмируется, что его действия могли повлиять на возможность общества завершить свою деятельность надлежащим образом. Иное — возможность удовлетворения требования бывшего участника, вышедшего в период, предшествовавший исключению, наравне с другими кредиторами, обращающимися с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности — нарушало бы принцип, в соответствии с которым участники (акционеры) должны нести риски, связанные с деятельностью корпорации, и получать удовлетворение после внешних кредиторов.

Судами не было учтено, что в данном случае истец заявил о выходе из общества задолго до фактического прекращения деятельности общества, в период, когда оно имело активы, достаточные для расчетов с кредиторами и выплаты действительной стоимости доли, в связи с этим выход истца из общества ввиду столь отдаленной причинно-следственной связи не мог повлиять на невозможность расчета с внешними кредиторами и прекращение хозяйственной деятельности общества.

Истец не является участником общества с 2017 года и не мог повлиять на решения, принимаемые контролирующими лицами, которые привели к прекращению хозяйственной деятельности общества с помощью корпоративных средств защиты.

Следовательно, истец вправе предъявлять требования к контролирующим лицам, по вине которых общество не исполнило свои обязательства перед ним, а вывод судов об обратном является ошибочным.

Кроме того, поскольку истец был лишен доступа к внутренней документации общества, на контролирующих лиц должно быть перераспределено бремя опровержения презумпции того, что невозможность погашения задолженности перед бывшим участником в период деятельности юридического лица связано с их действиями (бездействием).

17. Наличие непогашенной задолженности у недействующего юридического лица не является основанием для признания в судебном порядке записи о его исключении из ЕГРЮЛ недействительной. Условием удовлетворения соответствующего иска является нарушение регистрирующим органом порядка совершения регистрационных действий.

Кредитор хозяйственного общества, фактически прекратившего свою деятельность, обратился в арбитражный суд с требованием к регистри-

рующему (налоговому) органу о признании недействительной совершенной им записи об исключении данного общества из ЕГРЮЛ, указывая на неисполнение должником своих договорных обязательств перед заявителем.

Решением суда первой инстанции заявление удовлетворено, внесенная регистрирующим органом запись признана недействительной, на регистрирующий орган возложена обязанность внести в ЕГРЮЛ соответствующие изменения.

Суд апелляционной инстанции, вывод которого поддержан судом округа, решение суда первой инстанции отменил, в удовлетворении иска отказал, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 11 Закона № 129-ФЗ решение о государственной регистрации, принятое регистрирующим органом, является основанием внесения соответствующей записи в государственный реестр.

Исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, данных в п. 23 постановления от 28 июня 2022 г. № 21 “О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”, решения, действия (бездействия) органов и лиц, принятые, совершенные (допущенные) при реализации публичных полномочий и затрагивающие права и законные интересы граждан и организаций в сфере гражданского оборота, могут быть проверены в рамках производства, регламентированного главой 24 АПК РФ, по основаниям, связанным с соблюдением требований законодательства, определяющих правила реализации соответствующих полномочий.

В данном случае регистрирующим органом в ходе мониторинговых мероприятий выявлено наличие недостоверных сведений о юридическом лице, о чем внесена запись в ЕГРЮЛ.

В связи с перечисленными обстоятельствами регистрирующим органом принято решение о предстоящем исключении должника из ЕГРЮЛ. Сведения о предстоящем исключении опубликованы в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, в установленный законом срок (п. 3 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ).

В установленные Законом № 129-ФЗ порядке и сроки должник, иные лица, чьи права и законные интересы затрагиваются в связи с предстоящим исключением должника из ЕГРЮЛ, не направили свои возражения в регистрирующий орган.

Таким образом, регистрирующим органом был в полной мере соблюден установленный Законом № 129-ФЗ порядок совершения регистрационных действий.

Наличие у исключенного из ЕГРЮЛ должника непогашенной задолженности перед кредиторами само по себе не может служить основанием для признания недействительной записи об исключении этого юридического лица из ЕГРЮЛ при соблюдении регистрирующим органом порядка совершения регистрационных действий.

При этом исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в административном порядке не препятствует кредитору обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения имущества должника, если у такого ликвидированного юридического лица осталось нереализованное имущество (п. 5² ст. 64 ГК РФ), а при отсутствии такого имущества — привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (п. 3 ст. 64² и п. 1 ст. 1064 ГК РФ, п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью).

18. Иски о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица по общему правилу рассматриваются арбитражным судом субъекта Российской Федерации, в котором юридическое лицо имело свое место нахождения до исключения из ЕГРЮЛ.

Кредитор обратился с иском о привлечении к субсидиарной ответственности граждан по обязательствам подконтрольного им общества с ограниченной ответственностью, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке.

Иск принят к производству арбитражным судом по месту жительства ответчиков.

В предварительном судебном заседании арбитражный суд пришел к выводу о необходимости передачи дела для рассмотрения в арбитражный суд другого субъекта Российской Федерации, указав следующее.

Статьей 225² АПК РФ предусмотрено, что дела по корпоративным спорам рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом РФ, с особенностями, установленными главой 28¹ АПК РФ.

К числу корпоративных споров, вытекающих из участия в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, в частности, относятся споры, связанные с ответственностью лиц, входящих или входивших в состав органов управления и органов контроля юридического лица, в том числе споры по требованиям, указанным в п. 3¹ ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью (п. 4 ч. 1 ст. 225¹ АПК РФ, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 “О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции”).

Исковые заявления по данной категории споров согласно ч. 4¹ ст. 38 АПК РФ (“Исключительная подсудность”) подаются в арбитражный суд по адресу юридического лица. Таким образом, территориальная подсудность данной категории споров определяется местом нахождения юридического лица, контролирующие лица которого привлекаются к ответственности, а не местом жительства (местом нахождения) самих контролирующих лиц, местом исполнения основного обязательства и тому подобными критериями.

В данном случае, из материалов регистрационного дела, истребованного арбитражным судом, следовало, что юридическое лицо, участники которого выступают ответчиками по иску, до своего исключения из ЕГРЮЛ было зарегистрировано в другом субъекте Российской Федерации.

Следовательно, на основании п. 3 ч. 2 ст. 39 АПК РФ дело подлежит передаче по подсудности в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, в котором юридическое лицо имело место нахождения до исключения из ЕГРЮЛ.

В другом деле суд пришел к выводу о том, что иск о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности не может рассматриваться по последнему указанному в ЕГРЮЛ месту нахождения юридического лица, запись о котором признана регистрирующим органом недостоверной (подп. “б” п. 5 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ), поскольку изменение последнего

места нахождения юридического лица было направлено на искусственное изменение подсудности после возникновения у общества задолженности перед истцом.

При этом доступ кредитора к судебной защите в случае предъявления иска в арбитражный суд по последнему указанному в ЕГРЮЛ месту нахождения общества затруднен в силу удаленности данного суда от субъекта Российской Федерации, в котором общество было зарегистрировано первоначально, и в котором обществом был заключен договор с истцом.

В таком случае иск подлежит рассмотрению арбитражным судом по предыдущему месту нахождения.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
19 ноября 2025 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2025)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Защита права собственности и других вещных прав

1. При разрешении спора в отношении земельного участка, государственная собственность на который не разграничена, суду следует установить, к чьим полномочиям относится распоряжение этим земельным участком и какой орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо муниципального образования вправе предъявлять требования в отношении данного земельного участка.

При совершении последующих сделок с предоставленным гражданину земельным участком требования публично-правового образования о возврате этого участка подлежат разрешению на основании ст. 301 ГК РФ с соблюдением положений о защите прав добросовестного приобретателя. По отношению к последующему приобретателю такие требования не могут быть удовлетворены путем признания права отсутствующим или аннулирования записей о праве в ЕГРН.

Министерство имущественных и земельных отношений Республики Ингушетия (далее — министерство) обратилось в суд с иском к муниципальному образованию и ряду граждан, в том числе и к Ц., о признании недействительным в части постановления администрации муниципального образования “Городской округ город Сунжа” (далее — администрация) от 6 декабря 2018 г. № 494 “О выделении однократно бесплатно в собственность гражданам муниципального образования “Городской округ город Сунжа” земельных участков для индивидуального жилищного строительства” и о признании отсутствующим права собственности на земельные участки.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Суд признал недействительным указанное постановление администрации в части выделения определенных земельных участков. Признаны недействительными в силу ничтожности договоры купли-продажи земельных участков с применением последствий ничтожности сделок. Признано отсутствующим право собственности

и аннулированы записи о государственной регистрации прав в ЕГРН ряда граждан, в том числе и Ц.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, признала, что судами при разрешении спора о земельном участке, выделенном Ц., допущены существенные нарушения норм материального права, которые привели к неправильному разрешению спора.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка в том числе инвалидов, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (чч. 1 и 2 ст. 7).

Государственная поддержка указанных категорий граждан включает в себя также меры по обеспечению жилищных условий.

Согласно подп. 7 ст. 39⁵ ЗК РФ предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в собственность бесплатно на основании решения уполномоченного органа осуществляется в случае предоставления земельного участка отдельным категориям граждан в случаях, предусмотренных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

В п. 4 ч. 4 ст. 23 Закона Республики Ингушетия от 14 декабря 2007 г. № 50-РЗ “О регулировании земельных отношений” (в ред., действовавшей на момент начала спорных отношений) предусмотрено, что в Республике Ингушетия земельные участки для ведения личного подсобного хозяйства, индивидуального жилищного строительства или садоводства (по выбору гражданина) предоставляются бесплатно однократно

определенным категориям граждан, постоянно проживающим на ее территории, в частности гражданам, признанным в установленном порядке малоимущими и нуждающимися в улучшении жилищных условий, в случае отсутствия у них другого земельного участка, выделенного для жилищного строительства.

В развитие названного Закона решением Городского совета депутатов муниципального образования “Городской округ город Сунжа” (далее также — МО “Городской округ город Сунжа”) от 25 октября 2017 г. № 10/2-1 утверждено Положение о порядке организации учета граждан, имеющих право на приобретение земельных участков для индивидуального жилищного строительства однократно бесплатно в собственность, и предоставления им данных земельных участков на территории МО “Городской округ город Сунжа”.

Как установлено судом, Ц. обратилась в администрацию с заявлениями от 30 ноября 2018 г. о постановке на учет и предоставлении однократно бесплатно в собственность земельного участка для индивидуального жилищного строительства, указав, что является малоимущей, имеющей право на получение участка, и о включении семьи в список малоимущих (малообеспеченных) семей. По результатам рассмотрения заявлений распоряжением администрации от 26 августа 2019 г. № 343 утверждена схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории.

На основании постановления администрации от 6 декабря 2018 г. № 494 “О выделении однократно бесплатно в собственность гражданам МО “Городской округ город Сунжа” земельных участков для индивидуального жилищного строительства” Ц. выделен участок площадью 600 кв. м, право собственности на объект зарегистрировано 21 ноября 2019 г.

Согласно сведениям ЕГРН земельный участок поставлен на кадастровый учет 12 ноября 2019 г., ему присвоена категория земель “земли населенных пунктов” с видом разрешенного использования “для индивидуальной жилой застройки”.

На основании договора купли-продажи от 17 марта 2020 г. Ц. продала данный земельный участок Л., которая впоследствии по договору купли-продажи от 8 декабря 2020 г. продала его А., который, в свою очередь, продал его Т. по договору купли-продажи от 18 октября 2022 г. Право собственности Т. на спорный земельный участок зарегистрировано 24 октября 2022 г.

Удовлетворяя иски требования в отношении земельного участка, предоставленного Ц., суд формально сослался на то, что она не была включена в список лиц, признанных малоимущими и нуждающимися в улучшении жилищных условий. При этом с учетом того, что в материалах дела имелись заявления Ц. о включении ее семьи в названный выше список, наличие таких оснований подлежало установлению судом.

В нарушение требований ч. 2 ст. 56 ГПК РФ судебные инстанции допустили формальное применение нормы права без оценки всех юридически значимых обстоятельств, не разрешив вопроса о наличии или об отсутствии у Ц. в действительности такого права. При этом судом не дано оценки и тому, установлена ли законом очередность предоставления земельных участков названной категории лиц и нарушены ли предоставлением земельного участка Ц. чьи-либо права.

Кроме того, по данному делу судом удовлетворены требования органа исполнительной вла-

сти субъекта Российской Федерации в отношении земельного участка, государственная собственность на который не разграничена.

Как установлено судом, земельный участок, государственная собственность на который не разграничена, предоставлен Ц. органом местного самоуправления, а иск предъявлен органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 33 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, — федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В соответствии с п. 4 вышеназванной статьи исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, уполномоченные на предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, также являются органами, уполномоченными на заключение в отношении таких земельных участков договора мены, соглашения об установлении сервитута, соглашения о перераспределении земель и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на принятие решений о перераспределении земель и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, и на выдачу разрешения на использование земель и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в соответствии с Земельным кодексом РФ.

С учетом изложенного суду надлежало проверить наличие у министерства как органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации полномочий на предъявление иска в отношении спорного земельного участка.

Судами также не учтено, что иск о признании зарегистрированного права отсутствующим является исключительным способом защиты права, применяемым в случаях, когда запись в ЕГРН нарушила право истца, которое не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством.

Так, в соответствии со ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

В силу ст. 301 данного Кодекса собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Статьей 302 названного выше Кодекса предусмотрено, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли (п. 1).

Согласно ст. 304 этого же Кодекса собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

В п. 52 совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного

Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав” (далее — постановление Пленума от 29 апреля 2010 г. № 10/22) разъяснено, что оспаривание зарегистрированного права на недвижимое имущество осуществляется путем предъявления исков, решения по которым являются основанием для внесения записи в ЕГРП. В частности, если в резолютивной части судебного акта решен вопрос о наличии или отсутствии права либо обременения недвижимого имущества, о возврате имущества во владение его собственника, о применении последствий недействительности сделки в виде возврата недвижимого имущества одной из сторон сделки, то такие решения являются основанием для внесения записи в ЕГРП.

В то же время решение суда о признании сделки недействительной, которым не применены последствия ее недействительности, не является основанием для внесения записи в ЕГРП.

В случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратилось), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Таким образом, требование о признании зарегистрированного права отсутствующим является исключительным способом защиты права и может быть заявлено, в частности, в интересах владеющего собственника против лица, не являющегося собственником и не владеющего спорным имуществом, за которым неосновательно зарегистрировано право на это недвижимое имущество.

В силу приведенных норм права для удовлетворения требования о признании права отсутствующим суду необходимо было выяснить вопросы о правах истца на спорный участок, о наличии или об отсутствии права у ответчика, а также о том, в чем владении находится этот участок.

Ссылаясь в обоснование аннулирования записей о праве в ЕГРН на недействительность сделок купли-продажи названного земельного участка, судебные инстанции не учли, что в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Согласно приведенным выше разъяснениям, содержащимся в п. 52 постановления Пленума от 29 апреля 2010 г. № 10/22, решение суда о применении последствий в виде возврата имущества само по себе является основанием для внесения соответствующих записей в ЕГРН. Если же такие последствия судом не применены, то основания для внесения записей отсутствуют.

Применяя последствия недействительности сделки в виде аннулирования записи в публичном реестре о праве собственности Ц. на земельный участок без решения о возвращении полу-

ченного имущества, суды не учли, что это не восстановило права публичного образования, а лишь привело к правовой неопределенности, поскольку данный земельный участок на момент разрешения спора находился, как установлено судом, в пользовании и владении последнего покупателя — Т., запись о праве которой содержится в ЕГРН.

Разрешая спор на основании положений о недействительности сделок, судебные инстанции не учли положения, содержащиеся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П, согласно которым спор не может быть разрешен с применением правового механизма, предусмотренного ст.ст. 167 и 168 ГК РФ, если в отношении спорного имущества совершены две сделки и по второй сделке имеется приобретатель, которому гарантируется защита его прав и законных интересов с учетом ст. 302 ГК РФ.

При разрешении же спора на основании ст. 302 ГК РФ подлежат установлению такие обстоятельства, как возмездность сделки, наличие или отсутствие воли собственника на отчуждение имущества, добросовестность приобретателя, начало течения срока исковой давности, если о ее применении заявлено ответчиком.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ состоявшиеся по делу судебные постановления в части признания недействительными постановлений администрации о выделении однократно бесплатно в собственность гражданам муниципального образования “Городской округ город Сунжа” земельных участков для индивидуального жилищного строительства в части выделения Ц. земельного участка, договора купли-продажи от 18 октября 2022 г., заключенного между А. и Т., и признания отсутствующим права собственности Ц. на земельный участок путем аннулирования записи государственной регистрации прав в ЕГРН отменила, дело в указанной части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 26-КГ24-8-К5

2. Положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на строения, не относящиеся к недвижимому имуществу.

Администрация городского округа обратилась в суд с иском к Б. о сносе самовольной постройки, указав, что ответчику на праве собственности принадлежит земельный участок, категория земель — земли населенных пунктов, вид разрешенного использования — ведение садоводства. В результате обследования земельного участка выявлена постройка, возведенная без соответствующего разрешения и иной необходимой документации.

Истец просил суд признать данный объект самовольной постройкой, на Б. возложить обязанность снести его за свой счет, а в случае неисполнения решения суда взыскать с ответчика в пользу администрации городского округа судебную неустойку.

Судом первой инстанции в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела, была назначена судебная строительно-техническая экспертиза. Из выводов, изложенных в заключении эксперта, следует, что на земельном участке располагается строение, которое квалифицируется как некапитальное и не является объектом недвижимости, не имеет прочной связи с землей. Исследуемое строение отвечает требованиям сейсмических, противопожарных, сани-

тарных, строительных норм и правил, а также требованиям безопасности. Строение располагается в пределах правомерных границ земельного участка, минимальные отступы соблюдены.

Отказывая в иске, суд первой инстанции исходил из того, что спорный объект отвечает требованиям сейсмических, противопожарных, санитарных, строительных норм и правил, расположен в границах земельного участка, получение разрешений и согласований для монтажа исследуемого сооружения в силу закона не предусмотрено.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции, руководствуясь фотоматериалами, указал, что возведенное ответчиком сооружение не является садовым домом или иным вспомогательным строением для садоводства, а потому имеются основания для возложения на ответчика обязанности демонтировать данный объект.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, а решение суда первой инстанции оставила в силе по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 263 ГК РФ собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их перестройку или снос, разрешать строительство на своем участке другим лицам. Эти права осуществляются при условии соблюдения градостроительных и строительных норм и правил, а также требований о назначении земельного участка (п. 2 ст. 260 ГК РФ).

Статьей 42 ЗК РФ установлено, что собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны: использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту; соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов.

Положениями ст. 222 ГК РФ закреплены признаки самовольной постройки, в частности: возведение строения на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом; создание строения без получения на это необходимых разрешений; возведение постройки с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

В соответствии с ч. 2 ст. 51 ГрК РФ строительство, реконструкция объектов капитального строительства осуществляются на основании разрешения на строительство, за исключением случаев, предусмотренных названной статьей.

В силу п. 1 ч. 17 ст. 51 ГрК РФ выдача разрешения на строительство не требуется, в частности, в случае строительства, реконструкции на садовом земельном участке жилого дома, садового дома, хозяйственных построек, определенных в соответствии с законодательством в сфере садоводства и огородничества.

С учетом норм права, подлежащих применению в рассматриваемом деле, судом первой инстанции на основании заключения судебной экспертизы установлено, что спорное строение расположено в пределах правомерно занимаемого

ответчиком земельного участка и не является объектом недвижимости, конструктивные характеристики указанного строения позволяют осуществить их перемещение, демонтаж и последующую сборку без ущерба, а характер возведенного строения не свидетельствует о том, что это строение является самовольным, как возведенное с нарушением правил целевого использования земельного участка.

Исходя из положений ч. 1 ст. 55, чч. 2, 3 ст. 67, ст. 79, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ экспертные заключения оцениваются судом по его внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании каждого отдельно взятого доказательства из всех собранных по делу и их совокупности с характерными причинно-следственными связями между ними и их системными свойствами.

Вместе с тем это не означает право суда самостоятельно разрешить вопросы, требующие специальных познаний в определенной области науки.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции, не обладая специальными познаниями в области строительства, пришел к противоположным выводам по существу спора, отклонив заключение судебной экспертизы и мотивируя свои выводы только ссылкой на данные акта визуальной фиксации — фотоматериалы, т.е. руководствовался доказательством, не основанным на применении специальных познаний.

При рассмотрении дела суд апелляционной инстанции не установил ни единого признака, по которому размещение спорного объекта на принадлежащем истцу земельном участке являлось бы недопустимым и требовалось бы его снос или демонтаж, в том числе не установлено несоответствия спорного объекта целевому назначению и виду разрешенного использования земельного участка, на котором он расположен, что повлекло вынесение незаконного судебного постановления.

Определение № 18-КГ25-195-К4

3. Раздел земельного участка сельскохозяйственного назначения с сохранением вида разрешенного использования и без нарушения требований к образованию земельных участков является правомерным.

Для использования земельных участков сельскохозяйственного назначения под садоводство перевод их в другую категорию не требуется.

Администрация района обратилась в суд с иском к ряду граждан, в том числе к З., о признании незаконными межевого плана и раздела земельных участков, признании незаконной постановки вновь образованных земельных участков на государственный кадастровый учет, снятии земельных участков с государственного кадастрового учета и об аннулировании записей государственной регистрации прав.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, руководствуясь п. 3 ст. 112 ЗК РФ, приказом Минэкономразвития России от 8 декабря 2015 г. № 921 “Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке”, пришел к выводу о том, что решение собственника о разделе земельного участка не оспорено и недействительным не признано, процедура государственной регистрации прав на образованные в результате раздела земельные участки осуществлена в установленном законом порядке, спорные земельные участки соответст-

вуют градостроительным регламентам в части предельных площадей и вида использования, установленных правилами землепользования и застройки сельского поселения, не противоречат требованиям градостроительного и земельного законодательства.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции не согласился, решение суда отменил, исковые требования удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что раздел спорных земельных участков до утверждения документации по планировке территории не соответствует требованиям градостроительного и земельного законодательства, при этом установлено, что 57 земельных участков образованы и поставлены на кадастровый учет в нарушение градостроительного регламента, установленного для данной территориальной зоны правилами землепользования и застройки сельского поселения, в нарушение ст. 42 ГрК РФ без разработанной и утвержденной документации по планировке территории (проекта планировки и проекта разработанной и утвержденной документации по планировке территории (проекта планировки и проекта межевания) с необходимым установлением планировочной структуры, улично-дорожной сети, красных линий и т.д.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Статьей 7 ЗК РФ предусмотрено, что земли в Российской Федерации используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории земель и разрешенного использования в соответствии с зонированием территории, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Виды разрешенного использования земельных участков устанавливаются применительно к каждой территориальной зоне и указываются в градостроительном регламенте в отношении земельных участков, расположенных в пределах соответствующей территориальной зоны (п. 1 ч. 6 ст. 30, ч. 2 ст. 37 ГрК РФ).

Градостроительный регламент в силу п. 3 ст. 85 ЗК РФ обязателен для исполнения всеми собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами и арендаторами земельных участков независимо от форм собственности и иных прав на земельные участки.

В соответствии с п. 8 ст. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 30 ГрК РФ градостроительные регламенты включают в себя правила землепользования и застройки, являющиеся документом градостроительного зонирования, который утверждается нормативными правовыми актами органов местного самоуправления и в котором устанавливаются территориальные зоны, градостроительные регламенты, порядок применения такого документа и порядок внесения в него изменений.

Согласно ст. 77 ЗК РФ землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и

предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей.

Нормами ст.ст. 78, 79 ЗК РФ установлено правовое регулирование использования земель сельскохозяйственного назначения и особенно использования сельскохозяйственных угодий.

Пункт 1 ст. 83 ЗК РФ предусматривает, что землями населенных пунктов признаются земли, используемые и предназначенные для застройки населенных пунктов, при этом в населенные пункты могут входить земельные участки, отнесенные в соответствии с градостроительным регламентом к территориальной зоне сельскохозяйственного назначения.

В связи с этим при разрешении данного спора следовало учитывать специальное правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения с учетом общего порядка, предъявляемого законом для образования земельных участков.

Согласно п. 2 ст. 114 ЗК РФ при разделе земельного участка у его собственника возникает право собственности на все образующие в результате раздела земельные участки.

Целевым назначением и разрешенным использованием образуемых земельных участков признаются целевое назначение и разрешенное использование земельных участков, из которых при разделе, объединении, перераспределении или выделе образуются земельные участки, за исключением случаев, установленных федеральными законами (п. 3 ст. 112 ЗК РФ).

Из представленных выписок из ЕГРН следует, что исходные земельные участки имели категорию “земли сельскохозяйственного назначения” с видом разрешенного использования “для сельскохозяйственного производства”.

В результате раздела исходных земельных участков по решению собственника образовано 57 земельных участков с сохранением их целевого назначения и вида разрешенного использования.

С учетом положений чч. 1 и 3 ст. 41 ГрК РФ судам следовало установить необходимость подготовки документов по планировке территории земельного участка сельскохозяйственного назначения, находящегося в частной собственности, при сохранении его целевого использования (ст. 78 ЗК РФ).

При удовлетворении иска судом апелляционной инстанции не учтено, что для цели использования земельных участков сельскохозяйственного назначения под садоводство не требуется их перевод в другую категорию, при этом до перевода таких земель в другую категорию отсутствуют основания для изменения вида разрешенного использования земельных участков сельскохозяйственного назначения, предоставленных для ведения садоводства и дачного хозяйства.

Кроме того, судом апелляционной инстанции оставлено без правовой оценки и то обстоятельство, что для эффективного использования земельных участков сельскохозяйственного назначения 3. в публичную собственность переданы образованные в результате раздела земельные участки.

При применении положений чч. 1–5 ст. 41 ГрК РФ и СП 53.13330.2011 “СНиП 30-02-97”. Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения” (утв. приказом Минрегиона России от 30 декабря 2010 г. № 849 и введен в действие

20 мая 2011 г.), регулирующих вопросы планирования и застройки территории дачных и садоводческих объединений при предоставлении земельных участков и находящихся на них зданий и сооружений, не учтены следующие обстоятельства.

Согласно ст. 4¹ Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ “О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в состав территории садоводства или огородничества входят садовые земельные участки или огородные земельные участки, а также земельные участки общего назначения. Территория садоводства или огородничества может быть создана на землях сельскохозяйственного назначения или землях населенных пунктов. Местоположение границ территории садоводства или огородничества определяется проектом межевания территории. Разработка проекта планировки территории садоводства или огородничества не требуется, но может быть осуществлена по решению общего собрания членов товарищества (пп. 1, 2, 3).

При разрешении спора установлено, что часть образованных в результате раздела земельного участка сельскохозяйственного назначения земельных участков имеет вид разрешенного использования “для ведения садоводства”, а часть — “для сельскохозяйственного производства”, что исключает необходимость подготовки проекта планировки, в том числе при ведении садоводства без создания товарищества (п. 1 ст. 6 названного Федерального закона).

Согласно ч. 10 ст. 35 и ч. 3 ст. 36 ГрК РФ зоны сельскохозяйственного использования, а также зоны, занятые объектами сельскохозяйственного назначения и предназначенные для ведения сельского хозяйства, садоводства и огородничества, развития объектов сельскохозяйственного назначения, могут включаться в состав территориальной зоны, установленной в границах населенного пункта; помимо того, на участки и объекты капитального строительства, расположенные в пределах границ этой территориальной зоны, распространяется действие градостроительного регламента.

В связи с этим подлежали оценке доказательства о включении спорных участков в соответствующие территориальные зоны, установленные в границах населенных пунктов.

Из имеющихся в материалах дела доказательств следует, что межевые планы по образованию земельных участков путем раздела были выполнены в соответствии с требованиями, предусмотренными приказом Минэкономразвития России от 8 декабря 2015 г. № 921 “Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке”, при образовании новых участков категория земель и вид разрешенного использования не изменялись.

Поскольку при проведении кадастровых работ в межевые планы были внесены сведения о категории земель в отношении образованных земельных участков “земли сельскохозяйственного назначения” и виде разрешенного использования “для сельскохозяйственного производства”, то выводы суда апелляционной инстанции о незаконности межевых планов являются необоснованными.

В соответствии с ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” и п. 1 приложения к приказу Росреестра от 14 декабря

2021 г. № П/0592 “Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке” межевой план представляет собой документ, который составлен на основе кадастрового плана соответствующей территории или выписки из ЕГРН о соответствующем земельном участке и в котором воспроизведены определенные сведения, внесенные в ЕГРН, и указаны сведения об образуемых земельном участке или земельных участках, либо о части или частях земельного участка, либо новые необходимые для внесения в ЕГРН сведения о земельном участке или земельных участках.

Поскольку нарушения при подготовке межевого плана, состоящего из текстовой и графической части, не были установлены, выводы суда апелляционной инстанции, с которыми согласился кассационный суд общей юрисдикции, признаны незаконными.

Определение № 18-КГ25-61-К4

4. Отсутствие государственной регистрации права собственности на земельный участок, возникшего до даты вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, не препятствует признанию права собственности на этот земельный участок в порядке наследования.

Ж. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования об установлении факта принятия наследства, открывшегося после смерти Л. (отца истца), включая земельный участок, категория земель — земли сельскохозяйственного назначения, разрешенное использование — для садоводства, о признании права собственности на указанный земельный участок в порядке наследования. В обоснование требований истец указала, что в 1997 году умер ее отец — Л. На основании постановления администрации муниципального образования Л. как члену садового товарищества был предоставлен садовый участок. Согласно данному постановлению земельные участки предоставляются бесплатно для оформления в собственность членам садового товарищества, в списке которых был Л. До момента смерти Л. проживал с супругой (матерью истца), умершей в 2010 году. После смерти Л. истец фактически приняла наследство: частично забрала его вещи, несла расходы по погребению и коммунальным платежам за дом, оплачивала членские взносы в садоводческое товарищество (ликвидировано в 2020 году), обрабатывала земельный участок. К нотариусу с заявлением о принятии наследства никто не обращался. Иных наследников первой очереди не имеется. Согласно выписке из ЕГРН от 6 декабря 2022 г. информация о собственнике земельного участка отсутствует. Межевание земельного участка не проводилось.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что истец после смерти наследодателя фактически приняла наследство, в том числе спорный земельный участок: постоянно пользовалась участком, обрабатывала землю, производила посадки, сажала овощи, зелень, оплачивала членские взносы, что подтверждается представленными документами (актами, чеками, договорами). Иных наследников, которые претендуют на наследство, не установлено.

Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении иска.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно ст. 1181 ГК РФ принадлежавшие наследодателю на праве собственности земельный участок или право пожизненного наследуемого владения земельным участком входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях, установленных данным Кодексом.

В силу ст. 6 Земельного кодекса РСФСР, действовавшего на момент предоставления Л. в собственность спорного земельного участка, земли, находящиеся в государственной собственности, могут передаваться Советами народных депутатов в соответствии с их компетенцией в пользование, пожизненное наследуемое владение и собственность, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Пунктом 1 ст. 25 ЗК РФ предусмотрено, что права на земельные участки возникают по основаниям, установленным гражданским законодательством, федеральными законами, и подлежат государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” (далее — Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ).

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что наследодатель при жизни не обращался относительно регистрации за ним права собственности на земельный участок, в связи с чем спорный земельный участок не может быть включен в наследственную массу после его смерти.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел, что ст. 8 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ “О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” установлено, что до введения в действие закона о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним применяется действующий порядок регистрации недвижимого имущества и сделок с ним.

31 января 1998 г. вступил в силу Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, действовавший до 1 января 2017 г. — даты вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” (далее — Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ), п. 1 ст. 6 которого предусматривалось, что права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу названного Федерального закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным Федеральным законом. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей.

Частью 1 ст. 69 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ установлено, что права на объекты недвижимости, возникшие до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в ЕГРН. Государствен-

ная регистрация таких прав в ЕГРН проводится по желанию их обладателей.

Таким образом, если право на объект недвижимого имущества, в данном случае — право собственности на спорный земельный участок, возникло до 31 января 1998 г. — даты вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, то момент возникновения такого права не связан с его государственной регистрацией, такое право признается юридически действительным и при отсутствии его государственной регистрации.

В постановлении администрации города Краснодара от 22 февраля 1993 г. № 95 “О предоставлении в собственность садовых участков членам садоводческого товарищества “Криница” Первомайского района г. Краснодара” указано, что спорный земельный участок предоставлен Л. на праве собственности.

Согласно ответу департамента муниципальной собственности и городских земель администрации муниципального образования г. Краснодар от 6 марта 2023 г. также следует, что спорный земельный участок предоставлен Л. в собственность.

Из содержания инвентаризационной описи, составленной ГУП КК “Краснодарский земельный центр” 6 мая 2006 г., следует, что спорный земельный участок находится в собственности Л. на основании свидетельства о праве собственности на землю (старая форма) от 16 мая 1993 г. № 477. К описи приложен чертеж границ участка с координатами.

Истец в ходе рассмотрения дела указывала на то, что сведения о праве собственности Л. на земельный участок содержатся также в похозяйственной книге администрации муниципального образования, однако суды отказали ей в ходатайстве о запросе таких сведений.

Пунктом 7 ст. 11 Закона РСФСР от 19 июля 1968 г. “О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР” (утратил силу в связи с изданием постановления Верховного Совета РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1551-1 “О порядке введения в действие Закона РСФСР “О местном самоуправлении в РСФСР”) предусматривалось, что в области планирования, учета и отчетности поселковый, сельский Совет народных депутатов ведет по установленным формам похозяйственные книги и учет населения и представляет отчетность в вышестоящие государственные органы.

Постановлением Госкомстата СССР от 25 мая 1990 г. № 69 были утверждены Указания по ведению похозяйственного учета в сельских Советах народных депутатов (далее — Указания), согласно которым похозяйственные книги являлись документами первичного учета хозяйств (п. 1) и закладка таких похозяйственных книг и алфавитных книг хозяйств производилась сельскими Советами один раз в пять лет по состоянию на 1 января (п. 6).

По смыслу пп. 18 и 38 Указаний в похозяйственной книге учитывались сведения о жилых домах, являющихся личной собственностью хозяйств, и вносились данные о таких жилых домах.

Похозяйственные книги как учетный документ личных подсобных хозяйств продолжают существовать в сельской местности, что предусмотрено ст. 8 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ “О личном подсобном хозяйстве”.

Исходя из приведенных нормативных положений выписка из похозяйственной книги относится к числу тех документов, на основании которых право собственности на жилой дом, являющийся личной собственностью хозяйства, могло быть зарегистрировано в ЕГРН, что не было принято во внимание судами.

Таким образом, то обстоятельство, что Л. не произвел регистрацию права собственности на земельный участок в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, не может являться препятствием для признания за наследником права собственности в порядке наследования на земельный участок.

Определение № 18-КГ24-284-К4

5. При установлении обстоятельств выбытия выморочного жилого помещения из собственности публичного образования для целей применения ст. 302 ГК РФ оценке подлежат действия (бездействие) публичного собственника в лице уполномоченных органов по принятию мер по выявлению выморочного имущества и оформлению своих прав на него.

Департамент городского имущества г. Москвы (далее — Департамент городского имущества) обратился в суд с иском к К., Ш. о признании недействительным удостоверенного нотариусом завещания от имени Л. на К., признании недействительным свидетельства о праве К. на наследство по завещанию, признании недействительным договора купли-продажи жилого помещения, заключенного между К. и Ш., признании Ш. недобросовестным приобретателем, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о прекращении права собственности Ш. на жилое помещение, признании права собственности города на квартиру как выморочное имущество.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что спорное имущество является выморочным после смерти Л., при этом жилое помещение выбыло из собственности Департамента городского имущества помимо его воли в результате противоправных действий, так как сделка между К. и Ш. была совершена лицом, не имевшим права отчуждать жилое помещение.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил принятые по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ находит, что указанные судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 1151 ГК РФ в случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования (ст. 1117), либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (ст. 1158), имущество умершего считается выморочным.

В соответствии с п. 2 ст. 1151 ГК РФ в порядке наследования по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо городского округа переходит следующее выморочное имущество, находящееся на соответствующей территории: жилое помещение; земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества; доля в праве общей долевой собст-

венности на указанные в абз. 2 и 3 данного пункта объекты недвижимого имущества.

Если указанные объекты расположены в субъектах Российской Федерации — городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе, они переходят в собственность такого субъекта Российской Федерации.

Порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований определяются законом (п. 3 ст. 1151 ГК РФ).

Как наследники выморочного имущества публично-правовые образования наделяются Гражданским кодексом РФ особым статусом, отличающимся от положения других наследников по закону, поскольку для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется (абз. 2 п. 1 ст. 1152), на них не распространяются правила о сроке принятия наследства (ст. 1154), а также нормы, предусматривающие принятие наследства по истечении установленного срока (пп. 1 и 3 ст. 1155); при наследовании выморочного имущества отказ от наследства не допускается (абз. 2 п. 1 ст. 1157); при этом свидетельство о праве на наследство в отношении выморочного имущества выдается в общем порядке (абз. 3 п. 1 ст. 1162).

В силу того, что принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации (п. 4 ст. 1152 ГК РФ), выморочное имущество признается принадлежащим публично-правовому образованию со дня открытия наследства при наступлении указанных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ обстоятельств независимо от осведомленности об этом публично-правового образования и совершения им действий, направленных на учет такого имущества и оформление своего права.

В соответствии с п. 3 постановления Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП “О работе с жилыми помещениями, переходящими в порядке наследования по закону в собственность города Москвы, и с жилыми помещениями жилищного фонда города Москвы, освобождаемыми в связи с выбытием граждан” (в ред. от 4 июня 2013 г., действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений; далее — постановление Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП) префектурам административных округов г. Москвы совместно с Департаментом жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства города предписано обеспечить контроль за передачей в Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы (далее также — Департамент жилищной политики) следующих сведений: об умерших одиноких гражданах, в том числе нанимателях, пользователях и собственниках жилых помещений, проживавших на территории административного округа г. Москвы; о жилых помещениях, в которых более 6 месяцев никто не проживает; о жилых помещениях, оплата жилищных, коммунальных и иных услуг за которые не производится более 6 месяцев или оплата производится от имени умершего лица. Данные сведения подлежат передаче еже-

месячно в срок до 10 числа месяца, следующего за отчетным.

Пунктом 3.2.1 данного постановления Правительства Москвы префектурам административных округов г. Москвы также предписано организовывать в установленном порядке проведение регулярных обследований жилых помещений управы районов г. Москвы и направлять информацию в Департамент жилищной политики ежемесячно в срок до 10 числа месяца, следующего за отчетным.

Департамент жилищной политики должен быть проинформирован государственными учреждениями г. Москвы, инженерными службами районов относительно имеющих сведений о снятии с регистрационного учета одиноких граждан — собственников жилых помещений и граждан, одиноко проживающих в жилых помещениях жилищного фонда г. Москвы, в срок не более 10 дней со дня поступления информации из Управления Федеральной миграционной службы по г. Москве (п. 4 названного постановления).

Пунктами 2.3, 2.5, 2.7, 2.8 Положения о порядке выявления и оформления жилых помещений, переходящих в порядке наследования по закону в собственность г. Москвы, являющегося приложением 1 к постановлению Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП, предусмотрено, что по истечении 6-месячного срока после получения паспортных данных умершего собственника жилого помещения и сведений о государственной регистрации его смерти Департамент жилищной политики направляет запрос в Московскую городскую нотариальную палату о наличии открытого наследственного дела в отношении данного наследодателя и обращается к нотариусу с соответствующими документами. Для государственной регистрации права собственности г. Москвы Департамент жилищной политики в 20-дневный срок с момента получения свидетельства о праве на наследство по закону на жилое помещение обращается в Управление Федеральной регистрационной службы по Москве. Данные о жилом помещении, перешедшем в порядке наследования по закону в собственность г. Москвы, на основании свидетельства о государственной регистрации права вносятся Департаментом жилищной политики в установленном порядке в Реестр объектов собственности г. Москвы в жилищной сфере.

В соответствии с п. 2.5 распоряжения Департамента жилищной политики от 6 ноября 2008 г. № 2763 “О мерах по выполнению постановления Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП” на управления Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы в административных округах была возложена обязанность по организации сбора сведений и учета жилых помещений, освободившихся ввиду смерти собственников жилья.

Из материалов дела следует, что согласно актовой записи отдела ЗАГС Л. в связи со смертью был снят с регистрационного учета по месту проживания 16 декабря 2010 г.

Государственная регистрация перехода права собственности на спорную квартиру к Ш. состоялась 14 ноября 2011 г.

На протяжении 1 года 4 месяцев со стороны истца не было предпринято никаких действий, направленных на выявление, сохранение и оформление в собственность города выморочного имущества, требования постановления Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП истцом не исполнялись.

Бездействие публично-правового образования как участника гражданского оборота, не оформившего в разумный срок право собственности, в определенной степени создало предпосылки к его утрате, в том числе посредством выбытия соответствующего имущества из владения данного публичного собственника в результате противоправных действий третьих лиц.

В силу ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Условия истребования имущества определяются положениями ст. 302 ГК РФ, согласно п. 1 которой если имущество безвозмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в его Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П “По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца”¹, при разрешении данного спора существенное значение следовало придавать как факту государственной регистрации права собственности на данное жилое помещение за лицом, не имевшим права его отчуждать, так и оценке действий (бездействия) публичного собственника в лице уполномоченных органов, на которые возложена компетенция по оформлению выморочного имущества и распоряжению им. При этом действия (бездействие) публичного собственника подлежали оценке при определении того, выбыло спорное жилое помещение из его владения фактически помимо его воли или по его воле. Между тем указанные обстоятельства судами при вынесении судебных постановлений учтены не были.

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Делая вывод о том, что Ш. не является добросовестным приобретателем жилого помещения, поскольку, проявив достаточную осмотрительность, мог выяснить причины, по которым квартира продавалась через непродолжительное время после приобретения права собственности, и усомниться в правомочиях продавца совершить сделку, суд первой инстанции не учел, что юридические действия по принятию наследства осуществляются у нотариуса, на которого законом возложены публично-правовые функции по проверке законности прав наследников на получение наследства. Право собственности К. на квартиру было подтверждено выданным нотариусом в установленном законом порядке свидетельством о праве на наследство по завещанию, а также сведениями ЕГРН о государственной регистрации права К. на спорное имущество.

¹ Постановлением от 26 мая 2025 г. № 22-П “По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Панкратовой” Конституционный Суд РФ подтвердил ранее высказанную позицию.

Также судом не принято во внимание то, что объявление о продаже квартиры размещалось в открытом доступе в сети “Интернет”, квартира приобреталась по рыночной цене, согласованной с продавцом, денежные средства были продавцом получены в полном объеме, что подтверждено расписками и приговором суда. Также Ш. представлены доказательства того, что его материальное положение позволяло приобрести квартиру указанной стоимости. То обстоятельство, что квартира продавалась наследником спустя 6 месяцев после ее получения, не могло свидетельствовать о незаконности владения, поскольку наследник вправе был распорядиться унаследованным имуществом, исходя из своих личных интересов.

При таких обстоятельствах вывод суда об истребовании спорного жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя (Ш.), который при возмездном приобретении этого жилого помещения полагался на данные ЕГРН и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску Департамента городского имущества, притом что данное публично-правовое образование не приняло в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество, нельзя признать законным.

Кроме того, в суд с виндикационным иском истец обратился только 27 ноября 2019 г., т.е. спустя 8 лет 1 месяц после совершения сделки, и с того момента, когда ему стало известно о нарушении своего права, а также о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите его права, при этом с заявлением о восстановлении срока исковой давности истец не обращался.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и приняла новое решение, которым иск Департамента городского имущества к К., Ш. оставила без удовлетворения.

Определение № 5-КГ24-43-К2

Защита прав потребителей финансовых услуг

6. Если заемная расписка выдана в счет обязательства по возмещению ущерба (новация долга), то договор займа не может быть признан незаключенным по безденежности.

В этом случае должник не лишен возможности оспорить как само соглашение о новации по общим основаниям недействительности сделки, так и наличие того обязательства, в счет которого выдана заемная расписка.

Я. обратился в суд с иском к Ц. о взыскании задолженности по договору займа, пени, компенсации морального вреда и судебных расходов.

Ц. предъявил встречный иск к Я. о признании договора займа незаключенным по безденежности.

Частично удовлетворяя иск Я., суд первой инстанции руководствовался ст.ст. 309, 310, 421, 431, 807, 808, 810, 812 ГК РФ и исходил из того, что наличие у Ц. задолженности по договору займа подтверждается материалами дела.

Отказывая в удовлетворении встречного иска, суд сослался на то, что Ц. не представлено доказательств, подтверждающих безденежность займа и написание долговой расписки под влиянием заблуждения, насилия или угрозы.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска Я., удовлетворив встречный иск Ц., по-

скольку пришел к выводу о том, что Я. денежные средства по расписке Ц. не передавал, а расписку Ц. написал по настоянию Я. в связи с обвинением последним Ц. в некачественном ремонте автомобиля, повлекшем его возгорание и гибель.

Данные выводы суда апелляционной инстанции поддержал кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг.

Если заимодавцем в договоре займа является гражданин, договор считается заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу.

В подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему заимодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей (п. 2 ст. 808 ГК РФ).

Вместе с тем в соответствии с п. 1 ст. 818 ГК РФ по соглашению сторон долг, возникший из купли-продажи, аренды или иного основания, может быть заменен заемным обязательством. Согласно п. 2 этой же статьи замена долга заемным обязательством осуществляется с соблюдением требований о новации (ст. 414) и совершается в форме, предусмотренной для заключения договора займа (ст. 808).

Как разъяснено в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 “О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств”, по соглашению сторон долг, возникший из договоров купли-продажи, аренды или иного основания, включая обязательства из неосновательного обогащения, причинения вреда имуществу или возврата полученного по недействительной сделке, может быть заменен заемным обязательством (п. 1 ст. 818 ГК РФ).

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

При рассмотрении дела судом апелляционной инстанции установлено, что спорная расписка была оформлена с целью возмещения предполагаемого материального ущерба, причиненного Я. в результате возгорания автомобиля после проведения Ц. ремонтных работ на СТО. Установив данный факт, суд апелляционной инстанции признал договор займа безденежным, указав, что сумма займа по этому договору не передавалась.

Между тем такой вывод суда апелляционной инстанции противоречит приведенным выше положениям п. 1 ст. 818 ГК РФ, согласно которым при новации долга в заемное обязательство этим заемным обязательством заменяется уже существующий долг, возникший ранее у должника перед

кредитором по иному основанию, а следовательно, никакой передачи суммы займа в таком случае не происходит.

Так, в абз. 2 п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 разъяснено, что в случае новации обязательства в заемное в качестве основания для оспаривания не может выступать непоступление предмета займа в распоряжение заемщика.

Данное разъяснение судом апелляционной инстанции учтено не было, что привело к неправильному разрешению спора.

Недопустимость оспаривания новации долга в заемное обязательство по мотиву безденежности не препятствует оспариванию должником как самого соглашения о новации по общим основаниям недействительности сделок, так и того обязательства, которое было заменено заемным.

Однако соответствующие обстоятельства по делу судом апелляционной инстанции не устанавливались, оценка им не дана, а выводы суда не основаны на законе. Кассационный суд общей юрисдикции допущенных судом апелляционной инстанции нарушений не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 41-КГ25-16-К4

7. В случае заключения банком с гражданином-потребителем вместо договора банковского вклада договора личного страхования от имени страховой компании, не позволяющего по требованию потребителя возвратить в полной мере денежные средства досрочно, суду следует тщательно проверять доводы потребителя о введении его в заблуждение и непредоставлении полной и достоверной информации о финансовой услуге.

Обязанность доказать надлежащее предоставление информации об услуге и волеизъявление потребителя при обращении в банк на заключение договора страхования, а не договора вклада, возложена на банк.

Д. обратилась в суд с иском к страховой компании о расторжении договора страхования, указывая, что договор страхования жизни по программе “Фиксированный доход” заключен ею с ответчиком вследствие обмана и введения в заблуждение, поскольку изначально она имела намерение заключить с банком договор депозитного вклада.

Судом установлено, что 1 ноября 2022 г. между Д. и страховщиком, в интересах которого действовал сотрудник банка, заключен договор страхования жизни по программе “Фиксированный доход”, по которому Д. уплачена страховая премия в размере 2 000 000 руб.

Срок действия договора установлен по 18 февраля 2028 г. включительно.

29 декабря 2022 г. Д. обратилась в страховую компанию с заявлением о расторжении указанного выше договора в связи с тем, что при его заключении была введена в заблуждение.

11 января 2023 г. страховая компания отказала в удовлетворении заявления и разъяснила, что при досрочном расторжении договора страхования по письменному заявлению страхователя выкупная сумма по договору подлежит возврату в существенно меньшем размере, чем сумма уплаченных по договору денежных средств.

Признавая договор страхования недействительным и применяя последствия его недействительности, суд первой инстанции пришел к выводу, что при заключении договора ответчик ввел истца в заблуждение относительно существенных

условий договора, скрыл, что программа является не договором вклада с повышенной ставкой, а договором страхования жизни с выплатой дохода.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, указал, что истец имела возможность ознакомиться с текстом заключаемого договора страхования, между ней и ответчиком достигнуто соглашение по всем существенным условиям, в связи с чем отсутствуют основания полагать, что Д. была введена в заблуждение относительно предмета и природы сделки.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” (далее — постановление Пленума от 23 июня 2015 г. № 25) разъяснено, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки).

При этом сделка может быть признана недействительной как в случае нарушения требований закона (ст. 168 ГК РФ), так и по специальным основаниям в случае порока воли при ее совершении, в частности при совершении сделки под влиянием существенного заблуждения или обмана (ст. 178, п. 2 ст. 179 ГК РФ).

Кроме того, если сделка нарушает установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав, в зависимости от обстоятельств дела, такая сделка может быть признана судом недействительной на основании положений ст. 10 и п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (пп. 7 и 8 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25).

В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

В п. 1 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

В ст. 8 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) предусмотрено право потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах).

В соответствии с п. 1 ст. 10 данного Закона изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Согласно п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре (работе, услуге), он вправе потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков.

В силу требований п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14 и п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей время доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, лежит на изготовителе (исполнителе, продавце).

При рассмотрении данного дела судом апелляционной инстанции не дано оценки доводам истца о том, что она обратилась в банк для заключения договора банковского вклада, а не в страховую компанию для заключения договора страхования. При этом договор страхования заключен с истцом сотрудником банка, одновременно представлявшим интересы страховой компании и действовавшим в интересах этой страховой компании.

В процессе рассмотрения дела Д. ссылаясь на то, что она заблуждалась относительно природы подписываемого договора страхования жизни, полагая, что заключает с банком договор банковского вклада под больший процент, а не договор страхования со страховой компанией.

При этом истец ссылаясь на расстройство зрения, подтвержденное амбулаторной картой, и на то, что манипуляции с телефоном при заключении договора производил сотрудник банка.

Обнаружив ошибку, истец менее чем через два месяца обратилась в банк за расторжением договора, при этом выяснилось, что по его условиям она может вернуть только 696 000 руб. вместо 2 000 000 руб., а договор действует до 2028 года.

При этом суд апелляционной инстанции, ссылаясь на недоказанность фактов существенного заблуждения и отсутствия надлежащей информации при заключении договора, в нарушение приведенных выше норм права не учел, что в отношениях с гражданином-потребителем обязанность доказать надлежащее предоставление информации об услуге возложена на исполнителя.

При этом, как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 апреля 2023 г. № 14-П, предприниматель, профессионально занимающийся продажами, регулярно, на постоянной основе взаимодействует с разными контрагентами (включая потребителей) и потому потенциально обладает навыками ведения переговоров, оказания влияния на покупателя с целью реализации товара на наиболее выгодных для себя условиях. Он также не лишен возможности создать видимость обеспечения покупателя нужным объемом информации, а даже действительно обеспечив его таковой — манипулировать ею так, чтобы покупатель обошел вниманием проблемные элементы в ее содержании. В связи с этим, предлагая условия договора, предприниматель не может не осознавать свое превосходство (экономическую силу) над потребителем. У покупателя же, возможно, не будет основа-

ний в ходе, например, судебного разбирательства отрицать, что продавец его информировал. При таких условиях даже выравнивание процессуального положения сторон посредством деятельности суда по перераспределению бремени доказывания от покупателя к продавцу может не дать полезного эффекта.

Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 73-КГ25-1-К8

8. Страховая компания, заключившая с гражданином договор личного страхования от заболевания COVID-19 без истребования у него сведений о наличии сопутствующих заболеваний, не вправе отказывать впоследствии в страховом возмещении, ссылаясь на положения Правил страхования о том, что заболевание COVID-19 при наличии таких сопутствующих заболеваний не является страховым случаем.

Е. и М., действующая также в интересах несовершеннолетнего Р., обратились в суд с иском к страховой компании о взыскании в пользу М. и Р. страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 14 ноября 2020 г. между Н. (сыном Е., супругом М.) и страховой компанией (ответчиком) в письменной форме заключен договор страхования от болезней "Антивирус. Семья под защитой". Срок действия договора — с 18 ноября 2020 г. по 17 ноября 2021 г.

Страховыми рисками по договору являлись смерть застрахованного лица в результате болезни (под болезнью понимается впервые диагностированное заболевание вирусной этимологии семейства коронавирусов, включая COVID-19) и госпитализация (экстренная госпитализация) застрахованного лица в результате той же болезни.

Внизу первой страницы договора мелким шрифтом указано, что он заключен на условиях страхования, изложенных в Условиях страхования (приложение 1 к договору) и Правилах страхования от несчастных случаев и болезней от 25 июня 2019 г.

14 ноября 2021 г. Н. умер. Согласно свидетельству причиной смерти явилась острая респираторная недостаточность, другая вирусная пневмония, коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19.

22 февраля 2022 г. М. обратилась в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового случая, в удовлетворении которого было отказано ввиду наличия у Н. сопутствующих заболеваний, указанных в подп. 3 п. 2.2.1.1 Условий страхования, вследствие чего его смерть не является страховым случаем.

В п. 2.2.1.1 Условий страхования указано, что страховыми случаями не являются и страховая выплата не производится в случае, если лица находятся в группе риска по развитию тяжелых форм заболевания коронавирусной инфекцией COVID-19 и имеют один или несколько следующих диагнозов при положительном тесте на коронавирусную инфекцию COVID-19: ожирение, диабет 1 и 2 типа, гипертоническая болезнь 2 степени и выше, бронхиальная астма, онкологические/аутоиммунные заболевания, лица, перенесшие трансплантацию органов, аорто-коронарное шунтирование, лица, имеющие врожденные или генетические заболевания, лица, имеющие хронические заболевания, осложненные хронической легочной, и/или сердечно-сосудистой,

и/или почечной, и/или печеночной недостаточностью (подп. 3).

Претензия истцов оставлена страховщиком без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, основываясь на выводах судебной медицинской экспертизы, указал, что сопутствующие заболевания, а именно гипертоническая болезнь 2 степени и выше, предусмотренные подп. 3 п. 2.2.1.1 Условий страхования, были диагностированы у Н. до заключения договора страхования, а следовательно, его смерть не является страховым случаем.

С выводом суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, признавая состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, руководствовалась положениями п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 3, ст. 9 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-I "Об организации страхового дела в Российской Федерации", п. 4 ст. 421, ст. 431, подп. 2 п. 2 ст. 942, пп. 1 и 2 ст. 943 ГК РФ, ст. 10 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I "О защите прав потребителей", а также разъяснениями, содержащимися в пп. 43, 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора", и исходила из того, что условия договора личного страхования должны толковаться с учетом его цели и существа законодательного регулирования этих отношений, а все противоречия, неясности и сомнения подлежат толкованию в пользу граждан-потребителей, в том числе выгодоприобретателей и правопреемников.

В частности, для сходных правоотношений в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества" разъяснено, что исходя из положений п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества, в связи с чем к условиям договора помимо перечисленных в ст. 942 ГК РФ могут быть отнесены и другие условия (в частности, территория использования или место нахождения застрахованного имущества; перечень случаев, которые не могут быть признаны страховыми (например, управление транспортным средством лицом, не допущенным к управлению в рамках договора добровольного страхования транспортного средства; угон транспортного средства с оставленными регистрационными документами, если в соответствии с договором страхования страховым риском является кража или угон транспортного средства без документов и (или) ключей).

Стороны вправе включать в договор добровольного страхования имущества (страховой полис) перечень страховых событий и исключений из него, условия о способе расчета убытков, подлежащих возмещению при наступлении страхового случая, и другие условия, если они не противоречат действующему законодательству, в частности не ущемляют права потребителя (ст. 16 Закона о защите прав потребителей).

При этом в п. 16 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ указано, что по общему правилу при неясности условий договора страхования, изложенных в полисе и правилах страхования, и невозможности установить дейст-

вительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия (ч. 2 ст. 431 ГК РФ).

Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной является страховщик как лицо, профессионально осуществляющее деятельность в страховой сфере.

Названные выше положения закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ судами по данному делу учтены не были.

Так, на первой странице договора ясно и недвусмысленно, без всяких исключений, страховые риски и страховые случаи определены следующим образом:

1) смерть застрахованного лица в результате болезни (под болезнью понимается впервые диагностированное заболевание вирусной этиологии семейства коронавирусов, включая COVID-19);

2) госпитализация (экстренная госпитализация) застрахованного лица в результате той же болезни.

Однако в противоречие этому в подп. 3 п. 2.2.1.1 Условий страхования указано, что эти же события не являются страховыми случаями при наличии у застрахованного лица ряда заболеваний.

Данному противоречию судебные инстанции оценки не дали.

При этом из обстоятельств заключения договора и его содержания следует, что Условия страхования от болезней, разработанные и утвержденные страховщиком, являющиеся приложением к договору страхования, содержат общие условия для договоров такого типа, заключаемых данным страховщиком, а условия, содержащиеся на первой странице договора, являются специально согласованными для этого договора, заключенного с конкретным гражданином-потребителем.

Для сходных правоотношений в п. 11 названного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 разъяснено, что если условия договора страхования, документы, предусмотренные п. 2 ст. 940 ГК РФ, и правила страхования, на основании которых заключен договор, противоречат друг другу, то приоритет отдается тем условиям, которые индивидуально согласованы сторонами договора (п. 3 ст. 943 ГК РФ).

Это судебными инстанциями учтено не было, что, безусловно, повлияло на результат разрешения спора.

Кроме того, из условий договора и позиции страховой компании следует, что изложенные в подп. 3 п. 2.2.1.1 Условий страхования обстоятельства, на которые сослались страховая компания и суды, по их смыслу сами по себе не образуют страхового случая, но существенно увеличивают вероятность наступления страхового случая и увеличивают размер возможных убытков.

Учет таких сведений, последствия умолчания о них страхователя или предоставление им ложных сведений об этих обстоятельствах при заключении договора урегулированы положениями ст. 944 ГК РФ.

После заключения договора обязанность страхователя информировать страховщика о значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных при заключении договора, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска, и последствия неисполнения этой обязанности урегулированы ст. 959 ГК РФ.

Из установленных судами обстоятельств и материалов дела не следует, что страховой компанией

страхователю предлагалось сообщить сведения о наличии или об отсутствии у него заболеваний, указанных в подп. 3 п. 2.2.1.1 Условий страхования, а также отсутствуют сведения о том, что страхователь на запрос страховой компании умолчал об этих обстоятельствах или сообщил о них ложные сведения.

Между тем в отсутствие сведений о таких обстоятельствах, которые, по утверждению страховой компании, существенно увеличивают вероятность наступления страховых случаев, указанных на первой странице договора, страховая компания почитала возможным заключить с Н. договор страхования и получить от него страховую премию по установленному тарифу.

Данные обстоятельства имели существенное значение для правильного применения норм материального права, однако судами учтены не были.

Определение № 89-КГ24-15-К7

9. При взыскании со страховщика убытков, вызванных необоснованной заменой страхового возмещения по договору ОСАГО в виде организации и оплаты восстановительного ремонта автомобиля на страховую выплату, страховщик не освобождается от уплаты предусмотренных законом неустойки и штрафа, размер которых определяется без учета страховых выплат.

С. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании с ответчика страхового возмещения, неустоек, штрафа, расходов на оплату услуг эксперта, расходов на юридические услуги, почтовых расходов, компенсации морального вреда.

Как установлено судом и следует из материалов дела, в результате дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП), произошедшего 14 июля 2023 г. по вине водителя Ф., был поврежден принадлежащий истцу автомобиль.

Гражданская ответственность истца на момент ДТП была застрахована в страховой компании (ответчик).

19 июля 2023 г. С. обратилась к ответчику с заявлением о страховом возмещении, в качестве формы возмещения выбрав организацию и оплату восстановительного ремонта транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей.

По результатам рассмотрения заявления ответчик 3 августа 2023 г. выплатил истцу страховое возмещение в размере 78 479,50 руб., определенном в соответствии с заключением эксперта без учета износа заменяемых деталей.

10 августа 2023 г. истец обратилась к ответчику с заявлением (претензией) о возмещении стоимости восстановительного ремонта автомобиля в полном объеме, убытков, выплате неустойки, финансовой санкции, утраты товарной стоимости (далее — УТС) и компенсации морального вреда, в удовлетворении которого страховщиком отказано.

Решением финансового уполномоченного в удовлетворении требований С. о взыскании со страховщика стоимости восстановительного ремонта транспортного средства, УТС, финансовой санкции, неустойки и расходов на оплату юридических услуг отказано. Требование о компенсации морального вреда оставлено без рассмотрения.

Удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции признал, что ответчик в отсутствие предусмотренных законом оснований заменил страховое возмещение в форме организации и оплаты восстановительного ремонта на страховую выплату, в связи с чем взыскал со страховщика убытки в виде стоимости не осуществленного страховщиком ремонта за вычетом выплаченных денежных сумм. Отказывая во взыскании штрафа,

суд первой инстанции сослался на то, что штраф на сумму убытков начислению не подлежит.

С такими выводами согласился суд апелляционной инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции не усмотрел правовых оснований для отмены судебных постановлений нижестоящих судов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ находит, что с обжалуемыми судебными постановлениями согласиться нельзя по следующим основаниям.

Факт незаконного отказа страховщика от страхового возмещения в форме организации и оплаты восстановительного ремонта в натуре судами установлен.

Согласно п. 21 ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО) при несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере 1% от определенного в соответствии с данным федеральным законом размера страхового возмещения по виду причиненного вреда каждому потерпевшему.

Как разъяснено в п. 76 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — постановление Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31), неустойка за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства определяется в размере 1%, а за несоблюдение срока проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определяется в размере 0,5% за каждый день просрочки от надлежащего размера страхового возмещения по конкретному страховому случаю за вычетом страхового возмещения, произведенного страховщиком в добровольном порядке в сроки, установленные ст. 12 Закона об ОСАГО (абз. 2 п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО).

Неустойка исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, т.е. с 21-го дня после получения страховщиком заявления потерпевшего о страховой выплате и документов, предусмотренных правилами, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору включительно.

Согласно п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО при удовлетворении судом требований потерпевшего — физического лица об осуществлении страховой выплаты суд взыскивает со страховщика за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего штраф в размере 50% от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 2 и 3 п. 81, п. 83 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31, при удовлетворении судом требований потерпевшего — физического лица суд одновременно разрешает вопрос о взыскании с ответчика штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО). Если такое требование не заявлено, то

суд в ходе рассмотрения дела по существу ставит вопрос о взыскании штрафа на обсуждение сторон (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ).

В п. 82 этого же постановления разъяснено, что наличие судебного спора о взыскании страхового возмещения указывает на неисполнение страховщиком обязанности по его осуществлению в добровольном порядке, в связи с чем страховое возмещение, произведенное потерпевшему — физическому лицу в период рассмотрения спора в суде, не освобождает страховщика от уплаты штрафа, предусмотренного п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО.

Из приведенных норм права и разъяснений вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ следует, что неустойка и размер штрафа определяются не размером присужденного потерпевшему возмещения убытков, а размером страхового возмещения, обязательство по которому не исполнено страховщиком добровольно.

При этом указание в п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО на страховую выплату не означает, что в случае неисполнения страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта он освобождается от уплаты штрафа.

Иное означало бы, что в отступление от конституционного принципа равенства прав потерпевших, право которых на страховое возмещение в виде организации и оплаты восстановительного ремонта нарушено, оказались бы менее защищены и поставлены в неравное положение с такими же потерпевшими, право которых на страховое возмещение нарушено неосуществлением страховой выплаты.

Таким образом, удовлетворение судом требования потерпевшего — физического лица о взыскании убытков в размере действительной стоимости восстановительного ремонта автомобиля, о которых сказано в п. 56 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31, обусловленных ненадлежащим исполнением страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта транспортного средства, предполагает присуждение предусмотренных Законом об ОСАГО неустойки и штрафа, поскольку страховщик в добровольном порядке требование потерпевшего — физического лица не исполнил.

В этом случае осуществленные страховщиком денежные выплаты не могут рассматриваться как надлежащее исполнение обязательства, которым в соответствии с п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО является организация и оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение вреда в натуре), и не освобождают от уплаты неустойки и штрафа, подлежащих исчислению от стоимости не осуществленного страховщиком ремонта, определяемой по единой методике, утвержденной Положением Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П “О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства”, без учета износа транспортного средства.

По данному делу суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции о незаконности уклонения страховщика от организации и оплаты восстановительного ремонта транспортного средства и о взыскании в связи с этим убытков, в нарушение приведенных выше норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ отказал во взыскании неустойки и штрафа.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судом апелляционной инстанции нарушения норм права не устранил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ постановления судов апелляционной и кассационной инстанций отменила, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 1-КГ25-3-КЗ

10. При наличии у страховой компании обязанности осуществить страховое возмещение и по договору обязательного страхования ответственности, и по договору добровольного страхования имущества право выбора принадлежит потерпевшему, который до исполнения страховщиком обязательства по первоначальному обращению вправе изменить свое решение и потребовать страховое возмещение по другому договору.

Т. обратилась в суд с иском к обществу о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что 5 июня 2021 г. в результате дорожно-транспортного происшествия по вине П., управлявшей автомобилем Chevrolet Aveo, поврежден автомобиль истца.

Общество (ответчик), застраховавшее гражданскую ответственность Т. по договору обязательного страхования автогражданской ответственности (далее — договор ОСАГО), а также являющееся страховщиком ее автомобиля по договору добровольного страхования имущества (далее — договор КАСКО), выдало направление на ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей (далее — СТОА), однако ремонт произведен не был.

Истец обратилась к страховщику с требованием выполнить ремонт автомобиля или осуществить страховую выплату по договору ОСАГО.

Ответчик выплатил страховое возмещение в размере 271 100 руб. по договору КАСКО и возместил утрату товарной стоимости транспортного средства в размере 46 500 руб.

Не согласившись с отказом в выплате страхового возмещения по договору ОСАГО, Т. обратилась к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг, который в удовлетворении ее требований к страховщику также отказал.

При рассмотрении дела суд первой инстанции назначил автотехническую и товароведческую экспертизы. По заключению эксперта, стоимость восстановительного ремонта транспортного средства без учета износа заменяемых деталей, узлов и агрегатов исходя из средних региональных цен на момент ДТП составляла 924 800 руб. По результатам проведения дополнительной экспертизы стоимость восстановительного ремонта транспортного средства в соответствии с единой методикой без учета износа определена в размере 538 300 руб., с учетом износа — 447 100 руб.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что страховщик на основании заявления истца обязан был по договору ОСАГО организовать и оплатить ремонт транспортного средства на СТОА, однако этого не сделал, необоснованно заменив страховое возмещение в натуре на страховую выплату. При этом суд указал, что доказательств невозможности организовать ремонт на СТОА либо заключения с потерпевшим соглашения о замене страхового возмещения в натуре страховой выплатой страховщик не представил.

Определяя размер взыскания, суд первой инстанции исходил из лимита страхового возмещения по договору ОСАГО — 400 000 руб. и за вычетом произведенных выплат в размере 317 600 руб.

взыскал со страховщика 82 400 руб., а также штраф в размере 50% от этой суммы — 41 200 руб. и компенсацию морального вреда — 1000 руб.

С учетом стоимости восстановительного ремонта автомобиля, определенной исходя из средних рыночных цен в данном регионе в размере 924 800 руб. (без учета износа), суд взыскал с П. как с причинителя вреда разницу между этой суммой и страховым возмещением (400 000 руб.) в размере 524 800 руб.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что страховое возмещение Т. должно было производиться по договору ОСАГО, поскольку, несмотря на первоначальное заявление о страховом возмещении по договору КАСКО, Т. до исполнения страховщиком обязательств по договору КАСКО изменила волеизъявление и обратилась к страховщику с заявлением о страховом возмещении по договору ОСАГО.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, ссылаясь на то, что по результатам первоначальной экспертизы стоимость автомобиля истца до повреждения составляла 953 800 руб., а стоимость восстановительного ремонта — 924 800 руб., т.е. 97% от стоимости автомобиля, пришел к выводу о расчете страхового возмещения на условиях полной гибели исходя из доаварийной стоимости автомобиля за вычетом годных остатков (578 900 руб.) и определил его в размере 374 900 руб. (953 800 руб. — 578 900 руб.).

С учетом произведенных страховщиком выплат в размере 317 600 руб. суд апелляционной инстанции изменил решение суда, снизив подлежащую взысканию со страховщика сумму до 57 300 руб. (374 900 руб. — 317 600 руб.) и уменьшив соответственно сумму штрафа до 28 650 руб.

Полагая, что взысканной суммой размер ущерба истцу возмещен в полном объеме, суд апелляционной инстанции отказал в иске.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций неправомерными ввиду следующего.

В соответствии со ст. 12¹ Закона об ОСАГО в целях установления обстоятельств причинения вреда транспортному средству, установления повреждений транспортного средства и их причин, технологии, методов и стоимости его восстановительного ремонта проводится независимая техническая экспертиза.

Согласно п. 3 этой статьи независимая техническая экспертиза проводится с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, которая утверждается Банком России и содержит, в частности:

а) порядок расчета размера расходов на материалы, запасные части, оплату работ, связанных с восстановительным ремонтом;

б) порядок расчета размера износа подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), в том числе номенклатуру комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), на которые при расчете размера расходов на восстановительный ремонт устанавливается нулевое значение износа;

в) порядок расчета стоимости годных остатков в случае полной гибели транспортного средства.

В соответствии с п. 1.1 Положения Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П “О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства” данное положение устанавливает единую методику определения расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства.

В п. 41 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31 разъяснено, что по договору обязательного страхования размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему в связи с повреждением транспортного средства, по страховым случаям, наступившим начиная с 21 сентября 2021 г., определяется в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П.

По ранее возникшим страховым случаям размер страхового возмещения определяется в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П.

В нарушение приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ суд апелляционной инстанции, придя к выводу о том, что на страховщика лежала обязанность произвести страховое возмещение по договору ОСАГО, осуществил его расчет на основании среднерыночных цен, а не в соответствии с единой методикой, что повлекло ошибочный вывод о стоимости восстановительного ремонта и о полной гибели транспортного средства.

Кроме того, в соответствии с п. 56 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31 при нарушении страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта потерпевший вправе предъявить требование о понуждении страховщика к организации и оплате восстановительного ремонта или потребовать страхового возмещения в форме страховой выплаты либо произвести ремонт самостоятельно и потребовать со страховщика возмещения убытков вследствие ненадлежащего исполнения им своих обязательств по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства в размере действительной стоимости восстановительного ремонта, который страховщик должен был организовать и оплатить. Возмещение таких убытков означает, что потерпевший должен быть поставлен в то положение, в котором он находился бы, если бы страховщик по договору обязательного страхования исполнил обязательства надлежащим образом (п. 2 ст. 393 ГК РФ).

По данному делу суд апелляционной инстанции признал правильным вывод суда первой инстанции о нарушении страховщиком обязанности организовать и оплатить восстановительный ремонт по договору ОСАГО, однако в нарушение приведенных выше разъяснений сделал прямо противоположный вывод о взыскании страхового возмещения в виде разницы между доаварийной стоимостью автомобиля и стоимостью годных остатков, применив расчет страхового возмещения, предусмотренный для тех случаев, когда восстановительный ремонт не производится.

Кассационный суд общей юрисдикции ошибки суда апелляционной инстанции не исправил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 35-КГ25-2-К2

11. Предусмотренный ч. 6 ст. 24 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ “Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг” штраф за неисполнение финансовой организацией решения финансового уполномоченного в установленный срок подлежит взысканию и в том случае, если решением финансового уполномоченного на финансовую организацию возложена обязанность не уплатить денежные средства гражданину-потребителю, а исполнить обязательство в натуре, например организовать и оплатить ремонт поврежденного транспортного средства.

В. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании штрафа в размере 150 650 руб. и компенсации морального вреда в размере 10 000 руб.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 28 января 2021 г. в результате ДТП по вине водителя автомобиля ГАЗ-2790 М. поврежден автомобиль Ford Focus, собственником которого является В.

Гражданская ответственность М. на дату ДТП застрахована ответчиком, В. — в другой страховой организации.

1 февраля 2021 г. В. обратился к ответчику с заявлением о страховом возмещении путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

9 февраля 2021 г. страховая компания уведомила В. о необходимости предоставления банковских реквизитов.

24 февраля 2021 г. В. направил страховой компании претензию о страховом возмещении путем организации и оплаты восстановительного ремонта транспортного средства, а также о выплате неустойки и компенсации морального вреда.

2 марта 2021 г. страховая компания уведомила В. об отсутствии договоров со СТОА, осуществляющими ремонт транспортных средств марки Ford Focus, которые соответствуют критериям, установленным Правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, и о необходимости предоставить банковские реквизиты.

Решением финансового уполномоченного от 1 апреля 2021 г. удовлетворено требование В. к страховой компании об организации и оплате восстановительного ремонта автомобиля Ford Focus на СТОА в регионе проживания заявителя.

Решением суда от 31 августа 2021 г., оставленным без изменения апелляционным определением, требования страховой компании об отмене решения финансового уполномоченного от 1 апреля 2021 г. оставлены без удовлетворения.

Сведений об исполнении страховой компанией решения финансового уполномоченного от 1 апреля 2021 г. материалы дела не содержат.

13 декабря 2021 г. В. обратился к финансовому уполномоченному с заявлением о взыскании со страховой компании неустойки за неисполнение обязанности по выдаче направления на ремонт поврежденного транспортного средства и компенсации морального вреда.

Решением финансового уполномоченного от 14 января 2022 г. рассмотрение обращения В. прекращено в связи с невозможностью рассчитать неустойку, поскольку не представлены сведения о стоимости проведенного на СТОА ремонта.

Удовлетворяя иски частично, суд первой инстанции указал, что страховая компания не исполнила в добровольном порядке решение финансового уполномоченного, и взыскал с нее штраф в размере 50% от 301 300 руб. (стоимость восстановительного ремонта транспортного средства без учета износа, определенная страховой компанией), уменьшив его до 100 000 руб. на основании ст. 333 ГК РФ.

При этом суд руководствовался ч. 6 ст. 24 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ “Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг” (далее — Закон о финансовом уполномоченном).

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда в части взыскания со страховой компании штрафа и отказал в иске в указанной части, сославшись на то, что за неисполнение в добровольном порядке решения финансового уполномоченного о возложении обязанности возместить ущерб в натуральной форме данный штраф взысканию не подлежит.

С выводом суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении требования о взыскании штрафа, оставив в этой части в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

Согласно ч. 6 ст. 24 Закона о финансовом уполномоченном, если финансовая организация не исполнила в добровольном порядке решение финансового уполномоченного, суд на основании заявления потребителя финансовых услуг взыскивает с финансовой организации за неисполнение ею в добровольном порядке решения финансового уполномоченного штраф в размере 50% суммы требования потребителя финансовых услуг, которое подлежало удовлетворению в соответствии с решением финансового уполномоченного, в пользу потребителя финансовых услуг.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 84 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31, нарушение страховщиком сроков осуществления страхового возмещения, установленных решением финансового уполномоченного, является основанием для взыскания судом штрафа, предусмотренного ч. 6 ст. 24 Закона о финансовом уполномоченном, независимо от того, произведено ли страховое возмещение до обращения потерпевшего в суд.

Если вступившее в силу решение уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг не исполнено страховщиком в порядке и в сроки, которые установлены указанным решением, наряду со штрафом, предусмотренным п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО, подлежит взысканию и штраф, предусмотренный ч. 6 ст. 24 Закона о финансовом уполномоченном.

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что предусмотренная ч. 6 ст. 24 Закона о финансовом уполномоченном неустойка подлежит взысканию судом в случае неисполнения финансовой органи-

зацией решения финансового уполномоченного в установленный срок вне зависимости от того, возложена ли на финансовую организацию обязанность уплатить гражданину-потребителю денежную сумму или исполнить обязательство в натуре, например путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

Толкование суда апелляционной инстанции о том, что названный штраф подлежит взысканию, только если решением финансового уполномоченного взыскана денежная сумма или возложена обязанность ее уплаты, является ошибочным и не соответствует содержанию ч. 6 ст. 24 Закона о финансовом уполномоченном.

Если решение финансового уполномоченного возлагает на финансовую организацию обязанность исполнить обязательство в натуре путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, то сумма требований потребителя, которые подлежали удовлетворению в соответствии с этим решением, определяется стоимостью названного ремонта.

При ином толковании потерпевший, заявляющий требование о страховом возмещении в натуральной форме, будет находиться в более невыгодном положении по сравнению с потерпевшим, заявляющим требование о страховом возмещении в денежной форме, что нарушает конституционные положения о равенстве прав и гарантий их судебной защиты.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ оставила в силе решение суда первой инстанции о взыскании штрафа.

Определение № 86-КГ25-2-К2

Защита нематериальных прав

12. На редакцию средства массовой информации не может быть возложена обязанность удалить правомерно опубликованные статьи и видеорепортажи, содержащие сведения о гражданине и его изображение, по мотиву утраты актуальности.

Р. обратился в суд с иском к ряду средств массовой информации о возложении обязанности прекратить распространение персональных данных, размещенных в сети “Интернет”.

Судом установлено и из материалов дела следует, что в сети “Интернет” размещены видеосюжеты, а также статьи, посвященные реорганизации городского рынка, содержащие изображения и комментарии главы администрации города, а также истца, являвшегося на момент трансляции видеосюжетов директором рынка.

Обращения истца к ответчикам о прекращении передачи сведений о нем и об уничтожении персональных данных оставлены без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал на наличие общественного интереса к теме указанных сюжетов, а именно к реорганизации городского рынка, направленной на его обновление и улучшение условий торговли, что в силу положений ст. 152 ГК РФ исключает ответственность распространителя информации. Доказательств распространения иной информации, отнесенной законом к частной жизни, и персональных данных, не относящихся к общественному и публичному интересу, не представлено.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на то, что размещенная в сети “Интернет” информация, ка-

сающаяся деятельности истца как директора рынка, на момент обращения истца к ответчикам с требованиями об удалении такой информации утратила актуальность и общественную значимость, ответчикам надлежит прекратить передачу персональных данных истца, включая фотографию, и уничтожить их.

С данными выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с существенным нарушением требований закона по следующим основаниям.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 152¹ ГК РФ не требуется согласия гражданина для обнародования и дальнейшего использования изображения, полученного при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, в том числе в открытых судебных заседаниях, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

В частности, изображение гражданина на фотографии, сделанной в публичном месте, не будет являться основным объектом использования, если в целом фотоснимок отображает информацию о проведенном публичном мероприятии, на котором он был сделан (п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”).

Таким образом, распространение средствами массовой информации сведений о гражданине, включая его персональные данные и изображение, в отдельных случаях допускается без его согласия, если это необходимо в публичных интересах, однако в разумных пределах, не нарушая прав и законных интересов этого гражданина и не допуская злоупотребления правом.

Как установлено судом, персональные данные истца в виде фамилии, имени и должности, а также его фотографии использованы ответчиками в общественных интересах применительно к поднятой в статьях и сюжетах теме работы городского рынка и деятельности истца, непосредственно связанной в тот период с деятельностью указанной коммерческой организации, следовательно, согласия на использование изображения истца не требовалось. Опубликованные средствами массовой информации сведения не касались частной жизни истца и не выходили за пределы информации о работе городского рынка.

Кроме того, из установленных судом обстоятельств следует, что съемка проводилась в месте, открытом для свободного посещения, в ходе проведения публичного мероприятия, а именно в помещении рынка во время встречи главы администрации города с представителями средств массовой информации, на которой присутствовал истец.

Доводы суда апелляционной инстанции об утрате актуальности информации как об основании для удаления правомерно размещенных статей и видеорепортажей Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала не основанными на законе. Увольнение истца с прежнего места работы само по себе к таким обстоятельствам не относится.

С учетом действующего правового регулирования спорных отношений на средства массовой информации как распространителей информации и персональных данных истца, включая его изображение, не могла быть возложена обязанность удалить правомерно размещенные статьи и видеорепортажи и прекратить к ним доступ.

В связи с этим применение судом апелляционной инстанции положений ч. 1 ст. 10³ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и чч. 12—14 ст. 10¹ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ “О персональных данных”, возлагающих на оператора поисковой системы и лицо, обрабатывающее персональные данные, обязанность прекратить выдачу сведений или прекратить передачу персональных данных при определенных обстоятельствах, признано неправильным. В данном деле к спорным отношениям применению подлежали положения Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 “О средствах массовой информации”, чч. 7 и 8 ст. 6 Закона о персональных данных и ст.ст. 150, 152¹ и 152² ГК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые постановления судов апелляционной и кассационной инстанций незаконными, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 5-КГ25-15-К2

Защита жилищных прав

13. В случае признания многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции за бывшим членом семьи собственника изымаемого жилого помещения, отказавшимся от участия в приватизации, при условии, что данное жилое помещение является для него единственным и он признан малоимущим, принят на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении или имеет право состоять на таком учете, сохраняются гарантии жилищных прав в виде обеспечения жильем помещением из муниципального жилищного фонда.

Администрация города обратилась в суд с иском к Л. и В. о признании прекратившими право пользования жилым помещением, снятии их с регистрационного учета по указанному в иске адресу.

В обоснование заявленных требований указано на то, что собственниками спорного жилого помещения являлись Л.О. и В.Н., каждому принадлежало по 1/2 доле. Распоряжением администрации города от 24 мая 2019 г. № 846-р многоквартирный жилой дом, в котором расположено спорное жилое помещение, признан аварийным и подлежащим сносу. В связи с изъятием недвижимого имущества для муниципальных нужд Л.О. и В.Н. передали муниципальному образованию изымаемое жилое помещение (по 1/2 доле) и обязались сняться с регистрационного учета. Взамен изымаемого имущества В.Н. предоставлена по договору социального найма квартира, Л.О. произведена выплата возмещения в размере рыночной стоимости доли. 18 мая 2022 г. произведена государственная регистрация права собственности муниципального образования на спорное жилое помещение.

Ответчики Л. и В. остаются зарегистрированными по месту жительства в переданном для муниципальных нужд жилом помещении, однако, по мнению истца, правовых оснований для сохранения права пользования и регистрации в спорном жилом помещении у ответчиков не имеется.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст.ст. 292, 301 ГК РФ, исходил из

того, что право собственности в отношении спорного жилого помещения, признанного аварийным и подлежащим сносу, в установленном законом порядке перешло к муниципальному образованию, собственниками указанного жилого помещения реализовано право на возмещение, ответчики Л. и В. в спорном жилом помещении фактически не проживают, правовых оснований для сохранения права пользования и регистрации в данном жилом помещении у них не имеется.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции сослался также на положения ст.ст. 35, 83 ЖК РФ, указав, что в данном случае право пользования Л. и В. спорным жилым помещением подлежит прекращению в связи с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Статьей 304 ГК РФ предусмотрено, что собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

Согласно пп. 1, 2 ст. 292 ГК РФ члены семьи собственника, проживающие в принадлежащем ему жилом помещении, имеют право пользования этим помещением на условиях, предусмотренных жилищным законодательством. Переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не установлено законом.

Частью 1 ст. 35 ЖК РФ установлено, что в случае прекращения у гражданина права пользования жилым помещением по основаниям, предусмотренным указанным Кодексом, другими федеральными законами, договором, или на основании решения суда данный гражданин обязан освободить соответствующее жилое помещение (прекратить пользоваться им). Если данный гражданин в срок, установленный собственником соответствующего жилого помещения, не освобождает указанное жилое помещение, он подлежит выселению по требованию собственника на основании решения суда.

Статьей 31 ЖК РФ урегулированы права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении. К членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи (ч. 1 указанной статьи).

В силу ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи.

В соответствии со ст. 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федера-

ции” действие положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором.

Из материалов дела следует, что спорное жилое помещение находилось в собственности (по 1/2 доле) у Л.О. и В.Н., 2012 года рождения, на основании договора передачи (приватизации) жилого помещения (квартиры) в собственность от 15 апреля 2015 г.

При приватизации спорного жилого помещения ответчики Л. и В. отказались от участия в приватизации в пользу Л.О. и В.Н., в связи с чем приобрели право бессрочного пользования указанным жилым помещением.

Таким образом, после выезда собственников из спорной квартиры Л. и В. остались в ней проживать и были вынуждены выехать в тот момент, когда коммунальные службы отключили жилой дом от систем энергообеспечения.

Согласно ч. 4 ст. 15 ЖК РФ жилое помещение может быть признано непригодным для проживания, многоквартирный дом может быть признан аварийным и подлежащим сносу или реконструкции по основаниям и в порядке, которые установлены Правительством РФ. В многоквартирном доме, признанном аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, все жилые помещения являются непригодными для проживания.

Возмещение за жилое помещение, сроки и другие условия изъятия определяются соглашением с собственником жилого помещения. Принудительное изъятие жилого помещения на основании решения суда возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения. При этом по заявлению прежнего собственника жилого помещения за ним сохраняется право пользования жилым помещением, если у прежнего собственника не имеется в собственности иных жилых помещений, не более чем на 6 месяцев после предоставления возмещения прежнему собственнику жилого помещения, если соглашением с прежним собственником жилого помещения не установлено иное (ч. 6 ст. 32 ЖК РФ).

Между тем в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со ст. 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации”, ч. 6 ст. 32 ЖК РФ не обеспечивает — на основе принципов равенства и справедливости — решения вопроса о порядке и условиях сохранения жилищных гарантий, предусмотренных для бывших членов семьи собственника жилого помещения, отказавшихся от участия в его приватизации, в случае его признания непригодным для проживания, а многоквартирного дома — аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Рассматриваемое регулирование, в целом ориентированное на защиту жилищных прав, не содержит нормативного механизма, рассчитанного на обеспечение прав указанной категории граждан.

В связи с этим Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2024 г. № 21-П “По делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В. Штраус” ч. 6 ст. 32 ЖК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере,

в какой данная норма в системе действующего правового регулирования не обеспечивает надлежащих гарантий защиты жилищных прав бывших членов семьи собственника жилого помещения, отказавшихся от участия в его приватизации, для которых это жилое помещение является единственным и которые не имеют реальной возможности самостоятельно удовлетворить потребность в жилище, при изъятии этого жилого помещения (в том числе признанного непригодным для проживания) для муниципальных нужд в связи с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции.

Из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в указанном Постановлении, следует, что впредь до внесения в действующее законодательство необходимых изменений ч. 6 ст. 32 ЖК РФ предполагает, что в случае изъятия у собственника жилого помещения для муниципальных нужд в связи с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции суд должен разрешить вопрос — если того требует бывший член семьи такого собственника, имевший в момент приватизации равное право пользования им с лицом, приватизировавшим жилое помещение, и отказавшийся от участия в приватизации, — об удовлетворении потребности такого бывшего члена семьи в жилище, обязав органы местного самоуправления соответствующего муниципального образования предоставить ему в пользование жилое помещение из муниципального жилищного фонда с момента, когда дальнейшее нахождение в изымаемом помещении невозможно или непосредственно создает опасность для жизни или здоровья, при условии, что для бывшего члена семьи собственника изымаемого помещения оно является единственным и такой бывший член семьи, признанный малоимущим, принят на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении или имеет право состоять на таком учете.

При рассмотрении спора ответчики ссылались на то, что спорное жилое помещение является для них единственным местом жительства, их выезд носил вынужденный характер в связи с отключением жилого дома от систем энергообеспечения, с 2020 года они состоят в списке малоимущих граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, иных жилых помещений, пригодных для постоянного проживания, не имеют.

Указанные обстоятельства, имеющие правовое значение для разрешения данного спора, в нарушение положений ст.ст. 55, 56 ГПК РФ были оставлены судом без внимания и надлежащей юридической оценки не получили.

Определение № 70-КГ24-4-К7

14. Необходимым условием признания законным вселения другого лица в жилое помещение, занимаемое нанимателем по договору социального найма, является согласие нанимателя, членов его семьи, наймодателя на его вселение.

К. обратилась в суд с иском к местной администрации о признании права пользования жилым помещением, признании членом семьи нанимателя, указав, что с 2007 года фактически проживает, содержит, ухаживает и оплачивает коммунальные услуги в квартире, расположенной по указанному в иске адресу. Спорная квартира предоставлялась Х. в 1986 году с составом семьи три человека на основании ордера. После смерти нанимателя Х. в 2002 году фактическим нанимателем стал ее сын Х.Д., который в 2007 году вселил истца в спорное жилое помещение, после чего они совместно проживали более 15 лет, вели общее хозяйство, имели

совместный быт вплоть до смерти Х.Д. в 2023 году. Расходы, связанные с захоронением Х.Д., несла также истец.

Местная администрация обратилась в суд с иском к К. о выселении, взыскании неустойки, указав, что спорная квартира является муниципальной собственностью на основании решения краевого Совета народных депутатов, принятого в 1991 году. В спорном жилом помещении зарегистрированных граждан нет, лицевой счет закрыт. Вышеуказанное жилое помещение без правоустанавливающих документов занимает К., которая согласно поквартирной карточке в спорной квартире никогда зарегистрирована не была. Ответчику было предложено освободить занимаемое жилое помещение, однако в добровольном порядке освободить занятое жилое помещение ответчик К. отказалась. Администрация просила устранить нарушение прав собственника по владению, пользованию, распоряжению спорным жилым помещением, выселить К. из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения. В случае неисполнения решения суда взыскать с К. в пользу администрации судебную неустойку в размере 10 000 руб. ежемесячно до момента фактического исполнения решения суда.

Определением суда гражданские дела по названным искам объединены в одно производство.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований К., суд первой инстанции исходил из того, что К. в родственных отношениях с умершим нанимателем спорной квартиры и членами его семьи не состояла; ею не представлено доказательств наличия соглашения о создании общей собственности. К. в спорной квартире зарегистрирована не была. Из представленных доказательств судом не установлено, что К. вселена в спорное жилое помещение как член семьи нанимателя, соглашений о ее вселении в качестве члена семьи нанимателя не заключалось. Кроме того, Х.Д. после смерти своей матери не перезаключал договор социального найма с собственником спорного жилого помещения. Отклоняя доводы К. о ведении ею с Х.Д. общего хозяйства, суд указал, что Х.Д. имел возможность зарегистрировать ее в спорном жилом помещении, она и умерший имели возможность зарегистрировать брак, оформить в собственность спорную квартиру.

Удовлетворяя требования администрации о выселении и взыскании неустойки, суд первой инстанции пришел к выводу об обоснованности заявленных требований, поскольку администрация является собственником спорного жилого помещения, имеет право требовать устранения препятствий в пользовании принадлежащим ей жилым помещением, принимая во внимание доказанный в ходе рассмотрения дела факт незаконного вселения К. в спорное жилое помещение.

Учитывая основания для возложения на ответчика исполнения обязательств в натуре, характер установленных по делу обстоятельств, суд взыскал с К. в пользу администрации судебную неустойку в размере 500 руб. за каждый месяц неисполнения решения суда в части требований о выселении.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции принял во внимание, что К. в спорное жилое помещение была вселена как член семьи Х.Д., проживавшего в нем на условиях договора социального найма и ставшего после смерти матери Х. фактическим нанимателем, что в спорном жилом помещении К. и Х.Д. жили одной семьей, вели совместное хозяйство по день смерти нанимателя, что расходы на захоронение Х.Д. не-

сла К., и пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения исковых требований К. и для отказа в удовлетворении требований администрации.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ч. 5 ст. 83 ЖК РФ договор социального найма жилого помещения прекращается со смертью одиноко проживавшего нанимателя.

В соответствии со ст. 82 ЖК РФ в случае смерти нанимателя член семьи нанимателя вправе требовать признания его нанимателем по ранее заключенному договору социального найма вместо первоначального нанимателя.

Пунктом 2 ст. 686 ГК РФ установлено, что в случае смерти нанимателя или его выбытия из жилого помещения договор продолжает действовать на тех же условиях, а нанимателем становится один из граждан, постоянно проживающих с прежним нанимателем, по общему согласию между ними. Если такое согласие не достигнуто, все граждане, постоянно проживающие в жилом помещении, становятся сонанимателями.

В силу ст. 70 ЖК РФ наниматель с согласия в письменной форме членов своей семьи, в том числе временно отсутствующих членов своей семьи, вправе вселить в занимаемое им жилое помещение по договору социального найма своего супруга, своих детей и родителей или с согласия в письменной форме членов своей семьи, в том числе временно отсутствующих членов своей семьи, и наймодателя — других граждан в качестве проживающих совместно с ним членов своей семьи. Наймодатель может запретить вселение граждан в качестве проживающих совместно с нанимателем членов его семьи в случае, если после их вселения общая площадь соответствующего жилого помещения на одного члена семьи составит менее учетной нормы. На вселение к родителям их несовершеннолетних детей не требуется согласия остальных членов семьи нанимателя и согласия наймодателя.

Вселение в жилое помещение граждан в качестве членов семьи нанимателя влечет за собой изменение соответствующего договора социального найма жилого помещения в части необходимости указания в данном договоре нового члена семьи нанимателя.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации” разъяснено, что если на вселение лица в жилое помещение не было получено письменного согласия нанимателя и (или) членов семьи нанимателя, а также согласия наймодателя, когда оно необходимо (ч. 1 ст. 70 ЖК РФ), то такое вселение следует рассматривать как незаконное и не порождающее у лица прав члена семьи нанимателя на жилое помещение.

Таким образом, необходимыми условиями признания законным вселения другого лица в жилое помещение, занимаемое нанимателем по договору социального найма, являются согласие нанимателя, членов его семьи, наймодателя на его вселение и изменение договора социального найма с указанием в нем такого лица.

Однако после смерти нанимателя жилого помещения члены его семьи в установленном законом порядке к наймодателю с требованием о признании нанимателем по ранее заключенному договору социального найма вместо первоначального нанимателя не обращались. Кроме того, Х.Д. при жизни к наймодателю за получением согласия на вселение К. в жилое помещение не обращался.

Вместе с тем К. имеет постоянную регистрацию в ином жилом помещении, являющемся муниципальной собственностью, в которое она была вселена как дочь нанимателя.

По общему правилу положения главы 7 ЖК РФ устанавливают, что наниматель жилого помещения по договору социального найма и члены его семьи не могут одновременно иметь право пользования другим жилым помещением, занимаемым по договору социального найма, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Определение № 58-КГ24-9-К9

Защита трудовых и социальных прав граждан

15. Нормы трудового законодательства, включая нормы, устанавливающие сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, подлежат применению к отношениям, возникшим на основании гражданско-правового договора, только после признания судом таких отношений трудовыми.

С. 28 июля 2023 г. обратился в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью “Импульс” (далее — общество) о признании отношений, возникших между ним и обществом на основании гражданско-правовых договоров в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г., трудовыми, об обязанности внести запись о работе в трудовую книжку, о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся ему как работнику.

В обоснование исковых требований С. указал, что с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. работал сторожем в обществе по договорам возмездного оказания услуг, которые заключались с ним ежемесячно. Однако данными гражданско-правовыми договорами фактически регулировались трудовые отношения, так как на протяжении всего указанного периода он выполнял обязанности сторожа, за что ему ежемесячно выплачивались денежные средства. Порядок его работы, график сменности определялись обществом. Вместе с тем общество в отношении С. не осуществляло уплаты обязательных страховых взносов по обязательному социальному страхованию, пенсионному страхованию.

Ответчик в суде иск не признал, заявил о пропуске истцом установленного ч. 2 ст. 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора по требованиям о взыскании задолженности по заработной плате и другим выплатам, причитающимся работнику С. при увольнении.

Решением суда первой инстанции от 18 декабря 2023 г. исковые требования С. удовлетворены частично. Разрешая спор, суд первой инстанции сослался, в частности, на положения ст.ст. 15, 16 ТК РФ, а также на статьи Гражданского кодекса РФ о договоре возмездного оказания услуг и, дав оценку представленным в материалы дела доказательствам, признал имевшие место в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. между С. и обществом отношения, оформленные гражданско-правовыми договорами, трудовыми и в связи с этим ука-

зал на наличие правовых оснований для взыскания с общества в пользу С. задолженности по заработной плате (с учетом регионального минимального размера оплаты труда и районного коэффициента) и других выплат, причитающихся С. как работнику.

Рассматривая заявление ответчика о пропуске С. установленного ч. 2 ст. 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора по требованиям С. о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся ему как работнику, суд первой инстанции исходил из того, что эти требования С. являются самостоятельными исковыми требованиями и к ним подлежит применению указанный срок, который подлежит исчислению со дня установленного срока выплаты данных сумм, т.е. с даты выплаты заработной платы за каждый месяц.

Отметив, что о нарушении трудовых прав С. стало известно с даты прекращения трудовых отношений, т.е. с 29 июня 2023 г., а требования о взыскании задолженности по заработной плате охватывают период начиная с января 2021 г., суд первой инстанции пришел к выводу о пропуске С. названного срока в части его требований о взыскании заработной платы и иных выплат, причитающихся ему как работнику за период с 3 января 2021 г. по июль 2022 г., при этом С. с заявлением о восстановлении пропущенного срока в суд не обращался, доказательств, свидетельствующих о наличии уважительных причин пропуска срока, не представил.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе С., признал правильными выводы суда первой инстанции о наличии между обществом и С. трудовых отношений в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. и о наличии оснований в связи с этим для взыскания с общества в пользу С. задолженности по заработной плате и иных выплат, причитающихся ему как работнику.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о пропуске С. установленного ч. 2 ст. 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд в части требований о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся ему как работнику, вследствие чего изменил решение суда первой инстанции, увеличив сумму подлежащей взысканию с общества в пользу С. заработной платы и других выплат, причитающихся ему как работнику.

Суд апелляционной инстанции, приведя положения ч. 1 ст. 14 ТК РФ, подчеркнул, что после установления наличия трудовых отношений между сторонами они подлежат оформлению в предусмотренном трудовым законодательством порядке и только после признания их таковыми судом у работника возникает право требовать распространения норм трудового законодательства на имевшие место трудовые отношения, в том числе требовать взыскания задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении, предъявлять иные требования, связанные с трудовыми отношениями.

Поскольку наличие трудовых, а не гражданско-правовых отношений между обществом и С. было установлено судом первой инстанции (решение от 18 декабря 2023 г.), суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что С. не пропущен годичный срок обращения в суд с названными требованиями.

Кассационный суд общей юрисдикции не согласился с выводами суда апелляционной инстан-

ции о том, что С. не пропущен установленный ч. 2 ст. 392 ТК РФ годичный срок обращения в суд с требованиями о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся ему как работнику, высказав суждение о том, что такой вывод противоречит установленным по делу обстоятельствам и положениям ч. 2 ст. 392, ч. 6 ст. 136 ТК РФ.

Отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, кассационный суд общей юрисдикции исходил из того, что трудовые отношения между обществом и С. имели место с 3 января 2021 г. и с этой даты общество ежемесячно выплачивало С. денежные средства за выполненную по гражданско-правовым договорам работу, ввиду чего признал правильными выводы суда первой инстанции о пропуске С. годичного срока обращения в суд за разрешением спора по части требований о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся ему как работнику.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение кассационного суда общей юрисдикции и оставила в силе апелляционное определение в связи со следующим.

По общему правилу, установленному ст. 392 ТК РФ, работник вправе обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение 3 месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Вместе с тем законом установлены и специальные сроки для обращения в суд за разрешением определенных категорий индивидуальных трудовых споров. К таким спорам отнесены споры о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, срок на обращение в суд по которым составляет 1 год, исчисляемый со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе при увольнении.

Сроки выплаты работнику заработной платы установлены ст. 136 ТК РФ, сроки расчета с работником при увольнении регламентированы ст. 140 ТК РФ.

Течение сроков, с которыми Трудовой кодекс РФ связывает возникновение трудовых прав и обязанностей, начинается с календарной даты, которой определено начало возникновения указанных прав и обязанностей (ч. 1 ст. 14 ТК РФ).

Согласно материалам дела общество в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. с С. заключало гражданско-правовые договоры возмездного оказания услуг, в связи с чем им в суд были заявлены иски о признании этих отношений трудовыми. Одновременно с данными требованиями С. также были заявлены иски о взыскании с общества, как с работодателя в его пользу как работника за весь период его работы в обществе задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск, компенсации за несвоевременную выплату денежных средств, компенсации морального вреда, об обязанности общества внести запись о работе в трудовую книжку С., произвести отчисления обязательных взносов в соответствующие фонды и Федеральную налоговую службу.

Из положений ч. 4 ст. 11, ч. 1 ст. 14, ст. 19¹ ТК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в постановлении от 29 мая 2018 г. № 15 “О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям”, следует,

что в случае признания судом отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми они подлежат оформлению работодателем в установленном трудовым законодательством порядке, а у истца по такому спору возникает право требовать распространения норм трудового законодательства на имевшие место фактически трудовые отношения и, в частности, требовать взыскания задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении, предъявлять другие требования, связанные с трудовыми правоотношениями.

Следовательно, нормы трудового законодательства, включая нормы, устанавливающие сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, подлежат применению к отношениям, возникшим на основании гражданско-правового договора, только после признания судом таких отношений трудовыми.

Именно из такого толкования нормативных положений ст. 14 ТК РФ исходил суд апелляционной инстанции, сделавший вывод о том, что, поскольку отношения, возникшие между С. и обществом на основании гражданско-правовых договоров возмездного оказания услуг, были признаны трудовыми только в судебном порядке, а иски о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся С. как работнику, были заявлены им одновременно с исковыми требованиями о признании отношений, возникших на основании гражданско-правовых договоров, трудовыми, срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся С. как работнику, им не пропущен.

Кассационный суд общей юрисдикции, отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, пришедшего к выводу о пропуске С. установленного ч. 2 ст. 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, неправильно истолковал нормы материального права о сроках обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, что повлекло нарушение прав и законных интересов С.

Определение № 64-КГ24-4-К9

16. При расчете среднедушевого дохода семьи в целях получения в качестве меры социальной поддержки ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка в составе дохода семьи алименты учитываются только в том случае, если они получены членами семьи, а не уплачены ими.

П. 28 марта 2023 г. обратилась в суд с иском к отделению Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) (далее — орган пенсионного и социального страхования) о признании незаконным отказа в назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка.

В обоснование исковых требований указано, что П. состоит в браке с И., 27 сентября 2022 г. у них родилась дочь М.

П. 26 января 2023 г. обратилась в орган пенсионного и социального страхования с заявлением о назначении ей ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка на основании Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей”.

Решением органа пенсионного и социального страхования П. отказано в назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка по причине превышения размера среднедушевого дохода семьи П. 2-кратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленной в Республике Саха (Якутия). При расчете среднедушевого дохода семьи П. из дохода ее семьи не была исключена сумма уплаченных супругом П. — И. алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции исходил из того, что при расчете среднедушевого дохода семьи П. у ответчика не имелось правовых оснований для исключения из дохода этой семьи суммы уплаченных супругом П. алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака, поскольку Перечнем видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, утвержденным постановлением Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512, на дату подачи П. заявления о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка такой возможности не предусматривалось.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права в связи со следующим.

Из подлежащих применению к отношениям сторон, в частности положений ст. 3, ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи”, п. 3 ст. 6 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ “О прожиточном минимуме в Российской Федерации”, ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи”, следует, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, особая забота со стороны государства направлена на принятие мер по поддержке материального благополучия семей с детьми. Предоставление некоторых видов государственной социальной поддержки семьям, имеющим детей, обусловлено тем, что их среднедушевой доход ниже определенной величины прожиточного минимума в соответствующем субъекте Российской Федерации, и направлено на поддержание уровня жизни этих семей.

Одной из таких мер социальной поддержки является ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, основания и порядок выплаты которой урегулированы Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей”. Право на получение названной ежемесячной выплаты возникает в случае, если первый ребенок рожден (усыновлен) в период с 1 января 2018 г. до 1 января 2023 г. и среднедушевой доход семьи не превышает 2-кратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения, установлен-

ную в субъекте Российской Федерации. Для расчета среднедушевого дохода семьи учитываются определенные виды доходов, полученные членами семьи в денежной форме за 12 календарных месяцев. Среди таких доходов — заработная плата, пенсии, пособия, денежное довольствие военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512 утвержден Перечень видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи (далее — Перечень). В данном Перечне (в ред., действовавшей до 1 января 2023 г.) в числе других доходов семьи или одиноко проживающего гражданина указаны алименты, получаемые членами семьи (абз. 9 подп. “ж” п. 1 Перечня). В п. 3 Перечня было установлено, что из дохода семьи или одиноко проживающего гражданина исключается сумма уплаченных алиментов.

Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2522 “О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 г. № 1933 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации”, вступившим в силу с 1 января 2023 г., п. 3 Перечня видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, утвержденного постановлением Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512, признан утратившим силу.

В Перечне в редакции, действовавшей на дату подачи П. заявления о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка — 26 января 2023 г., в числе доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, названы алименты, получаемые членами семьи (абз. 9 подп. “ж” п. 1 Перечня).

Таким образом, при расчете среднедушевого дохода семьи учету подлежат только те денежные средства, которые получены членами семьи в качестве определенного законом вида дохода.

Вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что при расчете среднедушевого дохода семьи П. в качестве дохода нужно также учитывать суммы уплаченных супругом П. — И. алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака, свидетельствует о неправильном толковании судами первой и апелляционной инстанций нормативных положений, определяющих, какие виды доходов членов семьи подлежат учету при расчете их среднедушевого дохода в целях получения названной меры социальной поддержки.

Исходя из буквального толкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, при расчете среднедушевого дохода семьи алименты учитываются только в том случае, если они получены членами семьи, т.е. являются доходом членов семьи, а не уплачены ими, что следует из содержания указанного Перечня, которым установлено, что к доходам членов семьи относятся полученные денежные суммы, в числе которых полученные алименты. Признание утратившим силу п. 3 названного Перечня, содержавшего указание на то, что из дохода семьи или одиноко проживающего гражданина исключается сумма уплаченных

алиментов, не изменило правовой сути понятия дохода семьи.

Иное толкование норм материального права о понятии и видах доходов семьи, учитываемых в целях получения в качестве меры социальной поддержки ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, приведет к одновременному включению одной и той же суммы алиментов в доходы семьи, получающей эти алименты, и в доходы той семьи, член которой их уплачивает.

Вследствие неправильного применения норм материального права, регулирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания и правовой оценки довод П. о том, что размер среднедушевого дохода ее семьи, определенный без учета уплаченных ее супругом алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака, не превышает 2-кратную величину прожиточного минимума для трудоспособного населения Республики Саха (Якутия).

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность состоявшихся по делу судебных постановлений, допущенные нарушения норм права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379⁶ и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 74-КГ24-2-К9

17. Если отказ в приеме на работу гражданина будет признан судом незаконным, то в целях восстановления нарушенных трудовых прав такого гражданина его требование о возложении на работодателя обязанности заключить с ним трудовой договор также подлежит удовлетворению судом.

Е. 15 февраля 2023 г. обратилась в суд иском к образовательному учреждению (далее — колледж, работодатель) о признании необоснованным (незаконным) отказа в приеме на работу, возложении обязанности заключить трудовой договор, взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Е. указала, что с 1986 года по декабрь 2022 г. работала в колледже в должности преподавателя специальных дисциплин.

В декабре 2022 г. вследствие стечения личных обстоятельств Е. расторгла трудовой договор по собственной инициативе, предварительно согласовав в устной форме с работодателем возможность приема ее на работу в колледж на прежнюю должность в 2023 году. 13 января 2023 г. Е. обратилась к директору колледжа с заявлением о приеме на работу на должность преподавателя специальных дисциплин с 6 февраля 2023 г., в чем ей было отказано 30 января 2023 г. по причине отсутствия вакансий.

Е. считала причину отказа в приеме на работу не соответствующей действительности, поскольку по состоянию на 31 января 2023 г. в федеральной государственной информационной системе “Работа в России” имелась информация о наличии в колледже вакансий, в том числе должностей преподавателей дисциплин, которые Е. могла занимать с учетом имеющихся у нее образования и квалификации. По мнению Е., отказ в принятии ее на работу вызван конфликтной ситуацией, произошедшей до увольнения в 2022 году между ней и директором колледжа по вопросу распределения ра-

ботодателем учебной нагрузки между педагогическими работниками.

Е., ссылаясь на ст.ст. 3, 22, 64 ТК РФ, просила суд признать отказ в приеме на работу необоснованным, не связанным с ее деловыми качествами, восстановить нарушенные права путем возложения на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор с даты ее обращения о приеме на работу в соответствии с предложением, размещенным на портале “Работа в России”.

Решением суда первой инстанции исковые требования Е. оставлены без удовлетворения.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о признании незаконным отказа в приеме на работу, взыскании компенсации морального вреда.

В отмененной части судом апелляционной инстанции принято новое решение, которым признан незаконным отказ колледжа от 30 января 2023 г. в приеме на работу Е. на должность преподавателя. С колледжа в пользу Е. взысканы компенсация морального вреда, расходы на оплату юридических услуг, почтовые расходы. В остальной части (об отказе в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор) решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор, суд апелляционной инстанции высказал суждение о том, что решение о понуждении работодателя заключить трудовой договор не входит в компетенцию суда, заключение трудового договора с соблюдением всех существенных условий является правом не только работника, но и работодателя при отсутствии фактических трудовых отношений между ними.

Кассационным судом общей юрисдикции апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор, указав следующее.

Из нормативных положений о праве граждан на труд и о наличии у граждан возможности свободно распоряжаться своими способностями к труду, в том числе путем заключения трудового договора с работодателем, в их взаимосвязи с нормативными предписаниями о запрете на необоснованный отказ в заключении трудового договора и о судебной защите трудовых прав и свобод (ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации, положений ст.ст. 1—3, 5, 9, 16, 21, 22, 63, 64—71 ТК РФ) и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, данных в п. 10 постановления от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации”, следует, что по общему правилу трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого между ними в соответствии с Трудовым кодексом РФ в добровольном порядке. Вместе с тем нормами трудового законодательства предусмотрена возможность возникновения трудовых отношений на основании трудового договора, который подлежит заключению между работником и работодателем в результате судебного решения о заключении такого договора.

Действующим трудовым законодательством, которое в силу его нормативных предписаний работодатель должен соблюдать, запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора, т.е. такой отказ, который не основан на деловых качествах работника, а именно способностях работника выполнять определенные трудовые функции с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств. Отказ работодателя в заключении трудового договора может быть обжалован в суд гражданином, который претендует на работу у данного работодателя.

Следовательно, если отказ в приеме на работу гражданина будет признан судом необоснованным (незаконным), то в целях восстановления нарушенных трудовых прав такого гражданина и надлежащей защиты его прав и законных интересов как работника, являющегося экономически более слабой стороной в трудовых отношениях, его требования о возложении на работодателя обязанности заключить трудовой договор подлежат удовлетворению судом. На основании такого судебного решения работодатель обязан заключить трудовой договор с гражданином, которому он ранее незаконно отказал в приеме на работу.

Суд апелляционной инстанции к спорным отношениям нормы Трудового кодекса РФ применил неправильно, вследствие чего пришел к неправомерному выводу о том, что решение о понуждении работодателя заключить трудовой договор не входит в компетенцию суда, а трудовым законодательством не предусмотрено такого способа защиты прав лица, желающего заключить трудовой договор с конкретным работодателем, как возложение на данного работодателя обязанности заключить соответствующий трудовой договор.

Суд апелляционной инстанции, признав на основании положений ст. 64 ТК РФ незаконным отказ колледжа (работодателя) в приеме на работу Е. и одновременно отказав в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на этого работодателя обязанности заключить с ней трудовой договор, не принял во внимание, что, обращаясь в суд с иском о признании необоснованного отказа колледжа (работодателя) в приеме на работу, Е. имела своей целью трудоустройство у данного работодателя, т.е. восстановление нарушенного права на труд. При этом требование о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор являлось производным от основного требования о признании необоснованным отказа в приеме на работу.

Неправильное применение судом апелляционной инстанции норм материального права к спорным отношениям привело к нарушению права Е. на труд, гарантированного каждому ст. 37 Конституции Российской Федерации.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные им нарушения норм материального права не выявил и не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор, дело в отмененной части направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 2-КГ24-8-КЗ

Процессуальные вопросы

18. Изменение решения суда и разрешение вопроса о правах и об обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле, путем разъяснения решения не допускается.

Вступившим в законную силу решением суда от 22 августа 2023 г. удовлетворены исковые требования местной администрации к Г., П.: признан незаконным раздел спорного земельного участка с кадастровым номером 23:30:0701000:658 на 28 земельных участков; признаны незаконными межевой план, в соответствии с которым образованы и поставлены на кадастровый учет вновь образованные земельные участки, постановка их на кадастровый учет и изменение вида разрешенного использования. Указано, что решение суда является основанием для внесения в ЕГРН сведений об аннулировании права Г. на спорные земельные участки, восстановлены сведения в отношении земельного участка с кадастровым номером 23:30:0701000:658 площадью 18 700 кв.м, расположенного в границах агрофирмы, с видом разрешенного использования “для сельскохозяйственного производства”.

3 июня 2024 г. Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — управление Росреестра) обратилось в суд с заявлением о разъяснении решения суда, указав, что на регистрацию представлено решение суда от 22 августа 2023 г., согласно которому удовлетворены исковые требования местной администрации в части признания раздела земельного участка с кадастровым номером 23:30:0701000:658 на 28 земельных участков незаконным, о снятии их с государственного кадастрового учета и об аннулировании права собственности Г. на образованные земельные участки. Однако в ЕГРН содержатся сведения о земельных участках с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296, 23:30:0701000:4306, которые принадлежат на праве собственности П. В целях проведения государственной регистрации не ясно, является ли вышеуказанное решение суда основанием для погашения регистрационных записей о правах и снятия с государственного кадастрового учета земельных участков с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296, 23:30:0701000:4306.

Судом установлено, что после подачи местной администрацией иска в суд из 28 земельных участков Г. по договору купли-продажи от 31 мая 2023 г. проданы П. два земельных участка с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4306 и 23:30:0701000:4296.

Согласно выпискам из ЕГРН земельный участок с кадастровым номером 23:30:0701000:4306 площадью 700 кв.м с видом разрешенного использования “для индивидуального жилищного строительства” с 1 июня 2023 г. принадлежит на праве собственности П.; земельный участок с кадастровым номером 23:30:0701000:4296 площадью 822 кв.м с видом разрешенного использования “гостиничное обслуживание” также с 1 июня 2023 г. принадлежит П.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о возможности разъяснения решения районного суда от 22 августа 2023 г., сославшись на то, что разъяснение решения не изменит сути и смысла вынесенного судебного постановления.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, заявление о разъяснении решения суда удовлетворено. В определении указано, что решение суда является основанием для погашения управлением Росреестра регистрационных записей о правах и снятия с государственного кадастрового учета земельных участков с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296, 23:30:0701000:4306.

Определением кассационного суда общей юрисдикции определение суда первой инстанции и апелляционное определение оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что при рассмотрении дела по заявлению управления Росреестра о разъяснении решения суда судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм права, поскольку разъяснение решения суда по данному делу направлено на изменение его содержания по существу.

В соответствии со ст. 202 ГПК РФ в случае неясности решения суда, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении” разъяснено, что, поскольку ст. 202 ГПК РФ предоставляет суду возможность разъяснить решение, не изменяя его содержания, суд не может под видом разъяснения изменить его или разрешить вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства.

Таким образом, разъяснение решения является одним из способов устранения его недостатков. Оно производится в случае неясности или нечеткости решения. При этом суд не может под видом разъяснения решения изменить его или разрешить вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства.

Однако суд первой инстанции, разъясняя решение суда от 22 августа 2023 г., фактически изменил его содержание, указав, что решение является основанием для погашения регистрационных записей о правах и снятия с кадастрового учета земельных участков с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296 и 23:30:0701000:4306, принадлежащих П.

Между тем исковые требования о погашении прав П. на указанные земельные участки истцом не заявлялись, предметом разбирательства дела не являлись и решение о правах П. не выносилось.

Из текста решения суда следует, что аннулировано право собственности Г. в отношении земельных участков, в том числе с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296 и 23:30:0701000:4306, на которые после раздела исходного земельного участка первично было зарегистрировано право собственности.

Указанным решением право собственности П. не аннулировалось.

Суд, установив, что основания раздела земельных участков являются незаконными, не рассматривал вопрос о признании договора купли-продажи от 31 мая 2023 г., являющегося основанием возникновения права собственности П., недействительным или ничтожным, в связи с чем лишение П. права собственности на возмездно приобретенное ею имущество путем разъяснения решения суда незаконно.

В кассационной жалобе П. ссылалась на то, что не обжаловала решение суда, поскольку в отношении ее права собственности решение не выносилось, однако в результате разъяснения решение фактически было изменено, она лишена права собственности, при этом срок на обжалование решения истек.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу о разъяснении решения суда судебные постановления и приняла новое судебное постановление об отказе в удовлетворении заявления управления Росреестра о разъяснении решения суда от 22 августа 2023 г.

Определение № 18-КГ25-101-К4

19. При исчислении срока на подачу частной жалобы, исчисляемого днями, в него не включаются выходные дни — суббота и воскресенье, а также нерабочие праздничные дни, установленные трудовым законодательством Российской Федерации.

Вступившим в законную силу решением суда от 1 февраля 2018 г. частично удовлетворены исковые требования Е. к некоммерческой организации и другим ответчикам о признании доли в праве незначительной, прекращении права общей долевой собственности и взыскании неосновательного обогащения.

Определением суда от 24 октября 2023 г. в удовлетворении заявления некоммерческой организации о пересмотре указанного решения по новым обстоятельствам отказано.

14 ноября 2023 г. в суд поступила частная жалоба некоммерческой организации на вышеупомянутое определение, в которой содержится просьба о восстановлении пропущенного процессуального срока ее подачи.

Отказывая в восстановлении этого срока, суд первой инстанции исходил из того, что процессуальный срок на подачу частной жалобы истек 8 ноября 2023 г., тогда как частная жалоба подана в суд только 14 ноября 2023 г.

Каких-либо убедительных доказательств, свидетельствующих о наличии обстоятельств, препятствовавших своевременной подаче частной жалобы, по мнению суда, заявителем не представлено.

С такими выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что при рассмотрении дела по заявлению некоммерческой организации о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу частной жалобы судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм процессуального права, поскольку судами неверно исчислен процессуальный срок обжалования судебного постановления.

В соответствии со ст. 332 ГПК РФ частная жалоба, представление прокурора могут быть поданы в течение 15 дней со дня вынесения определения судом первой инстанции, если иные сроки не установлены данным Кодексом.

Согласно ч. 3 ст. 107 этого же Кодекса течение процессуального срока, исчисляемого годами, месяцами или днями, начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало.

В сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни, если иное не установлено данным Кодексом.

В соответствии со ст. 111 ТК РФ всем работникам предоставляются выходные дни (еженедельный непрерывный отдых). При пятидневной рабочей неделе работникам предоставляются два выходных дня в неделю, при шестидневной рабочей неделе — один выходной день.

Общим выходным днем является воскресенье. Второй выходной день при пятидневной рабочей неделе устанавливается коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка.

Оба выходных дня предоставляются, как правило, подряд.

Поскольку в судах Российской Федерации установлена пятидневная рабочая неделя, то к выходным дням применительно к абз. 2 ч. 3 ст. 107 ГПК РФ относятся суббота и воскресенье.

Так, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” в целях исчисления месячного срока на подачу апелляционных жалоб, представления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 ГПК РФ, разъяснено, что, если последний день срока выпадает на выходной день (субботу или воскресенье) либо на нерабочий праздничный день, днем окончания срока считается следующий за ним первый рабочий день (чч. 1 и 2 ст. 108 ГПК РФ, ст.ст. 111 и 112 ТК РФ).

В случаях, когда срок на апелляционное обжалование исчисляется днями, в него не включаются выходные и нерабочие праздничные дни (ч. 3 ст. 107 ГПК РФ, ст.ст. 111 и 112 ТК РФ), если иное не установлено Гражданским процессуальным кодексом РФ.

Аналогичное разъяснение содержится и в п. 2 действующего постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 “О процессуальных сроках”, согласно которому к нерабочим дням относятся выходные и нерабочие праздничные дни. Выходными днями являются суббота и воскресенье, перечень нерабочих праздничных дней устанавливается трудовым законодательством Российской Федерации.

В силу ст. 112 ТК РФ нерабочим праздничным днем в Российской Федерации является, в частности, 4 ноября — День народного единства.

При совпадении выходного и нерабочего праздничного дней выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день.

Поскольку 4 ноября 2023 г. являлся и выходным (суббота), и нерабочим праздничным днем, выходной день был перенесен на следующий после праздничного рабочий день, т.е. на 6 ноября 2023 г. (понедельник).

Из приведенных выше обстоятельств, положений законов и актов их толкования следует, что срок подачи частной жалобы на определение суда от 24 октября 2023 г. начал течь 25 октября 2023 г. — на следующий день после его вынесения, а оканчивался 15 ноября 2023 г. с учетом того, что 28 и 29 октября, 4, 5, 6, 11 и 12 ноября 2023 г. являлись выходными днями.

Частная жалоба с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока подана в суд 14 ноября 2023 г., т.е. в пределах установленного законом срока.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока, а дело направила в суд первой инстанции для разрешения вопросов, связанных с принятием частной жалобы на определение суда.

Определение № 18-КГ25-240-К4

20. В случае введения процедуры банкротства в отношении должника присужденные судом общей юрисдикции к взысканию с него денежные суммы подлежат индексации до дня введения первой процедуры по делу о его банкротстве.

М. обратилась в суд с заявлением об индексации денежной суммы, взысканной по заочному решению суда от 19 марта 2018 г., в размере 2 619 188 руб. за период с 19 марта 2018 г. по 31 ав-

густа 2022 г., ссылаясь на то, что названным заочным решением суда был удовлетворен ее иск к Б., с которого в ее пользу взысканы денежные средства, однако долг не погашен, в отношении ответчика возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве).

Судом установлено и следует из материалов дела, что 20 июня 2018 г. на основании названного заочного решения суда М. выданы исполнительные листы в отношении должника Б.

6 августа 2020 г. М. обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании Б. несостоятельным (банкротом).

Определением арбитражного суда от 8 декабря 2021 г. заявление М. о признании Б. несостоятельным (банкротом) признано обоснованным, в отношении Б. введена процедура реструктуризации долгов гражданина, утвержден финансовый управляющий. Признаны подлежащими включению в третью очередь реестра требований кредиторов Б. требования М. в размере 1 600 000 руб. о взыскании неосновательного обогащения, 200 000 руб. неустойки, 619 188 руб. неустойки, 10 000 руб. компенсации морального вреда, 100 000 руб. штрафа; требования в размере 200 000 руб. неустойки, 619 188 руб. неустойки, 100 000 руб. штрафа постановлено учесть отдельно в реестре требований кредиторов как подлежащие удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов.

Решением арбитражного суда от 1 августа 2022 г. процедура реструктуризации долгов Б. прекращена, он признан несостоятельным (банкротом), введена процедура реализации имущества, утвержден финансовый управляющий.

Отказывая М. в удовлетворении заявления об индексации взысканных денежных сумм, суд первой инстанции, сославшись на положения ст. 213¹¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве), исходил из того, что с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации его долгов прекращается начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина, за исключением текущих платежей. Поскольку Б. признан несостоятельным (банкротом) и в отношении его введена процедура реализации имущества гражданина, основания для индексации денежной суммы, взысканной по заочному решению суда от 19 марта 2018 г., отсутствуют.

Суд апелляционной инстанции оставил определение суда первой инстанции без изменения, дополнительно указав, что требования М. включены в третью очередь реестра требований кредиторов и Законом о банкротстве не предусмотрены возможность и порядок индексации сумм кредиторских требований, включенных в реестр требований кредиторов.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что состоявшиеся по делу судебные постановления вынесены с нарушением норм права, отменила их и направила заявление М. об индексации денежной суммы с делом на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 208 ГПК РФ по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда. Если иное не предусмотрено федеральным законом, присужденные денежные суммы индексируются со дня вынесения решения суда или, если решением суда предусмотрена выплата присужденной денежной суммы в предстоящем периоде, с момента, когда такая выплата должна была быть произведена.

По смыслу положений ст. 213², пп. 1, 2 ст. 213¹¹ Закона о банкротстве при разрешении вопроса об индексации в отношении лица, находящегося в процедурах банкротства, следует исходить из того, что введение в отношении должника банкротных процедур вызвано объективными причинами, когда взыскание задолженности и исполнение вступивших в законную силу судебных актов происходит в особом порядке и по особой процедуре, которые предусмотрены законодательством о несостоятельности, с целью формирования конкурсной массы и расчетов с кредиторами в соответствии с установленной очередностью.

Финансовые санкции и индексация в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, заменяются исключительно мораторными процентами (п. 4 ст. 63, п. 2 ст. 81, п. 2 ст. 95, п. 2¹ ст. 126 Закона о банкротстве), которые начисляются на сумму основного долга и фактически компенсируют креди-

тору инфляционные потери в период процедур банкротства до проведения с ним расчетов.

Следовательно, присужденные судом денежные суммы подлежат индексации только до дня введения первой процедуры по делу о банкротстве должника.

При разрешении заявления об индексации денежной суммы, взысканной в пользу М. с Б. по заочному решению суда от 19 марта 2018 г., приведенные выше положения законодательства были применены неправильно, поскольку суд не произвел индексацию присужденных денежных сумм за период, предшествующий введению в отношении Б. первой процедуры по делу о банкротстве.

Отказ в удовлетворении заявления об индексации присужденных денежных сумм за период до дня введения первой процедуры по делу о банкротстве должника повлек нарушение права М. на возмещение инфляционных потерь вследствие несвоевременного исполнения Б. заочного решения суда, вступившего в законную силу до дня введения первой процедуры по делу о банкротстве должника.

Определение № 18-КГ24-242-К4

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
8 октября 2025 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Давыдов В.А. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е.,
Глазов Ю.В., Иваненко Ю.Г., Крупнов И.В., Москаленко Ю.П.,
Нефедов О.Н., Пчелинцева Л.М., Хаменков В.Б.,
Хомчик В.В., Шилов О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство «Юридическая литература»
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 9,10. Тираж 3349 экз. Заказ 06-2026.

Отпечатано в ООО «СИНТЕРИЯ».
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
